

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

На правах рукописи

Федосеев Александр Андреевич

**ПРИНЦИП СОТРУДНИЧЕСТВА
СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА**

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Доктор юридических наук, профессор
Кузнецова Ольга Анатольевна

Пермь 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	20
1.1. Юридически значимое сотрудничество субъектов гражданского права как вид социального взаимодействия	20
1.2. Формы юридически значимого сотрудничества субъектов гражданского права	33
1.3. Понятие и позитивация принципа сотрудничества субъектов гражданского права	48
1.4. Место принципа сотрудничества субъектов гражданского права в системе гражданско-правовых принципов	62
ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	76
2.1. Юридические императивы принципа сотрудничества субъектов гражданского права	76
2.2. Реализация принципа сотрудничества субъектов договорных правоотношений	87
2.3. Реализация принципа сотрудничества субъектов внедоговорных обязательств	103
2.4. Реализация принципа сотрудничества субъектов вещных правоотношений	116
2.5. Реализация принципа сотрудничества субъектов корпоративных правоотношений	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	155

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования наблюдается в четырех аспектах: социально-экономическом, правоприменительном, правотворческом и доктринальном.

Социально-экономический аспект. Одной из важнейших задач права как системы социальных норм является обеспечение регулирования, адекватного потребностям общества. Как показывает социальная практика, а также социологические и экономические исследования последних десятилетий, построение общественных отношений по модели сотрудничества приводит к снижению транзакционных издержек участников гражданского оборота. В развитие этой идеи исследователями антимонопольного права выдвигается предложение об обоснованности ряда горизонтальных соглашений между независимыми субъектами малого бизнеса: в таком виде сотрудничество способствует повышению эффективности хозяйственных отношений и обеспечивает субъектам малого предпринимательства возможность конкурировать с крупными компаниями. Отечественное гражданско-правовое регулирование не в полной мере отражает описанные процессы, что затрудняет реализацию потенциала сотрудничества как формы социального взаимодействия в российском обществе.

Правоприменительный аспект. Традиционно считается, что в российском гражданском праве принцип сотрудничества не применяется для регулирования отношений, не являющихся обязательственными. Вместе с тем возможность применения отдельных императивов принципа сотрудничества за пределами обязательственных правоотношений все же наблюдается – соответствующие обязанности вытекают из содержания принципа добросовестности. Однако принцип добросовестности имеет слишком абстрактное содержание, что приводит к ситуационности регулирования и нарушению принципа правовой определенности. Все это создает для участников гражданского оборота риски привлечения к ответственности за нарушение неопределенных обязанностей по сотрудничеству, чем увеличивает их транзакционные издержки. Обращение к

принципу сотрудничества субъектов гражданского права позволит уточнить содержание принципа добросовестности.

Правотворческий аспект. Господствующий подход к принципу сотрудничества, предполагающий его распространение исключительно на обязательственные правоотношения, противоречит генезису и содержанию концепции сотрудничества, проистекающей из принципа добросовестности, отраслевой характер которого следует из нормы п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)¹. Учитывая последнее обстоятельство, трудно считать логически непротиворечивым суждение о том, что проистекающая из общеправового принципа идея о сотрудничестве субъектов гражданского права не реализуется в иных, помимо обязательственных, правоотношениях. Если это так, то правовые исследования концепции социального сотрудничества должны стать основанием для соответствующего реформирования законодательства в части признания за принципом сотрудничества значения всеобщей, универсальной идеи, определяющей характер осуществления участниками гражданско-правовых отношений своих субъективных прав и исполнения юридических обязанностей.

Доктринальный аспект. Несмотря на то, что мысль об отраслевом характере принципа сотрудничества в гражданском праве была высказана советскими исследователями еще в первой половине XX в. и в последующем неоднократно подтверждалась современными учеными, целостное учение об отраслевом принципе сотрудничества субъектов гражданского права до сих пор не сформулировано. Опубликованные исследования посвящены, главным образом, принципу сотрудничества субъектов обязательственных правоотношений. При этом основное внимание в них сосредоточено на договорных правоотношениях. По-прежнему требует разрешения вопрос о возможности реализации принципа сотрудничества во внедоговорных обязательствах, а также корпоративных и вещных правоотношениях.

Степень научной разработанности темы. Проблематика принципов

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральных закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

является одной из наиболее востребованных тем в цивилистической науке. Комплексное учение о принципах гражданского права было сформулировано еще в советские годы в работе Г.А. Свердлыка «Принципы советского гражданского права» (1985). В современной России учение о принципах гражданского права развивалось в докторских диссертациях Н.П. Асланян «Основные начала российского частного права» (2001), Е.Г. Комиссаровой «Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства» (2002), О.А. Кузнецовой «Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы» (2007), В.В. Ершова «Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов» (2009), А.В. Коновалова «Принципы гражданского права» (2019).

В качестве самостоятельного принципа сотрудничество стало рассматриваться благодаря работам советских исследователей – И.Б. Новицкого «Солидарность интересов в советском гражданском праве» (1951) и Т.В. Богачевой «Принципы взаимного содействия сторон и экономичности в договорных обязательствах» (1982).

В постсоветский период принципу сотрудничества были посвящены диссертации З.И. Цыбуленко («Правовые проблемы сотрудничества при исполнении хозяйственных обязательств в условиях перехода к рыночной экономике» (1991) и П.В. Панченко («Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве» (2018). Некоторые аспекты сотрудничества как правового принципа затрагиваются в диссертационных исследованиях А.В. Захаркиной («Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву» (2016) и А.Ф. Пьянковой («Баланс интересов в гражданском праве России и его обеспечение в договорных отношениях» (2013).

Отдельные вопросы, касающиеся содержания и реализации принципа сотрудничества, поднимаются в научных публикациях В.А. Белова, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, А.А. Волоса, А.В. Демкиной, Ю.М. Доренковой, О.С. Иоффе, А.Г. Карапетова, В.В. Кулакова, К.В. Нама, В.В. Ровного, В.Н. Ронжина, С.В. Сарбаша, Е.А. Суханова, К.П. Уржинского,

С.Ю. Филипповой и др.

За рубежом, где принцип сотрудничества рассматривается не как принцип, а как абстрактная по содержанию «обязанность сотрудничать» (“duty to cooperate”), изучению данного правового феномена посвящены работы R. Demogue “Traité des obligations en général” («Об обязательствах в целом») (1932), E. Klimas “The Principle of Duty to Co-operate, the Implementation and Significance of This Principle in Legal Contractual Construction Relations” («Принцип обязанности сотрудничать, применение и значение этого принципа в правоотношениях из строительных договоров» (2011), C. Pedamon, R. Vassileva “The “Duty to Cooperate” in English and French Contract Law: One Channel, Two Distinct Views” («Обязанность сотрудничать» в договорном праве Англии и Франции: один канал, два разных взгляда» (2019), Huageng Xu “The Trust Mechanism in Privat Law: Fiduciary Duty and Good Faith as Examples” («Механизм доверия в частном праве на примере фидуциарных обязанностей и добросовестности») (2019).

Отмеченные исследования внесли значительный вклад в развитие учения о принципе сотрудничества. Однако все они рассматривали сотрудничество исключительно как принцип обязательственного права, не предполагая возможности расширения его регулятивного воздействия на иные виды гражданских правоотношений. Вместе с тем еще в прошлом столетии В.П. Грибанов отмечал применимость принципа сотрудничества и к иным, помимо обязательственных, гражданским правоотношениям. Мысль была развита в научных статьях В.С. Ема, Т.С. Яценко («Функциональное назначение и сфера применения принципа солидарности в гражданском праве», 2018) и А.Ю. Мигачевой («О принципе сотрудничества участников гражданских правоотношений», 2015), где авторами были раскрыты ключевые положения сотрудничества как отраслевого принципа, определены направления его дальнейшего исследования, однако комплексного учения все же не сформулировано.

Цель диссертационной работы заключается в создании комплексного учения об отраслевом принципе сотрудничества субъектов гражданского права,

включающего определение его понятия, основы содержания, места среди других гражданско-правовых принципов, юридических императивов и особенностей реализации в основных видах гражданских правоотношений.

Для достижения цели диссертационной работы были поставлены и решены следующие **задачи**:

- определить содержание юридически значимого социального сотрудничества как фундаментальной категории, составляющей ядро принципа сотрудничества субъектов гражданского права;

- выделить формы юридически значимого сотрудничества, которые составляют основу содержания принципа сотрудничества субъектов гражданского права;

- сформулировать понятие принципа сотрудничества субъектов гражданского права и определить наиболее эффективный способ его позитивации;

- установить место принципа сотрудничества субъектов гражданского права в системе принципов российского гражданского права;

- выявить юридические императивы принципа сотрудничества субъектов гражданского права;

- описать особенности реализации принципа сотрудничества субъектов договорных правоотношений;

- рассмотреть особенности реализации принципа сотрудничества субъектов внедоговорных обязательств;

- раскрыть особенности реализации принципа сотрудничества субъектов вещных правоотношений;

- выявить особенности реализации принципа сотрудничества субъектов корпоративных правоотношений.

Объект исследования: гражданско-правовые отношения по поводу реализации принципа сотрудничества субъектов гражданского права.

Предметом исследования выступают научные труды, посвященные учению о принципе сотрудничества в российском гражданском праве, нормы

российского гражданского законодательства, закрепляющие императивы принципа сотрудничества применительно к договорным и преддоговорным обязательствам, а также обязательствам из причинения вреда, вещным и корпоративным правоотношениям.

Методологической основой исследования являются всеобщий диалектический, а также общенаучные и частно-научные методы.

Всеобщий диалектический метод позволил рассмотреть принцип сотрудничества субъектов гражданского права во взаимосвязи с общенаучной категорией социального взаимодействия с учетом особенностей ее содержания и развития; определить роль и специфику правового регулирования отношений сотрудничества; сформулировать универсальное содержание принципа, позволившее установить его распространение его на различные виды отношений, входящих в предмет гражданского права, тем самым обосновав отраслевой характер принципа.

Из числа общенаучных методов были применены анализ, синтез, обобщение, конкретизация, индукция, дедукция, абстрагирование и систематизация.

Среди частно-научных применение получили догматико-правовой метод, использовавшийся в ходе анализа правовой доктрины о принципах права, включая принцип сотрудничества сторон обязательства; формально-юридический, применявшийся при изучении нормативно-правового материала с целью выявления в тексте действующего законодательства юридических императивов формулируемого принципа; системно-структурный метод, необходимый для включения нового принципа в категориальную систему российского гражданского права, а также при изучении имеющихся правовых институтов и механизмов, оказывающих влияние на отношения сотрудничества; историко-правовой метод, потребовавшийся для рассмотрения генезиса принципа сотрудничества, сравнения его содержания в советском и современном российском гражданском праве; сравнительно-правовой метод, применявшийся при анализе зарубежных право порядков, в которых также находит свое

выражение концепция, близкая по содержанию российской концепции юридически значимого сотрудничества (принципа сотрудничества).

В работе был использован междисциплинарный подход, что обусловило порядок изложения материала – от общесоциальных вопросов, исследуемых в иных гуманитарных науках, к собственно юридической проблематике.

Теоретическая основа исследования представлена работами таких отечественных ученых-юристов, как М.М. Агарков, Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, В.А. Белов, О.А. Беляева, Т.В. Богачева, Е.Е. Богданова, В.Г. Бородкин, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, А.В. Волков, А.В. Габов, Н.И. Гайдаенко Шер, Ю.С. Гамбаров, Б.М. Гонгало, В.П. Грибанов, Д.Д. Grimm, Э.А. Гурова, О.В. Гутников, В.В. Долинская, В.С. Ем, В.В. Зайцев, О.С. Иоффе, Ю.Х. Калмыков, А.Г. Карапетов, Е.В. Козлова, А.В. Коновалов, О.А. Красавчиков, Н.В. Кузнецова, Ю.Г. Лескова, Р.З. Лившиц, Д.В. Ломакин, А.А. Макрецова, А.Д. Манджиев, Д.И. Мейер, А.Ю. Мигачева, С.Ю. Морозов, А.А. Мохов, К.В. Нам, И.Б. Новицкий, П.В. Панченко, А.Е. Пашерстник, Т.П. Подшивалов, И.А. Покровский, Т.Н. Прохорко, В.К. Райхер, В.В. Ровный, В.Н. Ронжин, В.Д. Рузанова, Г.А. Свердлык, О.А. Серова, Е.А. Суханов, В.С. Сырбо, Е.М. Тужилова-Орданская, К.П. Уржинский, С.Ю. Филиппова, З.И. Цыбуленко, Г.Ф. Шершеневич, В.Ф. Яковлев и др.

Общенаучное значение юридически значимого сотрудничества, являющегося ядром формулируемого принципа, обусловил необходимость обращения к работам таких отечественных и зарубежных представителей других гуманитарных наук, как А.М. Архипов, Г.С. Батыгин, А.В. Воронцов, Л.К. Гребенкина, И.А. Громов, Н.В. Дмитриева, С.Г. Каропова, Л.А. Кривенцова, В.Б. Помелов, П.А. Сорокин, R. Axelrod, F. Fukuyama, A. Giddens, A. Seligman и др.

Помимо этого, были исследованы труды по гражданскому праву таких представителей зарубежной юридической науки, как R. Demogue, N.J. Giles, P. Nachev, C. Kee, E. Klimas, C. Pedamon, A. Schwartz, I. Schwenzer, R.E. Scott, S. Vaheesan, R. Vassileva и др.

При написании работы использовались результаты исследований представителей Пермской юридической школы: В.Г. Голубцова, А.В. Захаркиной, С.В. Ибрагимовой, Е.Г. Комиссаровой, О.А. Кузнецовой, А.Ф. Пьянковой, Т.В. Шершень.

Нормативную основу диссертационного исследования составили главным образом законодательные акты, содержащие нормы российского гражданского права. Решение поставленных задач исследования потребовало обращения также к подзаконным актам, регулиующим отношения в сфере землепользования, а также организации деятельности органов управления корпоративных организаций.

Эмпирическая база исследования представлена материалами судебной практики, в том числе Европейского суда по правам человека (1), Конституционного Суда РФ (10), Верховного Суда РФ (16), Высшего арбитражного суда РФ (6), арбитражных судов округов и арбитражных апелляционных судов (41), судов общей юрисдикции (4). Всего в работе приведено более семидесяти ссылок на материалы судебной практики, сформированной за период 2000–2021 гг.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что на основе раскрытых теоретических положений осуществлено комплексное цивилистическое исследование теоретических и практических проблем, связанных с реализацией принципа сотрудничества субъектов гражданского права как в договорных, так и в иных видах гражданско-правовых отношений, что позволило сформировать целостное, логически непротиворечивое учение об этом явлении.

В диссертации дано научное определение понятия юридически значимого сотрудничества, выявлены его формы; сформулировано вытекающее из юридически значимого сотрудничества понятие отраслевого принципа сотрудничества субъектов гражданского права, дано его определение, установлено место в системе принципов гражданского права, сконструирована система юридических императивов, описаны особенности их реализации в обязательственных правоотношениях на примере таких наиболее

иллюстративных правоотношений как договорные, преддоговорные и охранительные обязательства, абсолютных правоотношений – на примере вещных, а также корпоративных правоотношений как особой разновидности относительных правоотношений.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права – основополагающая, универсальная идея о том, что субъекты гражданских правоотношений осуществляют права и исполняют обязанности на основе взаимопомощи с учетом интересов друг друга для максимально эффективного достижения цели правоотношения.

Данный принцип является отраслевым, так как характеризует наиболее существенные черты гражданского права и проявляется практически во всех гражданско-правовых отношениях. В связи с тем, что он определяет характер осуществления прав и исполнения обязанностей, его позитивация осуществляется посредством косвенного закрепления, наличие соответствующей нормы-принципа не требуется.

2. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права связан с гражданско-правовыми принципами: недопустимости злоупотребления правом – через категорию юридически значимого сотрудничества, имеющую выражение в содержании обоих принципов; необходимости исполнения гражданско-правовых обязанностей – тем, что принцип сотрудничества субъектов гражданского права определяет характер исполнения юридических обязанностей; недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, устанавливающим границы действия принципа сотрудничества; равенства субъектов гражданских прав, предполагающий, по общему правилу, корреспондирующий набор прав и обязанностей сторон правоотношения, вытекающих из содержания принципа сотрудничества; диспозитивности, содержание которого закрепляет мотивы реализации субъектами гражданских прав принципа сотрудничества; добросовестности, включающим в свое содержание принцип сотрудничества в качестве юридического императива.

3. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права основан на идее социального сотрудничества, которое, попадая в сферу правового регулирования, приобретает юридическое значение, то есть становится юридически значимым.

Юридически значимое сотрудничество принимает активную и пассивную формы. Пассивную форму юридически значимого сотрудничества предложено именовать сотрудничеством-состоянием, которое направлено на обеспечение условий для достижения цели правоотношения, является основой для активной формы юридически значимого сотрудничества и реализуется в содержании принципа недопустимости злоупотребления правом.

Активная форма юридически значимого сотрудничества формирует содержание принципа сотрудничества и подразделяется на два вида: 1) деятельностное сотрудничество (сотрудничество действием), предполагающее совершение субъектами гражданского права активных действий, направленных на устранение непредвиденных препятствий к достижению цели правоотношения; и 2) информационное сотрудничество, направленное на обеспечение субъектов гражданского права необходимой для достижения цели правоотношения информацией.

4. На основе структуры активной формы юридически значимого сотрудничества выделены две группы юридических императивов принципа сотрудничества: 1) императивы деятельностного сотрудничества: а) мониторинг рисков наступления не предусмотренных содержанием правоотношения обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения; б) совершение превентивных действий, направленных на устранение рисков наступления обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения; в) незамедлительное устранение непредвиденных обстоятельств, ставших препятствием для достижения цели правоотношения; г) компенсация расходов, понесенных в связи с необходимостью устранения препятствия; и 2) императивы информационного сотрудничества: а) информирование участников гражданского оборота об

известных существенных обстоятельствах, которые могут затронуть их интересы; б) предоставление информации, без которой эффективное осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны; в) консультационное содействие.

Для учета особенностей различных видов гражданских правоотношений предложено использовать категорию субимператива принципа, представляющего собой результат конкретизации императивов применительно к конкретному виду гражданского правоотношения.

5. Применительно к реализации принципа сотрудничества в договорных правоотношениях предложено классифицировать договоры в зависимости от объема требуемого сотрудничества на дискретные, предполагающие разовое взаимодействие и минимальный объем сотрудничества, и реляционные, требующие длительного взаимодействия, содержащие «подразумеваемые» условия и требующие в связи с этим большего объема сотрудничества.

Императивы группы деятельностного сотрудничества в договорных правоотношениях конкретизируются в трех группах субимперативов: 1) реализуемые только в дискретных договорах: а) выявление факторов риска недостижения цели договора, связанных с объектом договора, б) совершение действий по устранению факторов риска недостижения цели договора, связанных с объектом договора; 2) реализуемые только в реляционных договорах: а) выявление всех доступных факторов риска недостижения цели договора, б) совершение действий по устранению всех доступных факторов риска недостижения цели договора; 3) реализуемые и в дискретных, и в реляционных договорах: а) пересмотр условий договора в случае невозможности достижения его цели на изначально предусмотренных условиях; б) справедливое распределение расходов, понесенных сторонами договора в связи с необходимостью проведения мероприятий, направленных на устранение обстоятельств, которые привели либо могли привести к невозможности эффективного достижения цели договора.

Императивы группы информационного сотрудничества в договорных правоотношениях конкретизируются в трех субимперативах, одинаково

справедливых как для дискретных, так и для реляционных договоров:

- а) обеспечение субъектами обязательства осведомленности иных участников гражданского оборота об обстоятельствах, связанных с обязательством, и способных оказать какое-либо воздействие на права и охраняемые законом интересы иных лиц;
- б) предоставление информации, необходимой для исполнения договора;
- в) оказание стороне договора необходимых консультаций относительно обстоятельств, связанных с договором.

6. В обязательствах из причинения вреда юридические императивы принципа сотрудничества могут быть детализированы в двух субимперативах:

- а) предоставление информации об альтернативных способах получения возмещения, обращение к которым позволит уменьшить размер подлежащего возмещению ущерба (информационное сотрудничество);
- б) принятие мер по предотвращению увеличения вреда (деятельностное сотрудничество).

В обязательствах вследствие неосновательного обогащения принцип сотрудничества реализуется в субимперативе, предполагающем принятие мер по предотвращению увеличения неосновательного обогащения, существующем в рамках группы деятельностного сотрудничества.

В преддоговорных правоотношениях императивы принципа сотрудничества реализуются непосредственно и не требуют детализации, поскольку преддоговорные обязательства не осложнены договоренностями сторон, и их регулирование осуществляется напрямую императивами принципа добросовестности, ключевым из которых для переговоров является принцип сотрудничества.

7. В вещных правоотношениях принцип сотрудничества обеспечивает устранение случайных, т. е. происходящих помимо воли субъектов вещного правоотношения, препятствий к осуществлению управомоченным лицом своего вещного права, под которыми следует считать случаи потери вещи; а также информационную обеспеченность субъектов гражданского права об особенностях имущества и осуществляемой с ним деятельности.

Императивы группы деятельностного сотрудничества реализуются в

институте находки и детализируются в двух группах субимперативов: 1) относящиеся только к уполномоченному лицу: а) выявление и анализ управомоченным лицом обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи; б) совершение управомоченным лицом действий по устранению обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи; в) принятие управомоченным лицом мер по поиску и возврату случайно утраченной вещи; г) компенсация управомоченным лицом расходов, понесенных обязанными лицами в связи с выполнением обязанностей по сотрудничеству; 2) относящиеся только к обязанным лицам: а) совершение обязанным лицом необременительных для себя действий по устранению обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи управомоченным лицом; б) принятие обязанными лицами мер по возврату найденного случайно утраченного имущества управомоченного лица.

Императивы группы информационного сотрудничества в вещных правоотношениях детализируются через два субимператива: а) предупреждение управомоченным лицом обязанных лиц об особенностях вещи, а также о характере своей деятельности, которые могут затронуть охраняемые законом интересы обязанных лиц; б) предупреждение обязанными лицами управомоченного лица об известных им обстоятельствах, которые могут затронуть охраняемые законом интересы управомоченного лица.

8. В корпоративных правоотношениях принцип сотрудничества основан на доктрине фидуциарных обязанностей и реализуется применительно к отношениям, связанным с управлением корпорацией, адресован членам органов управления корпоративного юридического лица, включая его участников (акционеров), составляющих высший орган управления.

Императивы группы деятельностного сотрудничества в корпоративных правоотношениях направлены на устранение двух обстоятельств, препятствующих достижению цели корпоративного правоотношения – нормальному функционированию корпорации: 1) конфликт интересов члена органа управления корпорации, приводящий к тому, что член органа управления осуществляет свои права и исполняет обязанности в соответствии с личными

целями вопреки цели правоотношения и 2) утрата участником корпорации против своей воли контроля над долей в капитале корпорации, что возможно в результате обращения взыскания на долю участника корпорации по его личным обязательствам и может стать причиной появления против воли субъектов корпоративного правоотношения в составе высшего органа управления корпорации лиц, участие которых для субъектов корпоративного правоотношения и корпорации нежелательно.

В рамках императивов группы деятельностного сотрудничества принцип реализуется через субимперативы: а) мониторинг рисков возникновения конфликта интересов либо утраты участником корпорации контроля над долей в капитале корпорации; б) совершение действий по устранению рисков возникновения конфликта интересов и утраты контроля над долей в капитале корпорации; в) устранение конфликта интересов и обеспечение контроля над долей в капитале общества; г) компенсация расходов корпорации и других членов органов управления корпорации, понесенных ими в связи с необходимостью предпринимать меры по устранению последствий конфликта интересов либо утраты участником контроля над долей в капитале корпорации против своей воли.

В рамках группы императивов информационного сотрудничества принцип сотрудничества реализуется в двух субимперативах: а) предоставление членами органов управления корпорации друг другу информации, имеющей значение для принятия решений органами управления; б) оказание членами органов управления корпорации друг другу необходимых консультаций.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обоснована тем, что:

- доказаны положения, вносящие вклад в расширение научных представлений о понятии, формах юридически значимого сотрудничества, выражением которого является принцип сотрудничества субъектов гражданского права;

- изложены понятие и специфические особенности содержания принципа сотрудничества субъектов гражданского права;

- раскрыто соотношение принципа сотрудничества субъектов гражданского

права с другими принципами российского гражданского права;

- изучены особенности реализации юридических императивов принципа сотрудничества субъектов гражданского права в различных видах гражданских правоотношений, включая абсолютные правоотношения;

- проведена актуализация научных знаний о принципе сотрудничества в гражданском праве в части его оснований, способе позитивации, содержании, соотношении со смежными принципами права, применимости при правовом регулировании различных видов гражданских правоотношений: договорных, внедоговорных (из причинения вреда и преддоговорных) обязательств, вещных и корпоративных.

Значение полученных результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

- разработаны выводы и рекомендации, которые могут быть внедрены в преподавание таких дисциплин, как «Гражданское право», «Предпринимательское право», «Корпоративное право» и др.;

- определены перспективы практического использования разработанного научного представления о принципе сотрудничества субъектов гражданского права путем учета при рассмотрении споров между субъектами гражданского оборота не только того, насколько ими формально осуществлялись субъективные права и исполнялись юридические обязанности, но и насколько соответствующее поведение отвечает императивам принципа сотрудничества;

- создана система практических рекомендаций, направленных на совершенствование правового регулирования принципа сотрудничества субъектов гражданского права, в том числе предложено:

а) рассматривать положения гл. 50 ГК РФ как закрепляющие механизм реализации принципа сотрудничества субъектов гражданского права применительно к вещным правоотношениям;

б) при рассмотрении в рамках любого правоотношения вопроса о необходимости предоставления информации применять по аналогии закона п. 4 ст. 434.1 ГК РФ о том, что если сторона переговоров передает другой стороне

информацию и сообщает при этом, что информация передается в качестве конфиденциальной, получающая информацию сторона обязана не раскрывать эту информацию и не использовать ее ненадлежащим образом для целей, не связанных с правоотношением;

в) отказ стороны от компенсации расходов, понесенных другой стороной на устранение непредвиденных обстоятельств, препятствующих достижению цели правоотношения, считать основанием для возникновения неосновательного обогащения у отказавшейся стороны, так как сотрудничество, по общему правилу, предполагает совместное несение расходов.

- представлены предложения по внесению изменений в ГК РФ с целью совершенствования действующего законодательства в части правового регулирования принципа сотрудничества субъектов гражданского права, в том числе предлагается изложить ст. 210 ГК РФ в следующей редакции:

«Статья 210. Бремя содержания имущества

Собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

Помимо содержания имущества собственник обязан:

- 1) контролировать состояние своего имущества;
- 2) информировать иных лиц об особенностях принадлежащего ему имущества, а также особенностях осуществляемой с ним деятельности, которые могут повлиять на охраняемые законом интересы иных лиц;
- 3) возмещать иным лицам вред, причиненный имуществом, за исключением случаев, когда имущество в момент причинения вреда находилось во владении третьих лиц, за поведение которых собственник ответственности не несет».

Апробация результатов исследования. Диссертационная работа была подготовлена и прошла обсуждение на кафедре предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета.

Основные выводы проведенной работы нашли отражение в 10 опубликованных работах, в том числе 4 – в изданиях, включенных в перечень

ВАК РФ Министерства науки и высшего образования РФ.

Результаты исследования докладывались на научно-практических конференциях различного уровня: II Региональной научно-практической конференции молодых ученых «Государство и право: история и современность» (Пермь, 12 декабря 2014 г.), III Региональной научно-практической конференции молодых ученых «Государство и право: история и современность» (Пермь, 11 декабря 2015 г.), XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (Пермь, 23–24 апреля 2015 г.), XVIII Международной научно-практической конференции молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (Пермь, 31 марта – 1 апреля 2016 г.), XIX Международной научно-практической конференции молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (Пермь, 13–14 апреля 2017 г.), XX Международной научно-практической конференции молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право» (Пермь, 12–13 апреля 2018 г.), XIII Всероссийской конференции студентов и молодых ученых «Проблемы реформирования российской государственности» (Екатеринбург, 13–14 декабря 2018 г.), Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Актуальные проблемы гражданского права и процесса: взгляд молодого исследователя» (Пермь, 30 ноября 2018 г.), Симпозиуме журнала «Вестник гражданского процесса» «2020 – современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции» (Казань, 25–26 сентября 2020 г.), 2-й Всероссийской научной конференции «Частное право в эволюционирующем обществе: традиции и новации» (Курск, 20 ноября 2020 г.).

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-311-90007.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, охватывающих девять параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

1.1. Юридически значимое сотрудничество субъектов гражданского права как вид социального взаимодействия

Юридически значимое сотрудничество производно от социального сотрудничества, которое является предметом исследования целого комплекса гуманитарных наук, среди которых большую роль играют социология, психология, педагогика, политология и юриспруденция.

Социальное сотрудничество признается одним из двух типов социального взаимодействия наравне с соперничеством. Главное отличие сотрудничества от соперничества заключается в том, что при сотрудничестве взаимодействие строится на взаимоподдержке, взаимопомощи участников, стремлении учитывать интересы партнера. Соперничество же основано на стремлении каждого участника опередить другого с целью получения желаемого неделимого объекта притязания. Видами соперничества признаются конкуренция и конфликт. Их отличие в том, что при конкуренции соперничающие лица могут лично не знать друг друга. В конфликте же, наоборот, стороны всегда знают друг о друге и взаимодействуют непосредственно друг с другом².

Поскольку сотрудничество имеет междисциплинарное значение, его изучение без учета достижений других наук не позволит сформировать комплексное представление об объекте исследования. В юриспруденции, педагогике, психологии и политологии социальное сотрудничество принято рассматривать в качестве самостоятельного явления. В социологии, наоборот, фокус внимания сосредоточен на родовом понятии «социальное взаимодействие».

Родоначальник философии позитивизма и социологической науки О. Конт определял социальное взаимодействие как базовый элемент общественной

---

² Врублевская О.А. О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 5 (12). С. 63.

структуры. Его ученик Э. Дюркгейм рассматривал социальное взаимодействие в качестве связей, объединяющих и притягивающих людей друг к другу и обладающих специфическими признаками³. Характеризуя общественную солидарность, О. Конт отмечал необходимость стремиться «к обнаружению связи “каждого со всеми”, когда удовлетворение общего блага будет рассматриваться как “способ, наиболее пригодный и обычный для обеспечения частного благополучия”»⁴.

Немецкий философ-материалист К. Маркс свой подход к определению социального взаимодействия раскрывал через содержание сущности человека, чертой которой является потребность в труде, так как производство и работа всегда являлись для человека необходимыми для выживания видами деятельности. А поскольку по объективным причинам люди всегда были вынуждены работать сообща, т. е. взаимодействовать, социальное взаимодействие стало естественной основой человеческой трудовой деятельности⁵.

Наиболее полно учение о социальном взаимодействии было сформулировано учеником Л.И. Петражицкого П.А. Сорокиным.

Заслугой ученого считается разработка трехэлементной структуры социального взаимодействия, включающей в себя 1) индивидов, 2) их акты, (действия) и 3) проводников (средства, используемые индивидами при взаимодействии), а также таких существующих нераздельно аспектов данной структуры, как личность (субъект взаимодействия), общество (совокупность взаимодействующих индивидов), культуру (совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют субъекты взаимодействия и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения).

Убедительность последнего предложения хорошо прослеживается на рассмотренном автором примере общества классной комнаты: «...в классной

---

³ Карпова С.Г. Социальное взаимодействие: исторический и современный аспект социологического знания: дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. С. 23–25.

⁴ Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении: пер. с фр. / предисл. М.М. Ковалевского. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. С. 55–56 (цит. по: Ем В.С., Яценко Т.С. Функциональное назначение и сфера применения принципа солидарности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18, № 6. С. 9–29).

⁵ Карпова С.Г. Указ. соч. С. 26–28.

комнате преподаватель и студенты являются личностями; совокупность этих личностей, вместе с нормами их отношений, составляет общество классной комнаты; не только научные и другие идеи, которыми они обладают и обмениваются, но и книги, доска, мебель, лампы и сама комната представляют собой культуру этого общества»⁶.

Обозначив описанную выше триаду, раскрывающую содержание социального взаимодействия, ученый идет дальше и задается вопросами: 1) о характере субъектного состава социального взаимодействия и 2) о конституирующей социальное взаимодействие длительности отношений субъектов⁷.

Отвечая на первый вопрос, П.А. Сорокин соглашается с тем, что социальное взаимодействие представляет собой все процессы взаимодействия, обладающие психической природой, независимо от того, между кем они совершаются⁸. Поэтому не имеет значения, рассматриваем ли мы взаимодействие групп людей или двух конкретных граждан.

Более полно содержание социального взаимодействия раскрывается через его классификацию, также разработанную П.А. Сорокиным. На некоторые основания необходимо обратить особое внимание.

Во-первых, автор классифицирует социальные взаимодействия по их направленности на: 1) солидаристические взаимодействия⁹, когда устремления и усилия сторон совпадают, а также когда участники взаимодействия помогают друг другу в достижении своих целей, и 2) антагонистические взаимодействия¹⁰, при которых одна сторона совершает действие, противоположное тому, которое хочет совершить другая сторона¹¹.

Данная классификация, как это несложно заметить, во многом совпадает с

⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова М.: Политгиздат, 1992. С. 218–219.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Там же. С. 36.

⁹ Общая схема солидаристического взаимодействия: «А, стремясь совершить акт Х, находит поддержку, содействие со стороны В».

¹⁰ Общая схема антагонистического взаимодействия: «А, стремясь совершить акт Х, находит препятствие со стороны В».

¹¹ Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1: Социальная аналитика. Ч. 1: Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Пг., 1920. С. 207–214.

описанным выше делением социальных взаимодействий на два типа – сотрудничество и соперничество.

Во-вторых, социальные взаимодействия подразделяются на односторонние и двусторонние. Односторонние¹² – это такие взаимодействия, где переживания и поведение одной стороны зависят от другой стороны и обуславливаются ею, но переживания и поведение последней не зависят от первой. Двусторонние социальные взаимодействия¹³, наоборот, предполагают взаимную обусловленность переживаний и поступков участников взаимодействия¹⁴. Примером двустороннего социального взаимодействия можно считать синаллагматический договор.

В целом социальное взаимодействие П.А. Сорокин определяет как осознанную социальную связь двух и более индивидов, имеющую психическую природу и реализующуюся в сознании индивидов, выступая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы¹⁵.

Впоследствии учение о социальном взаимодействии в рамках социологической науки получило широкое развитие, что привело к появлению большого количества подходов, которые сегодня принято разделять на три группы: 1) концепции, авторы которых исходят из микроанализа; 2) концепции, авторы которых исходят из макроанализа и 3) концепции, авторы которых избегают макро- и микроанализа¹⁶.

Теориями, в которых используется макроподход, признаются: теория согласия (структурный функционализм) Т. Парсонса¹⁷, теория конфликта Р. Дарендорфа и Л. Козера¹⁸, теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана¹⁹, а также теория коммуникативного (социального)

¹² Схема одностороннего взаимодействия: «А является раздражителем для В, В не является им для А».

¹³ Схема двустороннего социального взаимодействия: «А раздражитель для В, В раздражитель для А».

¹⁴ Сорокин П.А. Система социологии. С. 201–202.

¹⁵ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 38.

¹⁶ Карпова С.Г. Указ. соч. С. 26–31.

¹⁷ Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 6–34

¹⁸ Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press, 1959. 336 p.

¹⁹ Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. 1966. 249 p.

действия Ю. Хабермаса²⁰.

Микроподход получил большее распространение. К нему относятся: символический интеракционизм Дж.Г. Мида и Г. Блумера²¹, теория обмена Дж. Хоманса²², драматургический подход И. Гофмана²³, феноменологическая социология А. Шюца и Э. Гуссерля²⁴, этнометодология Г. Гарфинкеля²⁵.

Третью группу составляют теория структуриации Э. Гидденса²⁶ и теория «Габитус и поле» П. Бурдьё²⁷.

В современной отечественной социологии поддерживается подход Г.В. Осипова, заключающийся в том, что под социальным взаимодействием понимается «любое поведение индивида или группы индивидов, имеющее значение для других индивидов и групп индивидов или общества в целом как в данный момент, так и в потенции»²⁸.

В других гуманитарных науках социальное сотрудничество и его родовое понятие «социальное взаимодействие» предлагается рассматривать примерно в том же виде.

Так, в психологии тоже принято разделять сотрудничество и соперничество как два противоположных типа социального взаимодействия. Расширяя знания о собственно социальном сотрудничестве, И.Е. Гарбер и А.А. Шаров предлагают рассматривать его в трех направлениях: 1) как межличностные отношения, в которых стороны (два и более человека) совместно работают над достижением общей цели или взаимно дополнительных целей, проявляя чувствительность к потребностям друг друга (сотрудничество в социальной психологии); 2) как действие или процесс, включающий двух или более человек, работающих вместе

²⁰ *Habermas J.* The Theory of communicative action / transl. by T. McCarthy. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston, 1984. 465 p.

²¹ *Карпова С.Г.* Указ. соч. С. 48–54.

²² *Homans G.C.* Social Behavior: Its Elementary Forms. N.Y.: Harcourt, Brace, and World, 1961. 411 p.

²³ *Вахитайн В.С.* Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. № 4, т. 3. С. 104–118.

²⁴ *Меущерякова Л.Ю.* Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2002. № 1. С. 116–127.

²⁵ *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 288 p.

²⁶ *Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.

²⁷ *Воронцов А.В., Громов И.А.* Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 82–102.

²⁸ *Карпова С.Г.* Указ. соч. С. 117.

для получения результата, желаемого всеми (сотрудничество в организационной психологии); 3) как взаимодействие между двумя или более людьми, работающими над задачей, позволяющее добиться лучших учебных результатов, чем если бы участники работали в одиночку (сотрудничество в педагогической психологии)²⁹.

Схожий подход наблюдается у В.В. Курунова³⁰.

В педагогической науке сотрудничество также получило широкое распространение: здесь существует самостоятельное направление гуманистической педагогики под названием «педагогика сотрудничества»³¹, в рамках которого сотрудничество участников образовательного процесса играет центральную, ценностную роль.

Как и в социологии, сотрудничество в педагогике рассматривается в качестве одного из форм взаимодействия. Интересно только то, что здесь, помимо соперничества, выделяют еще третий тип взаимодействия – индивидуальную работу³². В целом авторы сходятся во мнении, что основной идеей сотрудничества является взаимодействие субъектов для достижения общей цели³³.

В политологии термин «сотрудничество» рассматривается как политическое сотрудничество (*political collaboration/cooperation*), под которым понимается относительно устойчивая совместная деятельность между политическими лидерами, партиями, движениями, направленная, как правило, на достижение определенных целей, требующих общих усилий. При этом политическое

---

²⁹ Гарбер И.Е., Шаров А.А. Три определения и три подхода к изучению сотрудничества: в социальной, организационной и педагогической психологии // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2018. № 3. С. 240.

³⁰ Курунов В.В. Связь успешности решения познавательных задач с развитием регуляторного опыта: автореф. дис. ...канд. психолог. наук. М., 2008. С. 12.

³¹ Более подробно об этом направлении педагогической науки см.: Копылова Н.А. Современный взгляд на педагогику сотрудничества и реализацию ее идей в практической деятельности образовательных учреждений // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 45. С. 367–373; Гребенкина Л.К., Копылова Н.А. Концептуальные идеи педагогики сотрудничества как основа педагогического взаимодействия преподавателей и студентов высшего учебного заведения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 22. С. 13–24; Климбей Л.В. Инновационные стратегии и педагогика сотрудничества в начальной школе // Педагогическая наука и практика. 2016. № 2 (12). С. 52–55; Помелов В.Б. Движение педагогов-новаторов 1980-х годов: к 30-летию педагогики сотрудничества // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки. 2016. № 4 (32). С. 74–89.

³² Халилова К.С. Учебное сотрудничество и эффективность профессионального обучения: вопрос взаимосвязи // Гаудеамус. 2016. № 3. С. 36.

³³ Дмитриева Н.В. Сотрудничество всех участников образовательного процесса как одно из условий социализации школьников // Вестник ТГПУ. 2011. № 4. С. 145–146.

сотрудничество может принимать негативную форму коллаборационизма, т. е. осознанного и умышленного сотрудничества с врагом, а также позитивную форму кооперации, т. е. объединения для достижения полезных в политическом отношении целей³⁴. Как разновидность политического сотрудничества рассматривается межпарламентское сотрудничество³⁵.

Опираясь на вышеизложенное, можно сделать следующие промежуточные выводы.

Во-первых, сотрудничество – это один из двух типов социального взаимодействия наравне с соперничеством, в отличие от которого сотрудничество основано на взаимоподдержке, взаимопомощи участников, стремлении учитывать интересы партнера для достижения общей цели.

Во-вторых, сотрудничество имеет психическую природу. Это означает, что поведение участника такого типа взаимодействия во многом определяется его личными переживаниями и отношением к самому взаимодействию и своему контрагенту.

Взаимоподдержка и взаимопомощь в рамках социального взаимодействия не могут возникать сами по себе и требуют какого-то обоснования. Н.А. Афлятунова считает, что сотрудничество детерминировано взаимным доверием, существующим между его участниками³⁶. Такого же мнения придерживается П.В. Панченко³⁷.

На категорию доверия существует два весьма различных взгляда двух американских социологов – Ф. Фукуямы и А. Селигмена. При этом в юридических исследованиях, как правило, принимается во внимание лишь подход первого автора. Рассмотрим и сравним обе теории.

С точки зрения Ф. Фукуямы, доверие – это «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или

---

³⁴ Халилов В.Ф., Халилова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: словарь. М.: Луч, 1996. 271 с.

³⁵ Песков В.Ю. Межпарламентское сотрудничество как форма представления национальных интересов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пенза, 2013. С. 7.

³⁶ Афлятунова Н.А. Подходы к пониманию сотрудничества в психологической науке // Вестник СИБИТа. 2013. № 3 (7). С. 44.

³⁷ См., например, Панченко П.В. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 32

менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»³⁸. Данный подход используется П.В. Панченко при анализе оснований принципа содействия сторон обязательства³⁹, однако, на наш взгляд, он не лишен недостатков, существенно усложняющих его применение в праве: в процитированном определении особое внимание обращают на себя формулировки «более или менее», «с вниманием к нуждам окружающих», «в согласии с некоторыми общими нормами», которые приводят к нестабильности определения, так как заключают в себе известную меру оценочности, что вряд ли можно признать допустимым для правовых понятий.

Более убедительным представляется определение А. Селигмена. Автор рассматривает проблему доверия через призму учения о социальных ролях и определяет доверие как феномен современного (капиталистического) общества, предполагающий ожидание от человека определенного поведения, не мотивированного его социальной ролью и являющийся основой социального взаимодействия в ситуации, когда имеется возможность отклонения поведения субъекта социального взаимодействия от содержания его социально-ролевого набора⁴⁰. Как видно, автор «отталкивается» от другого основания: в отличие от Ф. Фукуямы он обращает внимание не на содержательную часть отношений, основанных на доверии, а на собственную сущность доверия, его содержание и структуру. Это позволило А. Селигмену сформулировать более объективное определение, отвечающее задачам правового регулирования.

В правовой науке социальному сотрудничеству много внимания уделено в экономическом анализе права. Данное учение интересно тем, что в основе принятия тех или иных правовых решений лежат достижения других наук, в том числе весьма далеких от юриспруденции. Например, необходимость правового регулирования общественных отношений по модели сотрудничества хорошо демонстрирует разработанная в рамках математической методологии теории игр

---

³⁸ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию/ пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирюшенко, М. Колопотина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 52.

³⁹ Панченко П.В. Указ. соч. С. 32.

⁴⁰ Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболева. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 13–43.

игровая модель под названием «дилемма заключенного» (*prisoner's dilemma*)⁴¹.

Дилемма заключенного дает ответ на вопрос об оптимальной поведенческой стратегии двух условных преступников, которые находятся в изолированных друг от друга комнатах без возможности общения. Преступникам предложены следующие варианты поведения: либо дать показания против другого подозреваемого, либо молчать. При этом существуют условия: 1) если оба подозреваемых будут молчать, то их осудят по более мягкой статье; 2) если оба подозреваемых дадут показания против друг друга, то будут оба осуждены на два года; 3) если один даст показания против другого, но второй при этом промолчит, то первый подозреваемый будет освобожден от наказания, а второй будет осужден на максимальный срок⁴².

Если рассматривать данную ситуацию как происходящую единожды, то наиболее выгодной, на первый взгляд, может показаться стратегия взаимного молчания. Однако если вспомнить условие дилеммы о том, что подозреваемые лишены возможности общаться и соответственно не знают решения друг друга, то разумным оказывается страх каждого преступника в том, что второй преступник окажется предателем. Особенно если учитывать, что за предательство при условии молчания второго преступника предусмотрено последствие в виде освобождения от наказания. При таком стечении обстоятельств самым выгодным оказывается стратегия взаимного предательства, поскольку, предавая, преступник будет либо освобожден от наказания (при условии, что второй промолчит), либо будет осужден только на 2 года, что меньше, чем если бы преступник промолчал, а второй бы его предал. Иными словами, предательство дает предсказуемые последствия, которые явно не хуже тех, которые могут наступить при иных стратегиях поведения.

Ситуация намного усложнилась, когда в 1984 г. американским экономистом Р. Аксельродом в работе «Эволюция кооперации» (*The evolution of*

---

⁴¹ Каранетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 34.

⁴² Каранетов А.Г. Указ. соч. С. 34–35.

cooperation»⁴³) был предложен расширенный сценарий игры – повторяющаяся дилемма заключённого, в котором были введены новые условия: игра имеет несколько раундов, при этом игроки, переходя в следующий раунд, помнят о результатах предыдущего. В такой ситуации стратегия предательства с каждым новым раундом обрастала все большим числом альтернативных издержек и теряла свою эффективность⁴⁴, в то время как стратегии, основанные на сотрудничестве, позволяли такие издержки сократить.

Отсюда справедлив вывод, что сотрудничество в условиях повторяющейся дилеммы заключённого является более выигрышной стратегией, чем предательство. Редуцируя, можно предположить, что аналогичный вывод работает и в реальной жизни при осуществлении субъектами гражданских прав своей хозяйственной деятельности. Однако это далеко не всегда так.

Главной причиной эффективности стратегии сотрудничества служит информированность участников игры о стратегиях других игроков в предыдущих раундах. Применительно к реальной жизни это означает, что участники гражданского оборота должны располагать информацией о предыдущих «ходах» своих контрагентов. Однако Российская Федерация является обладателем самой большой по площади территории с неравномерно распределенными центрами деловой активности. При таких фактических данных трудно представить ситуацию, когда каждый хозяйствующий субъект будет располагать исчерпывающей информацией о предшествующем поведении своего контрагента.

Вполне возможно, что субъект, избравший своей стратегией предательство и получивший таким способом удовлетворение в одном регионе страны, понимая, что более ему никто в данной местности не доверится, сможет реализовать ту же

---

⁴³ *Axelrod R. The evolution of Cooperation. N. Y.: Basic Books, 1984. 241 p.*

⁴⁴ Если участник игры применяет выгодную для «одноходовой» дилеммы стратегию предательства и второй участник помнит о первом ходе соперника, то такой второй участник может с определенной степенью вероятности предположить, что первый участник и в следующем ходе применит стратегию предательства. Таким образом, с каждым последующим ходом вероятность применения стратегии предательства растет. Если вспомнить условия игры, то станет ясно, что самым выгодным ходом для участника, к которому была применена стратегия предательства, является ответное предательство (если оба участника предадут друг друга, они получают по два года лишения свободы, а, если один предаст, а другой промолчит, тот, кто промолчал, получит максимальный срок). Однако в качестве альтернативы для обоих участников остается взаимное сотрудничество (промолчать) – в этом случае они оба будут осуждены по наиболее легкому наказанию, т. е. получают больше выгоды, чем при взаимном предательстве. Из этого следует, что альтернативные издержки от предательства при повторяющейся дилемме заключённого делают стратегию предательства не самой выгодной для рационального участника.

самую стратегию в другом регионе с той же эффективностью⁴⁵.

По этой причине особенности российской действительности не позволяют рассматривать гражданские правоотношения как повторяющуюся дилемму заключенного. При этом стратегия предательства противоречит морально-нравственным интересам человека и, в конечном итоге, подрывает социальные и экономические основы общества, противоречит социализации и гуманизации гражданского права, целью которых, по справедливому замечанию Е.Е. Богдановой, является формирование новой концепции гражданского права, основанной на принципе солидарности участников гражданского оборота⁴⁶.

Отсюда справедлив вывод о необходимости создания механизма, мотивирующего участников гражданских правоотношений вести себя так, как будто они играют в повторяющуюся дилемму заключенного. Таким механизмом, как справедливо отмечает А.Г. Карапетов, являются социальные нормы и позитивное право⁴⁷.

Однако урегулировать отношения сотрудничества или, иными словами, принудить субъектов гражданского права осуществлять деятельность по модели сотрудничества не так просто. Это подтверждается следующей ключевой основой методологии экономического анализа права – теорией рационального выбора.

В рамках этой теории объясняется поведение человека как субъекта экономических отношений, стремящегося к наибольшему удовлетворению

---

⁴⁵ Стоит, однако, отметить, что в теории игр имеются исследования, подтверждающие тезис о том, что даже в условиях ограниченности либо отсутствия информации о деятельности члена общества сотрудничество все же имеет способность к саморазвитию. В этом случае хронологически отношения сотрудничества будут состоять из двух фаз: 1) «экспериментальная фаза», когда стороны «тестируют друг друга» на способность к сотрудничеству и 2) фаза дружбы, когда стороны отношения непосредственно взаимодействуют друг с другом по модели сотрудничества. В этом смысле отказывающиеся от сотрудничества субъекты своим поведением стимулируют «медленное наращивание сотрудничества» (*slow cooperation build-up*), чем оправдывают само сотрудничество, так как увеличение числа таких субъектов приводит к пониманию необходимости сотрудничества на фазе дружбы (см. *Parikshit G., Debraj R. Cooperation in Community Interaction without Information Flows // The Review of Economic Studies. 1996. Vol. 63, Issue 3. P. 491–519*). Вместе с тем данные исследования не опровергают того факта, что стимулирование сотрудничества государством через регулятивный потенциал права приведет к более скорому построению отношений в обществе именно по этой модели.

⁴⁶ *Богданова Е.Е.* Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // *Lex Russica. 2017. № 5 (126). С. 24.*

⁴⁷ *Карапетов А.Г.* Указ. соч. С. 36–38. Такой же вывод сделал Конституционный Суд РФ в постановлении от 14.05.2012 № 11-П, характеризуя обязанность федерального законодателя обеспечивать «правовую определенность, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности» (курсив наш – А.Ф.)

значимой для него потребности с наименьшими затратами для себя⁴⁸.

С точки зрения теории рационального выбора каждый хозяйствующий субъект, совершая экономическую транзакцию, действует рационально, т. е. считает свое поведение выгодным для себя и стремится при этом, насколько это возможно, повысить эффективность своего поведения, свою выгоду, в том числе нематериальную (например, в виде общественного признания).

В такой ситуации возникает вопрос: как определить соотношение интересов рациональных субъектов гражданского оборота и публичных интересов общества, заинтересованного стимулировать развитие сотрудничества?

Мы предлагаем использовать для ответа на этот вопрос идеальную модель, аналогичную Парето-оптимальному состоянию в экономической теории, когда в качестве эффективного признается такое взаимодействие (транзакция), которое увеличивает благосостояние хотя бы одного индивида, не уменьшая при этом благосостояния остальных⁴⁹.

Рассмотрим ситуацию на примере рыночного взаимодействия в форме договора, условия которого формулируются его сторонами на стадии переговоров (преддоговорных отношений, преддоговорного этапа), где хорошо прослеживается значение социального сотрудничества⁵⁰.

Целью преддоговорного этапа является разработка условий будущего договора. При этом, поскольку основным и наиболее важным для сторон правоотношения является, как правило, вопрос цены, задача большинства переговоров сводится к ее определению. В этом отношении переговоры являются частным случаем социального взаимодействия, регулируемого правом и порождающего правовые последствия, т. е. примером юридически значимого сотрудничества.

---

⁴⁸ Бушев А.Ю. К вопросу о правовой доктрине рисков // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сборник научных статей. М.: Издательство «Волтерс Клувер», 2005. С. 117.

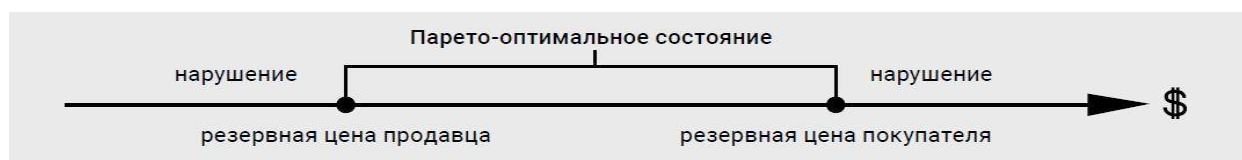
⁴⁹ Каранетов А.Г. Указ. соч. С. 122.

⁵⁰ Мы предлагаем рассматривать сотрудничество на примере преддоговорного правоотношения, поскольку этот этап взаимодействия участников гражданского оборота, как правило, характеризуется наличием прав и обязанностей, не получивших еще своего выражения в соглашении сторон. Преддоговорное правоотношение в таком контексте можно рассматривать как своего рода «чистое правоотношение», не осложненное пока волей его субъектов и не имеющее жесткого императивного правового регулирования, что вызывает необходимость при их правовой квалификации непосредственно обращаться к идее социального сотрудничества.

Особенностью экономических благ является отсутствие у них цены как объективного свойства: ее размер устанавливается каждым субъектом самостоятельно на основании ценных для него свойств блага. Учитывая это, задачей субъектов преддоговорного отношения становится убеждение друг друга в необходимости согласования цены на уровне, максимально близком к субъективной оценке блага каждым из них. Для определения стоимостной «вилки» экономический анализ права предлагает использовать две категории – резервная цена покупателя и резервная цена продавца. Резервная цена покупателя – это максимальная субъективная оценка экономического блага покупателем, за которую он готов приобрести благо. Резервная цена продавца – это минимальная субъективная оценка этого же блага продавцом, за которую продавец готов продать благо⁵¹.

Предполагается, что изначально стороны переговоров не располагают сведениями о резервных ценах друг друга, и их задачей становится «прощупывание» контрагента с целью ее определения⁵².

Парето-оптимальным состоянием в такой системе отношений будет цена договора в пределах между резервной ценой продавца и резервной ценой покупателя, что можно изобразить в следующей схеме:

Нарушение равновесия может стать основанием для возникновения неблагоприятных для сторон правоотношения и гражданского оборота правовых последствий. Например, сделка, совершенная по цене ниже резервной цены продавца, является оспоримой, т. е. потенциально недействительной как сделка, совершенная при неравноценном встречном предоставлении⁵³ (п. 1 ст. 61.2

⁵¹ Каранетов А.Г. Указ. соч. С. 152. Схожие рассуждения мы наблюдаем и у Р.А. Познера (см. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2 т.: пер. с англ. / под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. С. 44).

⁵² Каранетов А.Г. Указ. соч. С. 152–153.

⁵³ Так, в постановлении от 8 сентября 2020 г. № Ф05-4315/2018 по делу № А40-211646/2014 Арбитражный суд Московского округа признал недействительной сделкой договор аренды, поскольку размер арендной платы был существенно занижен относительно реальной рыночной цены, что нарушало интересы как самого

Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»⁵⁴, либо как сделка, совершенная на крайне невыгодных условиях (п. 3 ст. 179 ГК РФ).

Таким образом, на примере переговоров мы видим, что игнорирование субъектами преддоговорного отношения интересов друг друга, приводящее к нарушению Парето-оптимального состояния, становится предпосылкой для недействительности заключаемого на таких переговорах договора.

Резюмируем изложенное:

Юридически значимое сотрудничество имеет важнейшее значение для гражданско-правового регулирования и потому составляет основу содержания гражданских правоотношений. Оно определяет характер осуществления субъектами своих прав и исполнения обязанностей на основе взаимопомощи и с учетом интересов друг друга; служит условием эффективной и стабильной реализации гражданского правоотношения и достижения его цели; способствует снижению рисков признания правоотношения нарушающим чьи-либо права и охраняемые законом интересы.

1.2. Формы юридически значимого сотрудничества субъектов гражданского права

Определение юридически значимого сотрудничества в качестве основы содержания гражданского правоотношения обязывает разместить данную категорию в понятийном аппарате гражданского права на «возвышенных» позициях. Сама по себе формулировка «основа» очень близка по своему грамматическому толкованию родовым признакам принципов права: «основное», «основополагающее», «исходное», «общее», «руководящее», «отправное»,

---

арендодателя, так и его кредиторов. Аналогичная правовая позиция высказывалась и в других делах (см. постановления Арбитражного суда Уральского округа от 13 июля 2021 г. № Ф09-7594/16 по делу № А71-6742/2015, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 мая 2021 г. по делу № А70-3150/2019, Арбитражного суда Московского округа от 8 сентября 2020 г. № Ф05-13196/2020 по делу № А40-197443/2018, от 2 сентября 2020 г. № Ф05-4684/2019 по делу № А40-102912/2017, от 20 августа 2020 г. № Ф05-7149/2020 по делу № А40-252279/2017 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс»).

⁵⁴ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

«главенствующее» положение⁵⁵. И действительно, если обратиться к исследованиям, в которых так или иначе фигурирует термин «сотрудничество», мы обнаружим, что при правовой квалификации данного явления основные дискуссии ведутся по вопросу об определении сотрудничества в качестве принципа гражданского права либо как основного начала гражданского законодательства. При первом приближении думается, что оба подхода близки настолько, что между ними нет существенных различий. Однако, если углубиться в учение о принципах права, можно обнаружить, что различия между ними все-таки есть. И по некоторым вопросам эти различия достаточно серьезные.

Сотрудничество как принцип гражданского права. Подход к сотрудничеству как к принципу права наиболее популярен. Данная позиция выражена в работах И.Б. Новицкого⁵⁶, О.С. Иоффе⁵⁷, З.И. Цыбуленко⁵⁸, Г.А. Свердлыка⁵⁹, С.В. Сарбаша⁶⁰, П.В. Панченко⁶¹, Е.И. Орешина и И.И. Суспицыной⁶², И.В. Тордии и С.А. Савченко⁶³, А.В. Захаркиной⁶⁴, Э.А. Гуровой⁶⁵, Т.В. Богачевой⁶⁶ и др.

Определяя содержание принципа сотрудничества, авторы в целом транслируют высказанную еще О.С. Иоффе идею о том, что принцип сотрудничества заключается в двух ключевых аспектах: «а) стороны вправе рассчитывать на такую взаимопомощь, которая не вытекает из их конкретных

⁵⁵ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 15.

⁵⁶ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права (по изданию 1916 г.) // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 167.

⁵⁷ Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2004. С. 113.

⁵⁸ Цыбуленко З.И. Правовые проблемы сотрудничества при исполнении хозяйственных обязательств в условиях перехода к рыночной экономике: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1991. С. 46–47.

⁵⁹ Фаткудинов З.М., Губин Е.П. Г.А. Свердлык. Принципы советского гражданского права. Красноярск: изд-во Красноярского ун-та, 1935. 200 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 6. С. 93–94.

⁶⁰ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 114.

⁶¹ Панченко П.В. Указ. соч. С. 29.

⁶² Орешин Е.И., Суспицына И.И. Принцип содействия сторон в исполнении обязательства: советский анахронизм или эффективный правовой инструмент? // Закон. 2012. № 11. С. 129–136.

⁶³ Тордия И.В., Савченко С.А. Принципы обязательственного права (международный и национальный аспекты) // Lex russica. 2016. № 10. С. 131–141.

⁶⁴ Захаркина А.В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Статут, 2017. С. 118–131.

⁶⁵ Гурова Э.А. Содействие сторон как принцип обязательственного права // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 2. С. 102.

⁶⁶ Богачева Т.В. Принципы взаимного содействия сторон и экономичности в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 185 с.

обязанностей, но становится в силу сложившихся обстоятельств необходимой для одной стороны и может быть ей оказана другой стороной без ущерба для себя; б) сторона, нарушившая это требование, лишается права на применение к другой стороне санкций за такую неисправность, которая могла быть предотвращена оказанием необходимой помощи»⁶⁷.

При этом, сотрудничая, субъекты обязательственного правоотношения стремятся достичь общую для них цель⁶⁸.

П.В. Панченко предлагается учитывать следующие императивы принципа сотрудничества сторон гражданского правоотношения (в данном случае обязательственного): 1) несовершение действий, которые, хотя и не запрещены законом или договором, препятствуют достижению цели обязательства; 2) оказание консультационного содействия; 3) предоставление необходимой информации, без которой осуществление прав и исполнение обязанностей по договору невозможны; 4) недопущение создания препятствий в развитии обязательственного отношения; 5) недопущение увеличения вреда, причиненного контрагенту, а при наличии соответствующей возможности принятие мер к предупреждению такого вреда; а также иные императивы, перечень которых не является исчерпывающим⁶⁹.

Следует отметить, что отнесение обязанности по предоставлению необходимой информации к содержанию принципа содействия сторон обязательства является спорным, на что также указывает и сам автор⁷⁰. С.Ю. Филиппова, анализируя норму п. 3 ст. 307 ГК РФ, выделяет в ее содержании четыре самостоятельных принципа: 1) добросовестности; 2) необходимости учета прав и законных интересов друг друга; 3) необходимости взаимно оказывать содействие для достижения цели обязательства; 4) необходимости предоставления друг другу информации⁷¹.

Существенным образом различаются подходы авторов к определению места

---

⁶⁷ Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 34.

⁶⁸ Панченко П.В. Указ. соч. С. 22.

⁶⁹ Панченко П.В. Указ. соч. С. 44–58.

⁷⁰ Панченко П.В. Указ. соч. С. 50.

⁷¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / А.В. Барков, А.В. Габов, М.Н. Илюшина, Л.В. Кузнецова, В.В. Кулаков, М.А. Рожкова, Л.В. Санникова, С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитоновна. М.: Статут, 2016. С. 16–17.

принципа сотрудничества в системе гражданского права. Наиболее распространена точка зрения о применимости принципа содействия сторон правоотношения только в обязательствах. Это, в частности, прослеживается в работах О.С. Иоффе, С.В. Сарбаша, И.Б. Новицкого, П.В. Панченко, А.В. Захаркиной.

Вместе с тем заслуживает внимания предложение рассматривать принцип сотрудничества как отраслевой. Данная позиция была сформулирована еще В.П. Грибановым⁷². Из последних интересны работы А.Ю. Мигачевой⁷³, а также В.С. Ема и Т.С. Яценко⁷⁴.

А.Ю. Мигачева, внесла в понимание принципа сотрудничества две важных корректировки. Во-первых, анализируемый принцип был наименован автором как «принцип сотрудничества участников гражданских правоотношений». Во-вторых, принцип сотрудничества был истолкован как идея «о том, что субъекты гражданского права должны действовать согласованно, на основании информационного взаимодействия, в целях достижения поставленных целей оптимально эффективными способами»⁷⁵.

Сотрудничество как основное начало гражданского законодательства. Данного подхода придерживается С.Ю. Филиппова. Невозможность квалификации сотрудничества в качестве принципа права, по ее мнению, обусловлена характеристикой лиц, которым адресовано действие принципа. Она полагает, что принцип права адресован субъектам правотворческой деятельности, а сотрудничество – субъектам правореализационной деятельности, от которых требуется совершение активных действий в соответствии с содержанием сотрудничества⁷⁶.

Последнее суждение представляется спорным. Так, О.А. Кузнецова отмечает, что принципы права применяются судебными органами, являющимися

---

⁷² Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2020. С. 233.

⁷³ Мигачева А.Ю. О принципе сотрудничества участников гражданских правоотношений // Современное право. 2015. № 7. С. 68–71.

⁷⁴ Ем В.С., Яценко Т.С. Указ. соч. С. 22–25.

⁷⁵ Мигачева А.Ю. Указ. соч.

⁷⁶ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. С. 145.

субъектами правореализационной деятельности⁷⁷, для «усиления» аргументации по делу, в процессе юридического толкования, при применении аналогии права и при непосредственном использовании как нормы прямого действия⁷⁸.

Сущность сотрудничества, по мысли С.Ю. Филипповой, заключается в заранее несогласованном и непредполагаемом объеме действий, которые совершает субъект группы лиц с организованными правовыми целями⁷⁹. Это означает, что сотрудничество раскрывается лишь после возникновения гражданско-правового отношения, когда проявляется необходимость в совершении субъектами правоотношения действий, не определенных заранее в содержании такого правоотношения. В целом такое понимание соответствует процитированной выше позиции О.С. Иоффе и не противоречит подходу зарубежных юрисдикций к содержанию обязанности сотрудничать⁸⁰.

Иллюстративный пример именно такого отношения к сотрудничеству мы обнаружили при изучении судебной практики Арбитражного суда Центрального округа. Индивидуальный предприниматель обратился в Арбитражный суд Брянской области с исковым заявлением к государственному автономному учреждению здравоохранения о признании недействительным одностороннего отказа ответчика от исполнения договора поставки медицинского оборудования. Одновременно в тот же суд обратилось это же государственное учреждение с иском к этому же предпринимателю. Предметом иска было признание недействительным одностороннего отказа предпринимателя от исполнения указанного договора поставки оборудования. Дела были объединены в одно производство.

При рассмотрении спора установлено следующее. Между сторонами был заключен договор поставки оборудования, по которому предприниматель обязался поставить государственному учреждению восемь коробов с

---

⁷⁷ Солдатова А.В. Общая характеристика субъектов правореализации в социальной сфере // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2011. № 4. С. 45.

⁷⁸ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 97.

⁷⁹ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 128.

⁸⁰ Так, в Германии обязанность сотрудничать рассматривается как дополнительная обязанность, связанная с предметом обязательства и необходимая для достижения цели обязательства (см. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83–114).

оборудованием. В качестве места разгрузки был определен первый этаж поликлиники. В ходе исполнения договора предприниматель столкнулся с проблемой: габариты восьмого короба превышали размер дверного проема поликлиники, что делало невозможным исполнение договора в оставшейся части. Об этом обстоятельстве предприниматель сообщил руководству учреждения, которым меры по устранению препятствия предприняты не были. Тогда предприниматель направил в адрес заказчика уведомление об одностороннем отказе от исполнения договора по причине невозможности исполнения.

Судом первой инстанции иск предпринимателя оставлен без удовлетворения, а иск учреждения удовлетворен, отказ предпринимателя признан недействительным. Суд апелляционной инстанции с таким решением согласился. Арбитражным судом Центрального округа судебные постановления нижестоящих судов были отменены в связи с тем, что судами не была дана надлежащая оценка с точки зрения добросовестности и необходимости содействия исполнению обязательства поведению государственного учреждения, не предпринимавшего мер по устранению непредвиденных и в связи с этим не учтенных при заключении договора обстоятельств⁸¹.

Занимая такую позицию, суд кассационной инстанции подтвердил правильность толкования сотрудничества как механизма решения непредвиденных при заключении договора вопросов. Подобная правовая позиция высказывается и по другим делам, главным образом, при рассмотрении споров из договора строительного подряда⁸².

---

⁸¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10 июля 2019 г. по делу № А09-9792/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁸² См., например, п. 17 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» // Хозяйство и право. 2000. № 5; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 1 июня 2021 года № Ф10-1736/2021 по делу № А08-11549/2019, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16 февраля 2021 г. № Ф10-5819/2020 по делу № А68-11930/2019, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16 июля 2014 г. по делу № А49-7305/2013; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 июля 2018 г. № Ф-07-7659/2018 по делу № А42-7554/2017; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 апреля 2015 г. № Ф08-1978/2015 по делу № А32-7916/2014; постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 апреля 2017 г. № Ф05-3825/2017 по делу № А40-36112/2016; постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 25 мая 2012 г. по делу № А19-19218/2011; постановление Арбитражного суда Московского округа от 02 апреля 2019 г. № Ф05-1535/2019 по делу № А41-95281/2017; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11 апреля 2017 г. № Ф10-1031/2017 по делу № А14-6933/2016; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 января 2016 г. № Ф09-10596/15 по делу № А50-1108/2015; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25 ноября

С.Ю. Филиппова предлагает выделять следующие признаки сотрудничества: 1) заранее неопределенный объем содержания⁸³, 2) источник содержания сотрудничества – это субъективное отношение стороны правоотношения⁸⁴; 3) внеплановый характер сотрудничества⁸⁵; 4) активный характер действий субъектов сотрудничества⁸⁶ и 5) направленность действий субъекта сотрудничества на достижение собственной правовой цели⁸⁷.

Этими признаками сотрудничество отличается от внешне схожих конструкций юридической обязанности и кредиторской обязанности.

Заранее неопределенный объем содержания предполагает, что ни до возникновения правоотношения, ни уже в ходе существования правоотношения ни один из субъектов такого правоотношения не сможет определить характер и количество действий, необходимость в совершении которых может возникнуть.

Юридические обязанности же, наоборот, всегда корреспондируют субъективным правам другого субъекта правоотношения. Это влечет за собой необходимость жесткого закрепления таких обязанностей непосредственно в содержании правоотношения, например в тексте договора или в нормах закона. Неисполнение юридических обязанностей будет являться основанием для наступления юридической ответственности.

Кредиторские обязанности, по справедливому замечанию автора, представляют собой определенный минимум действий, которые обязан совершить кредитор для достижения цели обязательства⁸⁸.

В отличие от юридических, кредиторские обязанности не корреспондируют субъективным правам другого субъекта правоотношения. В отличие от сотрудничества, кредиторские обязанности заранее объективным образом определены, так как их содержание можно вывести из текста нормативно-

---

2016 г. № Ф09-9406/16 по делу № А60-60688/2015 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

⁸³ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 145.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 130.

⁸⁶ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 130.

⁸⁷ Там же. С. 145.

⁸⁸ Там же. С. 142.

правового акта, и за их неисполнение для кредитора наступают неблагоприятные последствия⁸⁹.

Источник содержания сотрудничества – субъективное отношение субъекта сотрудничества⁹⁰. В развитие данного признака автор ссылается на позицию В.С. Толстого о том, что сотрудничество выражается в «общем благожелательном отношении к своему контрагенту»⁹¹. Иными словами, то, каким образом субъект правоотношения будет действовать при возникновении необходимости проявления сотрудничества, зависит исключительно от отношения данного субъекта к правоотношению и, очевидно, к другим его участникам, что, вытекает из психической природы сотрудничества.

Столь неопределенное отношение к содержанию сотрудничества неминуемо приводит к предположению о том, не является ли тогда сотрудничество проявлением норм морали? С.Ю. Филиппова, соглашаясь с тем, что сотрудничество основано на нормах морали, все же отстаивает правовую сущность этого явления, поскольку сотрудничество, по ее мнению, «в действительности служит в первую очередь достижению правовых целей лица»⁹².

По нашему мнению, такой признак, как направленность на достижение правовых целей, не может служить основанием для признания явления правовым. В обыденной жизни и в профессиональной деятельности участники гражданских правоотношений совершают множество действий, не урегулированных правом, но направленных на достижение правовых целей. Признаком именно правового явления, как известно, являются, во-первых, санкционирование государством и, во-вторых, обеспеченность силой государственного принуждения⁹³. В конструкции С.Ю. Филипповой данные признаки не обнаруживаются.

---

⁸⁹ Например, в ст. 406 ГК РФ закреплена кредиторская обязанность принять надлежащее исполнение. За неисполнение данной обязанности законом предусмотрено неблагоприятное для кредитора последствие: он будет считаться просрочившим, что даст должнику право на возмещение убытков, а также право не уплачивать проценты за пользование денежными средствами (в отношении денежного обязательства) за период просрочки кредитора.

⁹⁰ *Филиппова С.Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 142–143.

⁹¹ *Толстой В.С.* Исполнение обязательств. М., 1973. С. 197.

⁹² *Филиппова С.Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 143–144.

⁹³ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 351.

Юридические обязанности, как было отмечено ранее, имеют нормативно-правовое закрепление и обеспечены соответствующим набором санкций. Для кредиторских обязанностей характерна добровольность исполнения и невозможность принуждения к их исполнению. Однако на примере ст. 406 ГК РФ мы наблюдаем, что за неисполнение кредиторских обязанностей кредитор может быть поставлен в невыгодное положение, чем стимулируется выполнение кредитором своих обязанностей⁹⁴.

Внеплановый характер сотрудничества предполагает, что необходимость в совершении определенных дополнительных действий может возникнуть в любой момент существования правоотношения в некоторой степени непредсказуемым для субъектов правоотношения образом.

Для юридических обязанностей этот признак не характерен, так как их перечень заранее определен содержанием правоотношения⁹⁵. Перечень кредиторских обязанностей в целом также следует признать заранее определенным. Это следует из предложенного С.Ю. Филипповой определения кредиторских обязанностей⁹⁶.

Активный характер действий субъектов сотрудничества раскрывается в том, что удовлетворение интереса в сотрудничестве осуществляется посредством активных действий сотрудничающих лиц⁹⁷.

Направленность на достижение собственного интереса представляется очень любопытным признаком сотрудничества. С.Ю. Филиппова рассматривает его в контексте сравнения сотрудничества и юридических обязанностей. Целью обязанного лица является удовлетворение интереса управомоченного лица. В сотрудничестве, как полагает автор, субъект «способствует достижению собственной правовой цели, получению необходимого ему блага, т.е. лицо

---

⁹⁴ Этим кредиторские обязанности в российском гражданском праве обнаруживают сходство с признаваемой в германском гражданском праве категорией обязанности «Obliegenheit», определяемой как требование к поведению, совершение которого находится в интересах носителя такой обязанности. Последствием нарушения этого требования является потеря нарушителем благоприятного правового положения. Более подробно об этом см. Арсланов К.М. К понятию о гражданском правоотношении по Германскому праву // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (81). С. 55–61.

⁹⁵ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 145.

⁹⁶ Там же. С. 142.

⁹⁷ Там же. С. 130.

действует в собственную пользу»⁹⁸. В качестве примера автор приводит норму ст. 92 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ⁹⁹.

Признак направленности сотрудничества на достижение субъектом сотрудничества собственных целей хорошо прослеживается и в других случаях. Например, не менее, а, возможно, и более наглядным проявлением собственного интереса в сотрудничестве является поведение банков при взаимодействии с проблемными заемщиками.

Каждая кредитная организация обязана в порядке, предусмотренном положением Банка России от 28.06.2017 № 590-П¹⁰⁰, формировать резервы на возможные потери по ссуде. Такой резерв формируется в результате снижения стоимости ссуды вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения заемщиком обязательств по кредитному договору либо наличия угрозы такого неисполнения (ненадлежащего исполнения), например, в связи с ухудшением финансовых показателей заемщика.

Часто причиной ухудшения финансового положения заемщика и неисполнения кредитных обязательств становятся внешние по отношению к заемщику и кредитной организации факторы. Это может быть банкротство предприятия – работодателя заемщика, дорожно-транспортное происшествие, вследствие которого заемщиком утрачивается не по его вине автомобиль, являющийся средством производства и способом заработка, болезни, эпидемии, чрезвычайные ситуации, сезонность и т.д.

Создание резервов влечет за собой утрату кредитной организацией возможности распоряжаться частью собственных денежных средств, что существенно влияет на размер прибыли банков. Понимая это, последние заинтересованы в повышении степени качества ссуд для того, чтобы иметь законные основания уменьшить расчетный размер резервов и высвободить

---

⁹⁸ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 145.

⁹⁹ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: Федеральный закон от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 12.03.2001. № 11. Ст. 1001.

¹⁰⁰ О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности (вместе с порядком оценки кредитного риска по портфелю (портфелям) однородных ссуд): положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П (ред. от 16.10.2019) // Вестник Банка России. 04.08.2017. № 65–66.

денежные средства.

Следуя таким мотивам, кредитные организации стараются сотрудничать с проблемными заемщиками, помогая им в решении финансовых сложностей: должникам предлагается реструктуризация долга, передача предмета залога в качестве отступного с целью полного погашения долга и последующим выкупом этого же имущества заемщиком у банка, но за счет других средств, предоставление кредитных каникул и т.д.

В описанных примерах сотрудничество раскрывается через совершение субъектами правоотношения действий, направленных на достижение собственных целей, что, на первый взгляд, идет вразрез с общенаучным пониманием признаков социального сотрудничества как деятельности, направленной на достижение общей цели. Как представляется нам, данное противоречие в действительности таковым не является. На самом деле мы имеем дело с двумя различными категориями: 1) цель социального сотрудничества (в т.ч. юридически значимого, определяющего характер содержания правоотношения) и 2) цель субъекта гражданского права (например, спасти собственное имущество, получить собственную выгоду). Данные цели не противоречат друг другу: цель юридически значимого социального сотрудничества определяет характер достижения участниками правоотношения их личных целей.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо сделать ремарку, что при рассмотрении предложенного С.Ю. Филипповой признака сотрудничества «направленность действий участников сотрудничества на достижение собственных целей» нам не удалось найти ни одного примера такого сотрудничества, когда предметом отношений сотрудничества являлась бы информация. Вместе с тем, как мы уже убедились ранее, в целом отмеченный признак сотрудничества находит свое проявление на практике. Отсюда введем в наше исследование рабочую гипотезу о том, что существует два вида сотрудничества – путем совершения действий и путем предоставления информации.

Отказываясь от квалификации сотрудничества как принципа права и

определяя существенные отличия сотрудничества от юридических и кредиторских обязанностей, С.Ю. Филиппова предлагает авторское определение сотрудничества как общего начала деятельности субъектов договорного обязательства, выражающегося в позитивном деятельном участии субъектов в устранении любых препятствий на пути к достижению согласованных правовых целей¹⁰¹. Обосновывая определение, автор ссылается на п. 2 ст. 6 ГК РФ, закрепляющий правила применения аналогии права, т. е. определения прав и обязанностей сторон при невозможности использования аналогии закона, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, требований добросовестности, разумности и справедливости. С точки зрения автора, сотрудничество как раз и является общим началом и смыслом гражданского законодательства¹⁰².

Таким образом, мы наблюдаем два разных подхода к сотрудничеству, оба из которых находят подтверждение своей истинности как на теоретическом, так и на практическом уровне.

Представляется, что в рамках рассматриваемого нами предмета описанное противоречие на самом деле является лишь противоречием лингвистическим, вызванным применением в двух разных случаях одного понятия «сотрудничество». Если мы обобщим все содержание обоих подходов и вычленим их сущностные отличия, то обнаружим, что они оба могут стать двумя самостоятельными элементами единого учения о сотрудничестве субъектов гражданского права.

Наличие в доктрине сотрудничества как принципа права императивов, формулируемых через отрицание («несовершение действий», «недопущение создания препятствий», «недопущение увеличения вреда») говорит о том, что сотрудничество может реализовываться не только в активной, но и в пассивной форме как особое состояние правоотношения, в котором действия сторон (корректнее – поведение сторон) направлены на создание условий для

---

¹⁰¹ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. С. 153.

¹⁰² Там же.

достижения цели правоотношения¹⁰³. Таковую форму юридически значимого сотрудничества можно обозначить термином «сотрудничество-состояние».

Осуществление сторонами правоотношения своих прав и обязанностей доверительным и уважительным образом, т. е. обязанность сторон правоотношения по несовершению определенных действий, демонстрирует принадлежность сотрудничества-состояния содержанию принципа недопустимости злоупотребления правом (добросовестного правоосуществления по терминологии А.В. Волкова¹⁰⁴), включающего в себя как раз такого рода пассивного действия императивы. Очень наглядно это прослеживается в определении принципа недопустимости злоупотребления правом, сформулированного по одному из дел Арбитражным судом Поволжского округа: «Суть этого принципа (недопустимости (недозволенности) злоупотребления правом – *А.Ф.*) заключается в том, что каждый субъект гражданских правоотношений волен свободно осуществлять права в своих интересах, *но не должен при этом нарушать права и интересы других лиц* (курсив наш – *А.Ф.*). Действия в пределах предоставленных прав, но причиняющие вред другим лицам, являются в силу данного принципа *недозволенными (неправомерными) и признаются злоупотреблением правом*»¹⁰⁵. Данный принцип является общеправовым¹⁰⁶ и применяется не только в гражданском, но и в трудовом праве¹⁰⁷, гражданском и арбитражном процессе¹⁰⁸, семейном праве¹⁰⁹, жилищном

---

¹⁰³ Под целью правоотношения мы имеем в виду ожидаемый субъектами объективный результат правоотношения, или то, что в обязательственном праве называют *causa сделки* (подробнее о *causa сделки* см. *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2015. С. 150–151).

¹⁰⁴ *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 396.

¹⁰⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 февраля 2020 г. № Ф06-57684/2020 по делу № А12-42/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

¹⁰⁶ На общеправовой характер принципа недопустимости злоупотребления правом указывал Конституционный Суд РФ (см. постановление от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона "Об акционерных обществах" в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс»), а также Пленум Верховного Суда РФ (см. п. 27 постановления от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24 ноября 2015 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 08.04.2004. № 72).

¹⁰⁷ О реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в трудовом праве см. *Костян И.А.* Принцип недопустимости злоупотребления правом: отдельные вопросы практики его применения // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 3–6.

¹⁰⁸ О реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в гражданском и арбитражном процессах см. *Григорянц С.А., Волгасова Ю.С.* Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском

праве¹¹⁰. Это дает основания считать, что сотрудничество-состояние есть основа всего отечественного правопорядка.

Понимание сотрудничества как совершения активных действий по устранению непредвиденных препятствий к достижению цели правоотношения обращает на себя внимание такими характеристиками, как «активных» и «действия». Этим данная сторона сотрудничества отличается от сотрудничества-состояния и образует самостоятельную – активную – форму юридически значимого сотрудничества.

Активное сотрудничество, реализующееся посредством совершения действий, стоит охарактеризовать как «сотрудничество действием», или деятельностное сотрудничество. В отличие от сотрудничества-состояния, направленного на создание условий достижения общей цели, деятельностное сотрудничество направлено на устранение непредвиденных для достижения цели правоотношения препятствий.

В описанной системе понятий нами были опущены информационные императивы – оказание консультационного содействия и предоставление необходимой информации. В обоих случаях предметом сотрудничества является информация. По этой причине для целей определения содержания категории юридически значимого сотрудничества данные правоположения следует рассматривать как единую категорию, которую можно именовать информационным сотрудничеством.

Информационное сотрудничество не отвечает признакам сотрудничества-состояния, поскольку, так же как и деятельностное, предполагает активное поведение. Из этого следует возможность определения информационного сотрудничества как частного случая активной формы юридически значимого

и арбитражном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 8 (111). С. 105–107.

¹⁰⁹ О реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в семейном праве см.: *Лопаткина А.С.* Злоупотребление семейными правами как основание ограничения семейных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 148–150; *Ксенофонтова Д.С.* Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М.: Статут, 2018. 207 с.

¹¹⁰ О реализации принципа недопустимости злоупотребления правом в жилищном праве см. *Карягина В.С.* Злоупотребление жилищными правами: проблемы правовой квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 107–117.

сотрудничества.

Деятельностное и информационное сотрудничество, хоть и предполагают активное поведение, имеют различное содержание и направленность. Если деятельностное сотрудничество направлено на устранение непредвиденных препятствий к достижению цели правоотношения и реализуется через совершение действий фактического характера, то информационное сотрудничество направлено на информационную обеспеченность участников гражданских правоотношений, а значит, начинает реализовываться с момента возникновения правоотношения, и существует независимо от возникновения каких-либо препятствий.

С учетом последнего замечания полагаем, что информационные императивы образуют самостоятельную разновидность активной формы юридически значимого сотрудничества, представляющую собой основу содержания гражданских правоотношений, предполагающую обязанность участников гражданского оборота обеспечивать друг друга необходимой для достижения цели правоотношения информацией.

В связи с тем, что активная форма юридически значимого сотрудничества включается в содержание принципа права, активная форма так же должна находить свое место в системе принципов. Однако подходящего ей отраслевого принципа из числа признаваемых в современной науке нет. Поэтому мы предлагаем считать деятельностное и информационное сотрудничество (активная форма) содержанием отраслевого принципа сотрудничества субъектов гражданского права.

Резюмируем изложенное:

1. Юридически значимое сотрудничество имеет две формы: активную и пассивную. Пассивная форма реализуется через сотрудничество-состояние. Активная – через деятельностное и информационное сотрудничество.

2. Сотрудничество-состояние – это юридически значимое сотрудничество, направленное на обеспечение условий для достижения цели правоотношения и являющееся основой для активной формы юридически значимого сотрудничества. Данная форма ввиду ее пассивного характера

реализуется в содержании принципа недопустимости злоупотребления правом.

3. Деятельностное сотрудничество (сотрудничество действием) – это юридически значимое сотрудничество, предполагающее совершение субъектами гражданского права активных действий, направленных на устранение непредвиденных препятствий к достижению цели правоотношения.

4. Информационное сотрудничество – это юридически значимое сотрудничество, направленное на обеспечение субъектов гражданского права необходимой для достижения цели правоотношения информацией.

1.3. Понятие и позитивация принципа сотрудничества субъектов гражданского права

Юридически значимое сотрудничество принимает две формы: пассивную (сотрудничество-состояние) и активную (деятельностное сотрудничество + информационное сотрудничество). Пассивная форма существует в содержании принципа недопустимости злоупотребления правом, активная образует отраслевой принцип сотрудничества субъектов гражданского права.

Из предыдущего параграфа нам известно, что в современном российском гражданском праве существует два подхода к определению места сотрудничества: 1) сотрудничество как принцип гражданского права (либо принцип обязательственного права); 2) сотрудничество как основное начало гражданского законодательства. Для разграничения данных понятий, а также с целью ответа на вопрос о том, можно ли считать сотрудничество основным началом гражданского законодательства, что также влияет на способ его позитивации, необходимо определить соотношение понятий «принцип права» и «основное начало гражданского законодательства».

Эта проблема находится в фокусе внимания ученых-цивилистов достаточно продолжительное время¹¹¹. Традиционно рассматриваемые категории

---

¹¹¹ Данная проблема носит межотраслевой характер и рассматривается также в рамках других отраслей права (см., например, *Шершень Т.В.* К проблеме определения принципов российского семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 171–172).

исследуются в сравнении; при этом как советским, так и современным авторам свойственно отождествление данных понятий¹¹².

Но действительно ли данные категории тождественны? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к учению о принципах гражданского права.

Считается, что научная теория принципов гражданского права была сформирована в советский период¹¹³. Проблематикой гражданско-правовых принципов в этот период занимались многие авторы, среди которых особо выделяются работы И.Б. Новицкого¹¹⁴, С.Н. Братуся¹¹⁵, В.П. Грибанова¹¹⁶, Г.А. Свердлыка¹¹⁷, В.Ф. Яковлева¹¹⁸, Ю.Х. Калмыкова¹¹⁹, С.С. Алексеева¹²⁰, Н.Г. Александрова¹²¹, В.Н. Ронжина¹²², К.П. Уржинского¹²³.

С.Н. Братусь – один из первых исследователей проблематики принципов – с философских позиций определил принцип права как ведущее начало, закон движения материи или общества, а также явлений, включенных в ту или иную форму движения¹²⁴.

В.П. Грибанов предложил рассматривать принципы гражданского права как «руководящие положения социалистического права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества,

¹¹² См., например, *Макрецова А.А.* Принципы гражданского права переходного периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 12; *Свердлык Г.А.* Гражданское право. Учебник. Т. I. 2-е изд. / отв. ред. Е.А. Суханов: [рецензия на учебник] // Государство и право. 1999. № 8. С. 120; *Гражданское право: учебник* / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2005. Т. 1. С. 26; *Калмыков Ю.Х.* О значении общих положений гражданского законодательства // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. М.: 1998. С. 46; *Яковлев В.Ф.* Принуждение в гражданском праве // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. М.: Городец, 2000. С. 212.

¹¹³ *Климова А.Н.* Понятие и значение принципов гражданского права: теоретические и практические аспекты // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 85.

¹¹⁴ *Новицкий И.Б.* Солидарность интересов в советском гражданском праве. М., Госюриздат, 1951. 120 с.

¹¹⁵ *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 197 с.

¹¹⁶ *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 215–234.

¹¹⁷ *Свердлык Г.А.* Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 199 с.

¹¹⁸ *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. 210 с.

¹¹⁹ *Калмыков Ю.Х.* Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1980. № 3. С. 69–76.

¹²⁰ *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 103.

¹²¹ *Александров Н.Г.* Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 16–29.

¹²² *Ронжин В.Н.* О понятии и системе принципов социалистического права // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1977. № 2. С. 32–36.

¹²³ *Уржинский К.П.* К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1968. № 3.

¹²⁴ *Братусь С.Н.* Указ. соч. С. 46.

определяющие сущность всей системы, отрасли или института права и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение»¹²⁵.

Г.А. Свердлык определял принцип гражданского права как закрепленные или отраженные в преамбулах основополагающих нормативных актов, а также в гражданско-правовых нормах и выражающие объективные закономерности развития имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений, стабильные нормативно-руководящие положения, в соответствии с которыми строится нормативная база гражданско-правового регулирования, регламентация поведения субъектов гражданского права и правоприменение¹²⁶.

На примере отмеченных определений можно сформулировать основные признаки принципа в понимании ученых советского периода: 1) принцип представляет собой руководящее положение; 2) принцип имеет нормативное закрепление, т. е. объективную форму в виде позитивной нормы права; 3) принцип отражает объективные закономерности развития имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений; 4) принципы стабильны; 5) принципы могут применяться в правотворчестве и правоприменении.

К началу XXI в., несмотря на существенным образом сменившийся социально-экономический курс развития государства, понимание сущности принципов гражданского права особенно не изменилось. Большое значение для развития учения о принципах в этот период приобрели исследования Е.Г. Комиссаровой.

С ее точки зрения, правовой принцип – это идея, прошедшая проверку наукой, объективно отражающая дух экономического и общественного бытия и реализованная в конкретных правовых предписаниях¹²⁷. Нетрудно заметить, что определяющим признаком принципа права здесь по-прежнему остался критерий нормативного закрепления. Впрочем, это совсем не означает, что принцип и его императивы – выражение автономной воли законодателя, его собственного

---

¹²⁵ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 225.

¹²⁶ Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права. С. 17.

¹²⁷ Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 87.

видения основ правового регулирования тех или иных отношений. Чтобы в этом убедиться, необходимо обратить внимание на второй, но на самом деле первый (т. е. главный), признак – то, что принцип являет собой идею, отражающую дух экономического и общественного бытия.

Иными словами, принцип отражает то, каким общество в данный конкретный период времени желает видеть правовое регулирование или, точнее, какое правовое регулирование необходимо обществу. В этом проявляется особый характер права как регулятора социальных отношений, выражающего, по справедливому замечанию В.С. Любченко и И.А. Левченко, форму проявления процессов, происходящих на более глубинных уровнях социума: на уровне экономики, социальных и политических отношений¹²⁸.

Все принципы гражданского права Е.Г. Комиссарова делит на две категории: 1) принципы заглавные и 2) «иные нормативные принципы» (субпринципы).

Заглавные принципы, в сущности, и есть основные начала гражданского законодательства. Они рассматриваются автором как «выкристаллизовавшиеся» в процессе законотворчества, нормативно оформленные, основополагающие, заглавные идеи, носящие характер фундаментальных и опорных для всего гражданско-правового регулирования и несущие в своем содержании информацию о способах, свойствах и признаках правового регулирования в сфере имущественных и личных неимущественных отношений. Критериям заглавных идей, по мнению автора, соответствуют такие начала, как равенство участников отношений, свобода договора, недопустимость злоупотребления гражданскими правами, беспрепятственная реализация гражданских прав. Основным началам гражданского законодательства субординируются субпринципы. Такая субординация вызвана тем, что субпринципы являются производными, характеризующими лишь определенную часть гражданского права,

---

¹²⁸ Любченко В.С., Левченко И.А. Право как социокультурное явление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6–1.

т. е. неосновными, началами¹²⁹, имеющими правовой смысл только при наличии соответствующих им основных начал гражданского законодательства¹³⁰.

Таким образом, Е.Г. Комиссаровой принцип гражданского права и основное начало гражданского законодательства рассматриваются как часть и целое: каждое основное начало является принципом, но не каждый принцип – основным началом.

Критериями выделения основных принципов (основных начал гражданского законодательства), по мнению автора, являются следующие.

Во-первых, основные начала гражданского законодательства в своем содержании выражают несколько правовых норм, т. е. имеют большую степень абстрактности и обобщенности по сравнению с другими нормами закона и, следовательно, ориентированы на все общественные отношения, регулируемые гражданским правом¹³¹.

Во-вторых, основное начало гражданского законодательства может применяться как в процессе правореализации, так и в процессах правоприменения и законотворчества. В этом проявляется регулятивная, охранительная и даже конструктивная функции гражданского права¹³².

Регулятивная и охранительная функции непосредственно вытекают из признания за основными началами наиболее общего правила поведения, т. е. нормы права, непосредственно, регулирующей общественные отношения. Специфическим проявлением регулятивной функции служит предусмотренная ст. 6 ГК РФ возможность применения основных начал для ликвидации пробелов в праве¹³³.

Конструктивная функция обеспечивает системность законодательного массива. Раскрывая данную характеристику, Е.Г. Комиссарова пишет: «...регулирование разнообразных имущественных отношений обрело осмысленность и упорядоченность, а потому стало возможным говорить об их содержательном единстве. Появился своего рода стабилизирующий эталон, на уровне которого все сферы гражданско-правового регулирования обнаруживают

---

¹²⁹ Комиссарова Е.Г. Указ. соч. С. 13.

¹³⁰ Там же. С. 112.

¹³¹ Там же. С. 133–134.

¹³² Там же. С. 134–135.

¹³³ Там же. С. 139–140.

свое единство, так как основные начала “подстраивают” под себя все нормы гражданского законодательства, для которых они выполняют функцию заглавных»¹³⁴.

В-третьих, основные начала гражданского законодательства играют роль правовой гарантии реализации гражданско-правовых возможностей участников имущественных отношений¹³⁵.

Неосновные принципы («иные принципы», или субпринципы) раскрываются как «совокупность универсальных правил, “черпающих” свою силу и авторитет из начал основных, носящих от них производный характер, и концентрирующих на нормативном уровне особенности узкой группы конкретных гражданско-правовых норм»¹³⁶. К числу субпринципов автор относит принципы неприкосновенности собственности, судебной защиты нарушенных прав, стабильности договора и сотрудничества сторон¹³⁷.

Нетрудно заметить, что в советский период, а также в первом-втором десятилетиях современной России, принципами права признавались только те идеи, которые нашли свое отражение в нормах позитивного права (нормативные принципы). Принципы, не нашедшие своего отражения в нормах позитивного права, признавались неправовыми, или принципами-идеями.

Последнее замечание следует признать «ахиллесовой пятой» советского и раннего российского учения о принципах права.

Если мы обратимся к позитивным нормам действующего гражданского права, то, например, в ст. 5 ГК РФ обнаружим, что одним из источников гражданского права является обычай, т. е. сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Проводя демаркационную линию между принципами-нормами и

---

¹³⁴ Комиссарова Е.Г. Указ. соч. С. 136–137.

¹³⁵ Там же. С. 149.

¹³⁶ Там же. С. 108.

¹³⁷ Там же. С. 111.

принципами-идеями, Е.Г. Комиссарова пишет, что принципы-идеи вырабатываются самими участниками правоотношений, в силу чего их регулятивная функция ограничивается рамками конкретных правоотношений, участники которых рассматривают такие принципы для себя как обязательные¹³⁸.

При таком подходе едва ли можно себе представить, чтобы принципы, устоявшиеся в практике делового оборота в определенной сфере, могли бы быть признаны правовыми. Обратное вступало бы в логическое противоречие с постулатом о том, что правовой принцип должен обладать нормативным закреплением в нормах позитивного права, т. е. в гражданском законодательстве, в состав которого, в силу п. 2 ст. 2 ГК РФ включаются лишь ГК РФ, а также принятые в соответствии с ним иные федеральные законы, регулирующие отношения, входящие в предмет гражданского права.

Говоря о соотношении таких источников гражданского права, как законодательство и обычаи, ГК РФ закрепляет только одну особенность: обычай становится источником права лишь тогда, когда соответствующее отношение не урегулировано законодательством или договором¹³⁹. По этой причине обычай принято рассматривать в качестве «диспозитивной (восполнительной) нормы права ..., применяемой в субсидиарном порядке»¹⁴⁰. Соответственно, действующее законодательство не содержит запрета на появление норм, регулирующих отношения, входящие в предмет гражданского права, в иных, помимо законодательства, источниках.

Принимая это во внимание, следует согласиться с тем, что принципы-идеи, не будучи закрепленными в нормах позитивного права, все-таки могут получать нормативное значение, но через другие формы права, например через обычаи¹⁴¹.

---

¹³⁸ Комиссарова Е.Г. Указ. соч. С. 15.

¹³⁹ Это следует из нормы п. 2 ст. 4 ГК РФ, предусматривающего, что обычаи, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются.

¹⁴⁰ Российское гражданское право. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / под ред. Е.А. Суханова. М.: Статут, 2015. С. 89.

¹⁴¹ Стоит отметить, что обычай нужно отграничивать от обыкновений, заведенного порядка и «устоявшихся взаимоотношений сторон» (п. 2 ст. 165.1 и абз. 2 ст. 431 ГК РФ), т. е. от правил поведения, сформировавшихся как обязательные, но только в отношениях определенных лиц и не обладающих в связи с этим признаком нормативности. Как показывает анализ судебной практики, данные категории путают достаточно часто (см., например, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 марта 2020 г. № 09АП-

Другой пример правового эффекта принципов-идей мы наблюдаем в деятельности судов по интерпретации правовых норм. Как показывает судебная практика, в процессе правоприменения суду часто приходится применять именно доктринальные идеи, фактически приводящие к необходимости формулирования новых правил поведения. Показательными в этом отношении являются споры из вексельных обязательств.

Известно, что вексель – это документарная ценная бумага, удостоверяющая ничем не обусловленное обязательство векселедателя уплатить векселедержателю определенную сумму денег. Ключевым признаком векселя является абстрактность, раскрываемая через два свойства – неакцессорности и бестипности¹⁴².

В спорах о взыскании задолженности на основании векселя действует презумпция существования и действительности прав держателя векселя¹⁴³, в связи с чем истец по такому требованию должен доказать лишь соблюдение требований к оформлению ценной бумаги.

Большое число злоупотреблений, основанных на абстрактном характере вексельного обязательства, совершаемых особенно часто с целью формирования искусственной кредиторской задолженности, привело к формированию в судебной практике правовой позиции, фактически прекратившей действие названной презумпции.

3101/2020 по делу № А40-187550/2019, постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 марта 2019 г. № Ф05-2076/2019 по делу № А40-28696/2018, постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 21 октября 2004 г. № Ф08-5047/2004 по делу № А53-3198/2004-С2-24 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс»).

¹⁴² Грачев В.В. Материальная и процессуальная абстрактность вексельного обязательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 45–47.

¹⁴³ На существование данной презумпции неоднократно указывал Президиум ВАС РФ (см., например, постановление от 10 июня 2014 г. № 9465/13 по делу № А40-151467/2009 и постановление от 15 февраля 2011 г. № 13603/10 по делу № А40-18477/09-38-51 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс»).

Данная позиция поддерживается и в судебной практике нижестоящих судов (см., например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 сентября 2020 г. № Ф09-4889/19 по делу № А07-29233/2017, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 января 2020 г. № Ф04-6709/2019 по делу № А27-3765/2019, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 декабря 2019 г. № Ф04-6204/2017 по делу № А27-24763/2015, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 октября 2019 г. № Ф04-203/2018 по делу № А03-14084/2016, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 апреля 2019 г. № Ф04-561/2019 по делу № А27-24295/2017, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 февраля 2019 г. № Ф04-7114/2019 по делу № А27-11710/2016, постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 сентября 2018 г. № Ф05-14131/2018 по делу № А40-91415/2017, постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13 февраля 2018 г. № Ф01-24/2018 по делу № А17-4927/2015 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс»).

Так, по одному из дел о банкротстве акционерного общества – участника строительной группы компаний Семнадцатый арбитражный апелляционный суд отказался квалифицировать вексельное обязательство как действительное со ссылкой лишь на его абстрактность.

В рамках данного обособленного спора рассматривалась обоснованность требований конкурсного управляющего должника о признании недействительными сделками вексельных требований аффилированного к должнику жилищно-строительного кооператива, на основании которых ранее кооператив был включен в реестр требований кредиторов. Конкурсный управляющий полагал, что векселя были выпущены должником в период собственной неплатежеспособности для расчетов с подрядчиками в обход обычно применяемого в хозяйственном обороте порядка. Схема расчетов строилась следующим образом: шаг № 1: должник рассчитывался собственными векселями с подрядчиками за выполненные работы; шаг № 2: подрядчики продавали векселя гражданам, желающим приобрести квартиры по договорам паенакопления у жилищно-строительного кооператива; шаг № 3: граждане передавали векселя жилищно-строительному кооперативу в счет оплаты по договорам паенакопления. Соглашаясь с определением суда первой инстанции, признавшего векселя недействительными, суд апелляционной инстанции отметил буквально следующее: «Наличие у лица ценной бумаги не означает в любом случае безусловное удовлетворение требований такого лица по ней. Назначение ценных бумаг проявляется в создании иного распределения рисков между участниками правоотношений, *но не в наделении безусловным правом требования по ней* (курсив наш – А.Ф.), что вступило бы в противоречие с началами регулирования гражданских правоотношений...»¹⁴⁴.

Описанный пример не является единственным. В судебной-арбитражной практике сформировался особый стандарт доказывания по требованиям о включении в реестр требований кредиторов на основании векселей. В предмет

---

¹⁴⁴ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2019 г. № 317АП-17379/2017(25)-АК по делу № А50-31287/2016 [Электронный ресурс] Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

доказывания по таким спорам обязательно входят обстоятельства, связанные с наличием между и заявителем, и должником действительных правоотношений, явившихся основанием для выдачи векселя¹⁴⁵.

Другой пример мы можем наблюдать в практике применения нормы п. 2 ст. 89 Семейного кодекса РФ¹⁴⁶, которой предусмотрено право супруги на получение алиментов от супруга в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка. Применение данной нормы на практике привело к появлению правовой позиции Верховного Суда РФ о том, что до достижения ребенком трех лет уплаты алиментов вправе требовать и супруг в том случае, если супруга уклоняется от воспитания ребенка¹⁴⁷.

Таким образом, анализ правоприменительной практики и альтернативных источников гражданского права позволяет сделать вывод о том, что принципы гражданского права, обладающие нормативной силой, могут быть сформулированы не только в тексте законодательства, но и практикой, в том числе правоприменительной. Однако такой вывод противоречит традиционному подходу к определению принципов права как идей, реализованных в конкретных предписаниях (определение Е.Г. Комиссаровой) либо же как нормативно-руководящих положений, закрепленных или отраженных в преамбулах основополагающих нормативных актов, а также гражданско-правовых нормах (определение Г.А. Свердлыка). В обоих случаях признание нормативной силы за принципами, не сформулированными непосредственно в нормах позитивного права, приводит к логическому противоречию теории: признание практики в качестве источника нормативных принципов будет означать противоречие с их декларируемой формой, а непризнание за практикой роли источника нормативных принципов будет противоречить нормам

---

¹⁴⁵ См., например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 3 марта 2021 г. № Ф-15848/2020 по делу № А40-202709/2019, постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 января 2020 г. № Ф04-120/2019 по делу № А75-12928/2017, постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 августа 2020 г. № Ф05-8482/2019 по делу № А40-14442/2018, постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 августа 2018 г. № Ф05-3607/2018 по делу № А40-153871/2017, постановление Арбитражного суда Центрального округа от 2 декабря 2015 г. № Ф10-4863/2014 по делу № А54-1345/2014 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

¹⁴⁶ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

¹⁴⁷ См. п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Российская газета. 29.12.2017. № 297.

действующего законодательства.

По этой причине традиционное учение о принципах гражданского права не позволяет решить проблему отнесения активной формы юридически значимого сотрудничества к категории принципа права либо же основного начала гражданского законодательства. Для решения обозначенного противоречия необходим концептуально иной подход. Интересна в этом отношении позиция А.В. Коновалова, сформулированная им относительно недавно, что дает основания считать этот подход более актуальным.

Автор предложил свое определение принципов гражданского права как объективных, универсальных, глобальных идей, устанавливающих модели возникновения, развития и прекращения гражданских правоотношений, построенных на началах равенства их участников, децентрализации и координации их поведения для эффективного регулирования общественных отношений¹⁴⁸.

Конкретизируя, автор разъясняет содержание таких характеристик принципа, как объективность и универсальность. Первая означает то, что принципы имеют самостоятельное значение и самостоятельное существование вне зависимости от закрепления их в нормах позитивного права. Вторая – то, что принципы неизменны¹⁴⁹.

Говоря о роли позитивного права в доктрине принципов, автор отмечает, что позитивным правом объективные принципы только открываются, осмысливаются, интерпретируются и практически интегрируются¹⁵⁰.

Если принцип является объективной идеей, а идея, как известно, источником правового регулирования быть не может, возникает вопрос, каким образом принципы гражданского права приобретают юридическое значение?

Отвечая, А.В. Коновалов формулирует следующие способы действия принципов: 1) непосредственное воздействие на общественные отношения в виде обобщенных правил социальной коммуникации; 2) закрепление в качестве

---

¹⁴⁸ Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 17.

¹⁴⁹ Там же. С. 16.

¹⁵⁰ Там же. С. 51.

основных начал законодательства в его позитивных нормах; 3) «растворение» принципов во всех нормах отрасли законодательства; 4) определение основного метода отрасли; 5) формулирование основных концептуальных подходов, обеспечивающих стабильность и последовательность практики правоприменения; 6) как смысловой стержень индивидуального и коллективного правосознания, в том числе системы мотиваций правового поведения; 7) обеспечение трансляции идеальной модели урегулирования правом общественного отношения в фактическое общественное отношение; 8) опосредование накопления в обществе позитивных практик правоприменения как важнейших предпосылок его успешного настоящего и будущего развития; 9) как концептуальная связь имеющего тенденцию к дезинтеграции гражданско-правового инструментария; 10) в качестве факторов, объединяющих элементы атомизированного, горизонтально интегрированного общества, и концептуальной альтернативы эгоистичного иррационального поведения¹⁵¹.

Как видно, основное начало гражданского законодательства в рамках этой теории служит лишь способом закрепления (отражением, проявлением) принципа права в законодательном массиве. Такой подход представляется нам правильным, поскольку позволяет решить вышеописанную проблему, когда нормативное содержание принципов права вырабатывается путем толкования в ходе правоприменения, а также в форме обычаев. Применительно к цели настоящего исследования отнесение основных начал гражданского законодательства к числу способов закрепления принципов права исключает необходимость обособления данной категории от категории принципов.

В свою очередь, это означает, что активная форма юридически значимого сотрудничества может реализовываться только в форме принципа права, правовой эффект которого состоит в его всестороннем проявлении в правовом регулировании (в нормах позитивного права, правоприменении,

---

¹⁵¹ Коновалов А.В. Указ. соч. С. 56–57.

законотворческой деятельности и т.д.), а его содержание – в императивах¹⁵², т. е. общих правилах поведения, группирующих в себе отдельные права и обязанности субъектов гражданских прав, попадающих в сферу регулирования соответствующего принципа.

В этой связи, а также с учетом определения понятия юридически значимого сотрудничества принцип сотрудничества субъектов гражданского права стоит определить как основополагающую, универсальную идею о том, что субъекты гражданских правоотношений осуществляют предусмотренные содержанием гражданского правоотношения права и исполняют обязанности на основе взаимопомощи с учетом интересов друг друга для максимально эффективного достижения цели правоотношения.

Позитивация принципов в континентальном правопорядке, где главным источником права является нормативно-правовой акт, должна осуществляться путем закрепления императивов принципа в нормативно-правовых актах. Для российского гражданского права это означает закрепление императивов принципа сотрудничества в тексте ГК РФ.

Существует два способа закрепления принципа права: прямой и косвенный. Прямой способ предполагает включение в текст нормативно-правового акта самостоятельной нормы, определяющей содержание принципа. В результате использования данного способа принцип права становится нормой-принципом. Косвенный способ предполагает «рассеивание» содержания принципа среди иных норм права, из комплексного анализа которых впоследствии соответствующий принцип может быть выведен¹⁵³.

Считается, что приоритетным является прямой способ закрепления, так как он способствует упрощению процесса толкования¹⁵⁴. С нашей точки зрения,

---

¹⁵² Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 7.

¹⁵³ Более подробно о косвенном способе закрепления принципов см. Александров Н.Г. Указ. соч. С. 16–29.; Пашерстник А.Е. О сфере действия и принципах советского трудового права // Советское государство и право. 1957. № 10. С. 92–103.; Братусь С.Н. Указ. соч. С. 137.; Лившиц Р.З., Никитинский В.И. Принципы советского трудового права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 31–39.

¹⁵⁴ Казакевич Е.И. Принципы предпринимательского права: закрепление в законодательстве и реализация в практической деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. С. 7–13.

закрепление принципа прямым способом обоснованно только тогда, когда его содержание допускает эффективное непосредственное применение сформулированной в результате прямого закрепления нормы-принципа. Это, например, допускает содержание нормы-принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ), непосредственно регулирующей общественные отношения. Принцип сотрудничества имеет иное значение: он определяет не содержание правоотношения, а характер его реализации. В связи с этим нет никакого смысла включать в текст ГК РФ отдельную норму-принцип сотрудничества.

Поэтому гражданско-правовой принцип сотрудничества должен быть позитивирован косвенным способом путем включения его императивов в содержание конкретных норм права, корректируя таким способом их содержание и направляя тем самым действия субъектов гражданских прав по пути координации и взаимопомощи.

Косвенный способ позитивации принципа также детерминирован способами его обеспечения: в отличие от принципов, имеющих прямое действие и формирующих в связи с этим конкретные права и обязанности, принцип сотрудничества имеет своей целью указание на то, каким образом такие права и обязанности должны реализовываться. По этой причине гарантирование императивов принципа сотрудничества должно осуществляться средствами «мягкой силы» – через стимулирование. Такая модель уже предусмотрена в отношении кредиторских обязанностей, последствием несоблюдения которых служит наступление юридической ответственности, а постановка кредитора в невыгодное для него положение¹⁵⁵. То же самое обнаруживается при анализе норм главы 50 ГК РФ, регулирующей действия в чужом интересе без поручения¹⁵⁶.

Резюмируем изложенное:

1. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права – это основополагающая, универсальная идея о том, что субъекты гражданских

---

¹⁵⁵ Например, в силу п. 3 ст. 406 ГК РФ при просрочке кредитора по денежному обязательству должник приобретает права не платить проценты за время просрочки.

¹⁵⁶ Норма ст. 985 ГК РФ не исключает возможности получения вознаграждения лицом, действия которого в чужом интересе привели к положительному для заинтересованного лица результату. Это приводит к тому, что сотрудничать, действуя в чужом интересе, становится для субъекта права выгоднее, чем бездействовать.

правоотношений осуществляют права и исполняют обязанности на основе взаимопомощи с учетом интересов друг друга для максимально эффективного достижения цели правоотношения.

2. Позитивация принципа сотрудничества должна осуществляться посредством косвенного закрепления через отражение его юридических императивов в содержании конкретных гражданско-правовых норм, а обеспечение соблюдения императивов принципа – путем стимулирования субъектов права, а не принуждения.

1.4. Место принципа сотрудничества субъектов гражданского права в системе гражданско-правовых принципов

Принцип сотрудничества субъектов гражданского права тесно взаимодействует с принципами: 1) недопустимости злоупотребления гражданскими правами; 2) необходимости исполнения гражданско-правовых обязанностей; 3) недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; 4) равенства участников (субъектов, сторон)¹⁵⁷ гражданских правоотношений; 5) диспозитивности и, в особенности, б) принципом добросовестности.

1) *Принцип недопустимости злоупотребления правом (добросовестного правоосуществления)* закреплен в ст. 10 ГК РФ, являясь, таким образом, нормой-принципом. Как отмечает А.В. Волков, данный принцип должен пониматься как запрет на: а) осуществление права в противоречии с его назначением; б) недобросовестное осуществление права (либо исполнение обязанности); в) аморальное или эгоистическое осуществление гражданского права; г) намеренное причинение вреда кому бы то ни было формальным осуществлением своего права¹⁵⁸.

---

¹⁵⁷ Понятия «участники гражданских правоотношений», «субъекты гражданского правоотношения» и «стороны гражданского правоотношения» используются нами как синонимы. Такой подход находит поддержку и в других работах по гражданскому праву: см., например, Белов В.А. Обязательственное право: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. С. 11.

¹⁵⁸ Волков А.В. Указ. соч. С. 210.

Связь с принципом сотрудничества прослеживается в запрете аморального или эгоистического осуществления гражданского права. Как мы помним, юридически значимое сотрудничество включает в себя такую форму, как сотрудничество-состояние, предполагающую пассивную обязанность субъектов гражданского права не совершать определенные действия и не создавать препятствия для осуществления прав другими лицами.

Таким образом, принцип сотрудничества связан с принципом добросовестного правоосуществления через базовое понятие юридически значимого сотрудничества, выражающееся в принципе добросовестного правоосуществления в его пассивной форме сотрудничества-состояния.

2) *Принцип необходимости исполнения гражданско-правовых обязанностей* также является нормой-принципом. О.А. Кузнецова формулирует следующие его юридические императивы: а) граждане и юридические лица по своему усмотрению создают для себя, а в случаях, предусмотренных законом, и для других лиц гражданские обязанности; б) гражданско-правовая обязанность считается установленной, если она является определенной, императивной, фактически и юридически возможной, юридически обеспеченной от неисполнения или ненадлежащего исполнения, направленной на удовлетворение интересов других участников гражданских правоотношений путем получения ими определенных социальных благ; в) обязанный субъект обязан исполнить возложенную на него обязанность; г) при исполнении гражданско-правовых обязанностей разумность действий и добросовестность обязанных лиц предполагаются (презумпция разумности и добросовестности)¹⁵⁹.

Данный принцип определяет значимость юридических обязанностей, а также предписывает субъектам гражданского права неукоснительно их соблюдать. Принцип сотрудничества служит продолжением принципа надлежащего исполнения обязанностей: если принцип надлежащего исполнения обязанностей решает принципиальный для права вопрос о том, что субъекты должны исполнять обязанности, то принцип сотрудничества определяет характер

---

¹⁵⁹ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 237–244.

исполнения субъектами возложенных на них обязанностей (путем взаимного сотрудничества, помощи на основе доверия), а также дополняет перечень необходимых к надлежащему исполнению обязанностей, которые вытекают из императивов принципа сотрудничества, а именно: обязанность по взаимному сотрудничеству с целью устранения непредвиденных препятствий для достижения цели правоотношения, а также различного рода информационные обязанности, направленные на формирование информационной обеспеченности субъектов гражданского права.

3) *Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела.* Принцип сотрудничества распространяет свое действие на широкий круг общественных отношений. При этом данный принцип не предполагает самостоятельного непосредственного регулятивного воздействия как, например, это происходит в случае с нормами-принципами: принцип сотрудничества определяет характер осуществления прав и исполнения обязанностей, т. е. «накладывается» на содержание других норм гражданского права. Не будучи ограниченным какой-либо определенной сферой общественных отношений, принцип сотрудничества может стать предпосылкой для излишнего вмешательства в частные дела субъектов гражданского права, т. е. нарушить их право самостоятельно, по своей воле принимать решения по вопросам участия в отношениях, имеющих частноправовой характер¹⁶⁰. Такое положение дел не приводит к эффективности правового регулирования и может нарушать основы правопорядка, что недопустимо. По этой причине принципу сотрудничества необходим механизм, который бы ограничивал его действие и не допускал необоснованное проникновение в частные дела субъектов гражданского права. Таким механизмом является принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела.

4) *Равенство участников (субъектов, сторон) гражданских правоотношений* включает в себе сразу три важнейшие категории. В первую очередь, равенство является признаком общественных отношений, составляющих

---

¹⁶⁰ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 183.

предмет гражданского права¹⁶¹. Во вторую очередь, равенство является собой метод гражданско-правового регулирования¹⁶². И, наконец, равенство необходимо рассматривать как принцип гражданского права, поименованный среди других начал гражданского законодательства в п. 1 ст. 1 ГК РФ.

Как принцип гражданского права, равенство рассматривается с двух сторон: внутренней и внешней. Внешняя сторона характеризует равенство субъектов гражданского права перед лицом государства (публично-правовое равенство). Внутренняя сторона определяется как равенство участников конкретного правоотношения.

Внешняя сторона диспозиции принципа предполагает такие императивы, как а) равные правовые возможности при вступлении в гражданские правоотношения, при приобретении гражданских прав и обязанностей; б) равные возможности при осуществлении гражданских прав; в) равные материальные и процессуальные возможности при защите гражданских прав¹⁶³.

Внутренняя сторона диспозиции принципа отражает следующие императивы: а) учет равенства участников при исполнении ими обязательств; б) соблюдение баланса имущественных интересов участников правоотношения, в) недопущение каких-либо необоснованных льгот и привилегий для одной из сторон¹⁶⁴.

Целью принципа равенства является создание формально-правовых условий для наделения сторон правоотношения равными юридическими возможностями по удовлетворению своего интереса. Для достижения такого результата законодатель в пределах содержания принципа равенства закрепляет отдельные нормы, направленные на выравнивание положения объективно неравных субъектов права. Например, норма п. 2 ст. 428 ГК РФ наделяет присоединившуюся к договору присоединения сторону правом потребовать

---

¹⁶¹ Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. С. 43.

¹⁶² Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 144–145; Белов В.А. Гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 25.

¹⁶³ Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. С. 132–145.

¹⁶⁴ Там же.

изменения договора, если условия договора хотя и не противоречат закону и иным правовым актам, но лишают эту сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, исключает или ограничивает ответственность другой стороны за нарушение обязательств либо содержит другие явно обременительные условия.

По мнению Л.В. Пашацкой, такие примеры являются намеренным отходом законодателя от принципа юридического равенства, поскольку предоставляют льготы экономически более слабым субъектам¹⁶⁵.

С нашей точки зрения, данные примеры, наоборот, обеспечивают равенство субъектов гражданских прав. Сложно согласиться с тем, что отсутствие у присоединившейся стороны права на изменение несправедливых, нечестных, явно обременительных (в терминологии ГК РФ) условий является соблюдением принципа равенства участников гражданских правоотношений. Скорее, наоборот, такая ситуация противоречит второму и третьему императивам внутренней стороны диспозиции анализируемого принципа – требованиям соблюдения баланса имущественных интересов участников правоотношения и недопущения каких-либо необоснованных льгот и привилегий для одной из сторон.

Отмеченная асимметрия в правовом положении участников гражданского оборота характерна не только для российского правопорядка. Н. Дж. Джайлс, анализируя правоприменительную практику судов США по спорам из договоров страхования личной ответственности, отмечает наличие в данных отношениях информационной асимметрии, где страховые компании изначально обладают большими институциональными, финансовыми и литигационными возможностями по сравнению с выгодоприобретателями (потерпевшими от действий страхователя)¹⁶⁶. В такой ситуации надделение более слабой стороны правоотношения дополнительными правами приводит к установлению подлинного равенства.

---

¹⁶⁵ Пашацкая Л.В. Принцип юридического равенства участников гражданских правоотношений в розничной купле-продаже // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1. С. 90.

¹⁶⁶ Giles N.J. Rethinking the cooperation clause in standard liability insurance contract // University of Pennsylvania Law Review. 2013. Vol. 161. P. 604.

Определяя соотношение принципа содействия (сотрудничества) сторон обязательства и принципа равенства субъектов гражданских прав, П.В. Панченко отметила, что равенство в контексте обязательственного принципа содействия означает наличие у обеих сторон правоотношения равной и одинаковой по объему обязанности по необходимому содействию. То есть, с точки зрения автора, принцип содействия предполагает взаимную помощь сторонами обязательства друг другу, а не только, например, кредиторское содействие. При этом автор допустила возможность в отдельных случаях, например в отношениях с потребителями, отклонения от принципа равенства путем «нагрузки» предпринимателя большим объемом обязанностей по содействию, чем потребителя.

С учетом результатов проводимого нами исследования, позицию П.В. Панченко в части соотношения анализируемых принципов при оценке взаимодействия отраслевого принципа сотрудничества и отраслевого же принципа равенства прав субъектов гражданских правоотношений стоит признать обоснованной с одной лишь поправкой о том, что наделение предпринимателя в отношениях с потребителем повышенным объемом обязанностей по содействию все же не приводит к «перевесу» прав в пользу потребителя.

Объясняется это тем, что сравнивать объем прав и обязанностей двух сторон гражданского правоотношения необходимо не только путем сопоставления отдельных прав и обязанностей, но и с учетом иных характеристик правоотношения. Так, положение предпринимателя изначально предполагает намного более весомые правовые возможности, чем положение потребителя. Из этого видно, что без наделения предпринимателя в таких правоотношениях повышенным объемом обязанностей по сотрудничеству, а также любых иных обязанностей, направленных на обеспечение интересов потребителя, происходит нарушение принципа равенства. При таком положении дел нормы законодательства, наделяющие потребителя дополнительным объемом прав, имеют целью не нарушение равенства в угоду каким-либо иным принципам права либо интересам отдельных категорий субъектов, а, наоборот, направлены на

реализацию императивов принципа равенства сторон. В противном случае необходимо было бы признать утрату принципом равенства своей основополагающей роли в угоду частным интересам отдельных категорий субъектов гражданского права.

5) *Принцип диспозитивности* не имеет четкого нормативно-правового оформления и выводится путем толкования отдельных норм: п. 2 ст. 1 и ст. 9 ГК РФ. Т.Н. Прохорко определяет принцип диспозитивности как закрепленное в нормах права основное начало, выражающее заинтересованность лица в инициативном приобретении прав и обязанностей своей волей, а также осуществлении приобретенных прав по своему усмотрению. Юридическими императивами принципа являются свобода субъектов гражданских прав в выборе вариантов правомерного поведения, в осуществлении наличных субъективных прав, свобода на стадии формирования конкретного гражданского правоотношения, запрет на изменение содержания и объектно-субъектного состава гражданского правоотношения помимо воли управомоченного лица¹⁶⁷.

Одним словом, принцип диспозитивности означает, что каждый субъект гражданских прав должен обладать возможностью самостоятельно и свободно выбирать, каким образом ему осуществлять свои субъективные права и обеспечивать принадлежащие ему законные интересы. В этом отношении принцип диспозитивности определяет мотив реализации субъектами гражданских прав императивов принципа сотрудничества субъектов гражданских прав. Например, если собственник земельного участка имеет возможность самостоятельно, не дожидаясь возвращения из долгой командировки собственника смежного земельного участка, отремонтировать разделяющий такие участки забор, то он, принимая в силу принципа диспозитивности решение провести соответствующие мероприятия, реализует и принцип сотрудничества. Можно предположить и обратную ситуацию, когда такой собственник не желает проводить ремонт в одиночку. В этом случае никто не вправе его принудить,

---

¹⁶⁷ Прохорко Т.Н. Диспозитивность как принцип российского гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. С. 20–21.

несмотря предусмотренное принципом сотрудничества требование оказывать субъектами гражданских прав взаимопомощь, за исключением случаев злоупотребления правом. Чтобы не поставить действие объективно существующего и нормативно-оформленного принципа сотрудничества в зависимость от свободной воли субъекта гражданских прав, законодательство должно предусматривать наступление последствий за невыполнение императивов принципа сотрудничества, которые делали бы для лица неисполнение императивов принципа невыгодными. Например, такое последствие уже предусматривает норма п. 3 ст. 406 ГК РФ, дающая должнику право при отказе кредитора принять надлежащее исполнение не уплачивать проценты за пользование денежными средствами¹⁶⁸.

б) *Принцип добросовестности*, по справедливому замечанию В.Д. Рузановой, влияет на системность гражданского законодательства путем определения заложенного в правовых нормах действительного смысла, содержательного их согласования и создания возможностей для их наиболее эффективного применения¹⁶⁹.

Из проанализированных принципов принцип добросовестности является наиболее спорным: его главной проблемой является неопределенность содержания, что дает некоторым авторам основание заявлять об отсутствии у добросовестности характера принципа права¹⁷⁰.

Анализируя категорию добросовестности на предмет возможной ее квалификации в качестве принципа гражданского права, мы обнаруживаем, что законодатель по какой-то причине не поименовал принцип добросовестности в перечне начал, на которых основывается гражданское законодательство (п. 1 ст. 1

---

¹⁶⁸ Несмотря на то что такая ответственность не представляет собой классического примера гражданско-правовой ответственности, при принятии решения о постановке кредитора в невыгодное положение необходимо учитывать положения ст. 401 ГК РФ, предусматривающие общее правило о том, что ответственность может наступать лишь при наличии вины, за исключением случаев нарушения обязательств в связи с обстоятельствами непреодолимой силы. В последнем случае невозможность принять исполнение не может служить основанием для освобождения должника от уплаты процентов за пользование денежными средствами, а также от возмещения кредитору любых выгод, которые получил должник в результате удержания исполнения, по правилам гл. 60 («Обязательства из неосновательного обогащения») ГК РФ.

¹⁶⁹ Рузанова В.Д. § 3. Значение принципа добросовестности для формирования гражданско-правовой законодательной системы // Принципы гражданского права и их реализация. М.: Проспект, 2017. С. 102.

¹⁷⁰ См., например, Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 84.

ГК РФ). Несмотря на это, В.Г. Голубцов полагает, что принцип добросовестности все же нашел свое закрепление – в п. 3 ст. 1 ГК РФ¹⁷¹. Данный вывод также можно сделать, если обратиться к тексту концепции развития гражданского законодательства (п. 1.1. разд. II), предусматривавшей, что принцип добросовестности должен распространиться на действия (поведение) участников оборота при а) установлении прав и обязанностей (ведение переговоров о заключении договоров и т.д.); б) приобретении прав и обязанностей; в) осуществлении прав и исполнении обязанностей; г) защите прав. Принципу добросовестности должна подчиняться и оценка содержания прав и обязанностей сторон¹⁷².

Пунктом 3 ст. 1 ГК РФ предусмотрено, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Добросовестным Верховный Суд РФ предлагает считать поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации (абзац 3 п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25¹⁷³). Данное разъяснение в целом вытекает из доктрины гражданского права: еще в 2002 г. К.И. Скловский отмечал, что «добрая совесть выражает ... исходную позицию лица, уважающего своего контрагента, видящего в нем равного себе и этим актом признания и приравнивания постоянно производящего право на элементарном и тем самым – на всеобщем уровне»¹⁷⁴.

Добросовестность принято определять в двух смыслах – в объективном и

---

¹⁷¹ Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 177.

¹⁷² Яковлев В.Ф. О концепции развития гражданского законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 15.

¹⁷³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. № 140. 30.06.2015.

¹⁷⁴ Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79.

субъективном. В объективном смысле она удачно определена И.Б. Новицким как «известное внешнее мерило, которое принимается во внимание законом, судом, применяющим закон, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных сношениях друг с другом; здесь перед нами как бы открывается новый источник, выступает параллельная или подсобная норма, призываемая к действию законом»¹⁷⁵. Объем содержания такого «внешнего мерил» установить достаточно сложно. Не существует единого мнения и в научной литературе¹⁷⁶.

В субъективном смысле добросовестность рассматривается как уважительное незнание о том или ином обстоятельстве, наступление которого влекут те или иные юридически значимые последствия¹⁷⁷. Данное понимание добросовестности используется при регулировании вещно-правовых способов защиты права в п. 2 ст. 302 ГК РФ.

Схожим образом добросовестность определяется и в зарубежной доктрине. Например, в издаваемом в США юридическом словаре Г.К. Блэка добросовестность определяется через такие категории, как «должная осмотрительность», «честность», «объективность», «без намерения обмануть другую сторону» и т.д.¹⁷⁸.

Таким образом, принцип добросовестности в его традиционном понимании определяется как идеал, стандарт поведения субъектов гражданских прав. К.В. Нам по этому поводу отметил, что принцип добросовестности призван обеспечить соответствие позитивной нормы духу закона. При этом дух закона автор определяет как социально оправданное и поддерживаемое в обществе поведение участников правоотношений по отношению друг к другу, которое строится на здравом смысле и актуальных на данный исторический период ценностях и могло бы быть выражено волей законодателя в качестве нормативного правила¹⁷⁹.

---

¹⁷⁵ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. С. 124–125.

¹⁷⁶ По этому поводу, пишет И.Б. Новицкий, Эртманн заметил: «...что следует понимать под *Treu und Glauben* (добросовестность (нем.) – А.Ф.), легче оценить чувством, чем охватить рассудком, и формулировать как определенное понятие» (см. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. С. 126).

¹⁷⁷ Голубцов В.Г. Указ. соч. С. 178.

¹⁷⁸ Black H.C. Law Dictionary. URL: <https://alegaldictionary.com/good-faith/> (дата обращения: 08.02.2021).

¹⁷⁹ Нам К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2.

Такое понимание определенно приводит к субординации данному принципу всего гражданско-правового регулирования. Так, в сферу содержания принципа добросовестности попадают все отраслевые¹⁸⁰, а вслед за ними и подотраслевые и институциональные принципы гражданского права. В этом отношении добросовестность в объективном смысле можно охарактеризовать как сверхначало, или сверхпринцип гражданского права, определяющий основы основ всего гражданского оборота¹⁸¹.

В таком случае принцип сотрудничества субъектов гражданского права служит юридическим императивом принципа добросовестности¹⁸².

Принцип сотрудничества и принцип поддержки конкуренции. Отдельной проблемой является соотношение принципа сотрудничества с хоть и конституционным, но распространяющим свое действие непосредственно на сферу гражданско-правового регулирования принципом поддержки конкуренции (ст. 8 Конституции РФ¹⁸³).

Как мы помним, сотрудничество является лишь одной из двух форм (типов) социального взаимодействия. В противоположность сотрудничеству существует также форма соперничества, распадающаяся на конкуренцию и конфликт.

Современное российское государство построено на началах свободной рыночной экономики. Конкуренция как процесс борьбы хозяйствующих субъектов за ограниченные по количеству блага признается одним из механизмов обеспечения

---

¹⁸⁰ В отношении отдельных принципов, например принципа добросовестного правоосуществления, уже устоялась точка зрения, что данный принцип является одним из проявлений принципа добросовестности (см. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос. 2020. С. 703).

¹⁸¹ В зарубежной литературе такой же вывод делается в отношении места принципа добросовестности во французском договорном праве (см., например, *Pedamon C., Vassileva R.* The “Duty to Cooperate” in English and French Contract Law. One Channel, Two Distinct Views // Forthcoming in the Journal of Comparative Law. 2019. Vol. XIV. № 1. P. 15; *Chantepie G., Latina M.* La réforme du droit des obligations. Commentaire théorique et pratique dans l'ordre du Code civil. Dalloz, 2016. P. 99). Однако в Европе также есть авторы, разделяющие принцип добросовестности и принцип сотрудничества (см., например, *Klimas E.* The principle of duty to co-operate, the implementation and significance of this principle in legal contractual construction relations: summary of doctoral dissertation. Vilnius, 2011. P. 15; *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR). Full edition. Vol. I. Munich: sellier, 2009. P. 11–12).*

¹⁸² Схожий подход наблюдался в литературе и ранее с той лишь разницей, что принцип сотрудничества не квалифицировался авторами в качестве самостоятельного принципа гражданского права, а понимался как подчиненный принципу добросовестности субпринцип (см. *Пьянкова А.Ф.* Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография. Пермь, 2014. С. 44).

¹⁸³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (Дата обращения: 12.11.2020).

свободы рыночной экономики¹⁸⁴. Сотрудничество же предполагает снижение градуса соперничества и, как следствие, приводит к совместной, взаимовыгодной для хозяйствующих субъектов деятельности. Однако такое отношение не учитывает интересы других, не участвующих во взаимодействии по модели сотрудничества, лиц¹⁸⁵. Результатом распространения принципа сотрудничества на все гражданско-правовые отношения в таком случае может стать рост популярности антиконкурентных соглашений, согласованных действий и т.д., соответствующих критериям сотрудничества¹⁸⁶, но противоречащих основам экономического устройства. Особенно это важно учитывать в связи с тем, что эффективность именно отношений конкуренции прослеживается в вопросах определения контрагентов для целого ряда гражданско-правовых договоров¹⁸⁷.

Отвечая на вопрос о соотношении конкуренции и сотрудничества, А.Н. Варламова заметила три ключевых особенности: во-первых, не каждое взаимодействие объективно требует конкуренции между взаимодействующими лицами. Во-вторых, задачей законодательного регулирования конкуренции является не определение свободы конкуренции, а цель, к которой нужно стремиться, т.е. законодатель должен устанавливать границы конкурентных стратегий. В-третьих, отсутствие сотрудничества может привести и к отсутствию конкуренции, что прослеживается, по замечанию автора, на примере рынка электроэнергетики¹⁸⁸.

На положительное влияние сотрудничества даже в виде некоторых горизонтальных соглашений субъектов одного товарного рынка обращают внимание и специалисты по современному антимонопольному праву США: С. Вахисан

---

¹⁸⁴ *Архипов А.М.* Роль конкуренции в развитии рыночной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2007. С. 57.

¹⁸⁵ То есть совершенно реализуемым в такой картине мира является взаимодействие нескольких хозяйствующих субъектов по модели сотрудничества для достижения ими определенного, необходимого им результата. При этом стоит заметить, что механизмов, которые обеспечивали бы участие в таком сотрудничестве всех без исключения хозяйствующих субъектов, не существует.

¹⁸⁶ Например, В.Л. Осипова предлагает определение согласованных действий в контексте антимонопольного права, очень близкое к определению понятия «социальное сотрудничество» (см. *Осипова В.Л.* Антиконтурентные согласованные действия: понятие и квалификация // Конкурентное право. 2018. № 3. С. 19–22.).

¹⁸⁷ Например, конкуренция имеет ключевое значение для такого способа заключения договоров, как торги (см. *Беляева О.А.* Предназначение торгов // Журнал российского права. 2013. № 10 (202). С. 22–28).

¹⁸⁸ *Варламова А.Н.* Конкуренция и сотрудничество: конфликт или единство принципов? // Конкурентное право. 2016. № 1. С. 16–20.

отмечает, что законная возможность объединения небольшими хозяйствующими субъектами (например, мелкими поставщиками) совместных усилий позволяет им противостоять крупным корпорациям, демонстрирующим тенденцию на дальнейшее укрепление и монополизацию товарных рынков. Это способствует достижению больших выгод, чем запрет на всякое сотрудничество¹⁸⁹.

Не чужд данный вопрос и экономической науке, где уже продолжительное время разрабатывается концепция конкурентного сотрудничества (со-конкуренции, «кооперенции», «симбиотического маркетинга»), ознаменовавшая появление сетевой формы хозяйственной деятельности, предполагающей создание между независимыми хозяйствующими субъектами системы долгосрочных связей (межфирменных сетей), построенных на принципе единства конкуренции и сотрудничества¹⁹⁰.

Данные исследования показывают, что в обществе отношения сотрудничества востребованы не менее, а, возможно, в каких-то сферах и более, чем конкуренция. Право, как регулятор общественных отношений, не может игнорировать данный факт, поскольку, по справедливому замечанию С.В. Ибрагимовой, оно является социально эффективным тогда, когда оно отражает существующее состояние общества и способствует его прогрессивному развитию¹⁹¹.

Представляется, что ответ на вопрос о соотношении сотрудничества и конкуренции заключается в закреплении в нормах права максимальных возможностей для развития отношений сотрудничества как наиболее выгодной для самих участников гражданского оборота стратегии поведения с одновременным закреплением посредством императивных норм жестких ограничений, нарушение которых может привести к нежелательному для

---

¹⁸⁹ *Vaheesan S.* Privileging Consolidation and Proscribing Cooperation: The Perversity of Contemporary Antitrust Law // *Journal of Law and Political Economy*. 2020. Vol. 1. Issue 1. P. 28–29.

¹⁹⁰ О концепции конкурентного сотрудничества см. *Кривенцова Л.А.* Концепция конкурентного сотрудничества фирм в современной экономике // *Вестник УГТУ-УПИ. Серия: экономика и управление*. 2006. № 9. С. 5–8; *Хмелькова Н.В.* От конкуренции к со-конкуренции: новая логика конкурентного сотрудничества // *Журнал экономической теории*. 2010. № 1. С. 145–155; *Brandenburger A., Nalebuff B.* Co-opetition: 1. A Revolutionary Mind-Set that Competition and Cooperation. 2. The Game Theory Strategy that's Changing the Game of Business. N. Y., 1996. 304 p.; *Rothschild M.* Bionomics: Economy as Ecosystem. N. Y.: Henry Holt, 1992. 423 pp.

¹⁹¹ *Ибрагимова С.В.* Социальная эффективность права // *Восьмой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 20–21 окт. 2017 г.): избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 214.*

экономического развития нарушению конкуренции¹⁹². Иными словами, здесь должен действовать принцип «все, что не запрещено – то разрешено». В этом отношении следует признать возможность параллельного и непротиворечивого существования гражданско-правового принципа сотрудничества и конституционного принципа поддержки конкуренции.

Резюмируем изложенное:

Принцип сотрудничества субъектов гражданского права связан с принципами:

- недопустимости злоупотребления правом – через категорию юридически значимого сотрудничества, имеющую выражение в содержании обоих принципов: в принципе недопустимости злоупотребления правом реализовано сотрудничество-состояние, а в принципе сотрудничества субъектов гражданского права – деятельностное и информационное сотрудничество;

- необходимости исполнения гражданско-правовых обязанностей – тем, что принцип сотрудничества субъектов гражданского права определяет характер исполнения юридических обязанностей;

- недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, устанавливающим границы действия принципа сотрудничества субъектов гражданского права;

- равенства субъектов гражданских прав, определяющим характер содержания юридических императивов и субимперативов принципа сотрудничества субъектов гражданского права, предполагающих, по общему правилу, корреспондирующий набор прав и обязанностей сторон правоотношения;

- диспозитивности, содержание которого закрепляет мотивы реализации субъектами гражданских прав юридических императивов формулируемого принципа сотрудничества;

- добросовестности, включающим в свое содержание принцип сотрудничества субъектов гражданского права в качестве юридического императива.

---

¹⁹² Убедительной представляется точка зрения А.Н. Варламовой, считающей, что закон должен определить не пределы свободы конкуренции, так как конкуренция – это цель, к которой надо стремиться. Закон должен установить ограничения в части дозволенных действий, т. е. установить границы конкурентных стратегий (Варламова А.Н. Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9).

ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

2.1. Юридические императивы принципа сотрудничества субъектов гражданского права

Содержание принципа права раскрывается через его юридические императивы и субимперативы¹⁹³.

Принцип сотрудничества субъектов гражданского права является отраслевым, характеризующим наиболее существенные черты всего гражданского права¹⁹⁴. Однако каждая регулируемая гражданским правом группа общественных отношений имеет свою специфику, не позволяющую осуществлять регулирование нескольких групп общественных отношений одинаковым образом. Из этого следует, что содержание любого отраслевого принципа должно по-разному раскрываться в разных подотраслях гражданского права и, возможно, даже в разных институтах в рамках одной подотрасли.

Поэтому будет обоснованно раскрывать содержание и структуру отраслевого принципа сотрудничества субъектов гражданского права по следующей схеме: во-первых, необходимо определить юридические императивы принципа как наиболее общие правила, установки, идеи, составляющие его содержание. Во-вторых, необходимо сформулировать субимперативы принципа как результат конкретизации императивов применительно к конкретному виду правоотношения.

В рамках настоящего параграфа мы изложим свое представление о юридических императивах, приведем некоторые примеры их реализации, которые также можно рассматривать и как частные случаи субимперативов. В

---

¹⁹³ *Карташов В.Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 161.

¹⁹⁴ Данный критерий отраслевых принципов неоднократно как прямым, так и косвенным образом приводится различными авторами. См., например, *Ткаченко А.А.* Понятие и система принципов гражданского права // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. 2012. № 84. С. 11; *Карташов В.Н.* Указ. соч. С. 163.

последующих параграфах будет приведено содержание субимперативов принципа обязательственных (договорных, кондикционных, преддоговорных и из причинения вреда), вещных, и корпоративных правоотношениях как наиболее специфических видах гражданско-правовых отношений.

Коль скоро принцип сотрудничества субъектов гражданского права включает в свое содержание активную форму юридически значимого сотрудничества, система юридических императивов должна отражать деятельность и информационного сотрудничества. Однако в силу большой степени абстрактности их содержания они составляют два разных направления реализации принципа, или две группы юридических императивов.

На первый взгляд можно сказать, что деятельностное сотрудничество само по себе является императивом, предполагающим обязанность субъекта любого гражданского правоотношения совершать действия по устранению непредвиденных препятствий для достижения цели правоотношения. Однако объем понятия «устранение непредвиденных препятствий» не ограничивается только лишь непосредственным устранением уже возникших препятствий: эффективное устранение препятствий предполагает также проведение мероприятий по их своевременному выявлению и совершению действий по исключению предпосылок для возникновения соответствующих обстоятельств. Кроме того, устранение препятствий включает в себя и вопросы распределения понесенных в связи с этим расходов.

Например, проявлением деятельностного сотрудничества путем совершения превентивных действий в вещных правоотношениях является устройство и ремонт загонов для скота, чтобы избежать случайного ухода домашних животных за пределы территории их собственника и тем самым не вызвать необходимость реализации другого императива группы деятельностного сотрудничества, обязывающего собственника потерянной вещи предпринять меры по ее поиску, чтобы исключить возможность причинения вреда иным лицам.

Таким образом, группа деятельностного сотрудничества включает в себя следующие императивы:

1) мониторинг рисков наступления не предусмотренных содержанием правоотношения обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения;

2) совершение превентивных действий, направленных на устранение рисков наступления обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения;

3) незамедлительное устранение непредвиденных обстоятельств, ставших препятствием для достижения цели правоотношения;

4) компенсация расходов, понесенных в связи с необходимостью устранения препятствия.

Первый императив (мониторинг рисков) предполагает, что каждый субъект гражданского правоотношения должен следить за тем, чтобы не возникло каких-либо препятствий, которые могут существенным образом затруднить или сделать невозможным достижение цели правоотношения. Этот императив призван снизить вероятность внезапности наступающих последствий и минимизировать потери от появления таких обстоятельств. Поскольку само по себе выявление препятствия не имеет значения для правоотношения, важную роль приобретает связь данного императива с императивами группы информационного сотрудничества, предусматривающими требование об обязательном информировании субъектами гражданского права друг друга при выявлении каких-либо неблагоприятных обстоятельств. В этом проявляется системность содержания принципа.

В качестве примера первого императива группы деятельностного сотрудничества можно привести обязанность застройщика многоквартирного дома отслеживать риски наступления неблагоприятных обстоятельств, которые не могли быть предусмотрены заранее и могут привести к невозможности исполнения договора застройщиком, поскольку невозможность построить обусловленную договором квартиру является объективным препятствием к исполнению обязательства.

Второй императив (совершение превентивных действий) предполагает

обязанность сторон при выявлении непредвиденных препятствий проводить мероприятия по устранению соответствующих рисков.

В рассмотренном примере с застройщиком реализация данного императива налагает на застройщика обязанность предложить участнику строительства какие-то разумные меры, которые помогут предотвратить наступление в будущем невозможности исполнения обязательства (изменение конфигурации жилого помещения, смена объекта строительства на такую же квартиру в другой секции дома и т.д.).

Последняя обязанность коррелирует с принципом реального исполнения обязательства¹⁹⁵.

Действие принципа реального исполнения в совокупности с принципом сотрудничества означает, что стороны правоотношения, столкнувшись с обстоятельствами, объективно препятствующими достижению цели правоотношения (например, исполнению договора, как это приведено в примере с застройщиком), должны в первую очередь предусмотреть проведение мероприятий, которые позволят достичь первоначально поставленной цели правоотношения. И только если это окажется объективно невозможным, стороны могут заменить предмет исполнения денежной компенсацией или изменить правоотношение иным образом. Более подробно применительно к договорным правоотношениям этот вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе.

Нетрудно заметить, что описанные выше примеры императивов деятельностного сотрудничества в обязательственном праве сочетаются с императивами формулируемого в цивилистической науке на основании п. 2 ст. 307 ГК РФ принципа взаимного содействия (сотрудничества) сторон обязательства. Это действительно так. Принцип взаимного содействия (сотрудничества) сторон обязательства «растворяется» в содержании принципа сотрудничества субъектов гражданского права.

---

¹⁹⁵ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. С. 106–107. Также о принципе реального исполнения обязательств см.: Новицкий И.Б. Реальное исполнение обязательств // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 143–171; Захаркина А.В. Указ. соч. С. 121–124; Манджиев А.Д. Свобода воли в договорных правоотношениях. М.: Статут, 2017. С. 158–174.

Учитывая отсутствие в содержании принципа взаимного содействия (сотрудничества) сторон обязательства предлагаемого нами деления императивов на группы деятельностного и информационного сотрудничества, встроить принцип содействия (сотрудничества) сторон обязательства в неизменном виде невозможно. По этой причине при дальнейшем изложении содержания принципа сотрудничества субъектов гражданского права нами будут использованы только отдельные юридические императивы принципа содействия (сотрудничества) сторон обязательства, но не сам принцип в целом.

Третий императив (незамедлительное устранение непредвиденных обстоятельств) предполагает обязанность незамедлительно устранить обстоятельства, препятствующие достижению цели правоотношения. В анализируемом нами в начале параграфа примере с ремонтом загонов для скота этот императив «вступит в силу» тогда, когда в нарушение второго императива собственник не проведет превентивных мероприятий по ремонту забора, чем допустит случайный уход скота со своей территории.

Четвертый императив (компенсация расходов) проистекает из определения сотрудничества как действий (деятельности), направленных на достижение общей цели: правоотношение в этом случае выступает как некое «общее дело» его участников.

По общему правилу, порядок распределения расходов определяется либо соглашением сторон (например, для договорных правоотношений), либо нормами права (например, в правоотношениях абсолютных, в том числе вещных – содержание таких правоотношений определяется законом¹⁹⁶). Поэтому в договорных правоотношениях расходы на исполнение обязательства, как правило, включаются в состав цены договора¹⁹⁷ и определяются соглашением сторон, а в

---

¹⁹⁶ В.А. Белов по этому поводу удачно отмечает: «Содержание всеобщей обязанности никак не может быть предположительным не только с точки зрения своего объекта, но и с точки зрения собственной цели: пассивные субъекты должны точно знать, на что имеет право претендовать управомоченный. Без этого они не смогут понимать, какие их действия составят посягательство на его право (и от каких действий они, значит, обязаны воздержаться), а какие нет (и, следовательно, могут быть совершены)» (см. *Белов В.А. Очерки вещного права. Научно-популярные заметки: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры.* М.: Юрайт, 2015. С. 36).

¹⁹⁷ Мы предполагаем, что, заключая договор на определенных условиях, субъект гражданского права действует рационально и находит такие условия выгодными для себя, т. е. покрывающими его расходы.

абсолютных – распределяются на основании закона. Примером является п. 1 ст. 229 ГК РФ.

Однако нет оснований не допустить возможность существования ситуаций, когда порядок распределения непредвиденных расходов окажется не урегулированным содержанием правоотношения. В этом случае несение непредвиденных расходов одним из субъектов правоотношения, являющегося «общим делом» его участников, становится основанием возникновения у других субъектов неосновательного обогащения. Такой вывод можно сделать из толкования подп. 3 ст. 1103 ГК РФ¹⁹⁸ с учетом правовой позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 7 обзора судебной практики № 2 (2017)¹⁹⁹.

Размер неосновательного обогащения в этом случае должен определяться исходя из определения сотрудничества как поведения, направленного на достижение общей цели субъектов правоотношения. Это означает, что все расходы, понесенные в связи с устранением непредвиденного препятствия, должны делиться между субъектами поровну, если только из соглашения сторон, закона или содержания юридических императивов принципа сотрудничества не вытекает другой порядок распределения. Например, если в правоотношении участвует два субъекта и расходы были понесены одним из них, вторая сторона должна возместить первой половину таких затрат. Иной порядок распределения расходов наблюдается в вещных правоотношениях, о чем речь пойдет далее.

Группа информационного сотрудничества включает в себя следующие юридические императивы:

- 1) информирование участников гражданского оборота об известных существенных обстоятельствах, которые могут затронуть их интересы;
- 2) предоставление информации, без которой эффективное осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны;
- 3) консультационное содействие.

---

¹⁹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

¹⁹⁹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №. 5–6.

Первый императив (информирование участников гражданского оборота о существенных обстоятельствах) направлен на обеспечение участникам гражданского оборота возможности быть своевременно уведомленными об обстоятельствах, которые могут повлиять на их права и охраняемые законом интересы. При этом, поскольку действие определенного правоотношения может иметь весьма отдаленные последствия (например, скрытые дефекты построенного жилого дома могут обнаружиться спустя много лет после исполнения договора строительного подряда), данный императив предполагает обязанность информировать сторону правоотношения о соответствующих существенных обстоятельствах, независимо от того, возникли ли они либо стали известны обязанной стороне во время существования правоотношения либо после его прекращения.

В качестве примера из обязательственного права можно привести обязанность стороны договора уведомлять другую сторону о существенных обстоятельствах, которые могут затронуть ее интересы. Например, если в течение пресекательного десятилетнего срока исковой давности, установленного ст. 181 ГК РФ, у одной из сторон возникли признаки неплатежеспособности, то такая сторона в силу принципа сотрудничества обязана уведомить о рисках банкротства всех своих контрагентов, в том числе тех, обязательства перед которыми уже исполнены. В противном случае столь длительный (10 лет) срок исковой давности может привести к ситуации, когда у контрагента по исполненному пять-шесть-девять лет назад договору к моменту рассмотрения арбитражным судом спора о признании этого договора недействительным просто не окажется необходимых документов по причине их уничтожения в связи с истечением сроков архивного хранения²⁰⁰.

Последствием неисполнения данной обязанности должна признаваться возможность потерпевшей стороны взыскать убытки с нарушившей данную обязанность стороны либо с ее руководителя, если сторона договора будет ликвидирована, например, по результатам конкурсного производства либо как

---

²⁰⁰ Например, срок хранения договоров, соглашений, документов к ним, включая расчеты, заключения, справки и переписку составляет 5 лет (см. п.п. 11, 12 Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, утв. Приказом Федерального архивного агентства от 20 декабря 2019 г. № 236).

недействующая организация исключена из ЕГРЮЛ²⁰¹.

Другим примером реализации императива может быть обязанность сторон договора перевозки негабаритного груза по уведомлению заинтересованных лиц (по существу, всех граждан, которые проживают в местности, по которой будет транспортироваться груз) об обстоятельствах перевозки. Этим будет обеспечено наиболее эффективное достижение цели договора – доставка груза в определенные сроки и надлежащем состоянии, а также будут снижены риски дорожно-транспортных происшествий.

Второй императив (предоставление необходимой информации) был сформулирован в несколько ином виде П.В. Панченко в содержании принципа взаимного содействия (сотрудничества) сторон обязательства²⁰². Его содержание в составе принципа содействия сторон обязательства предполагает обязанность субъектов гражданского правоотношения предоставлять друг другу любую информацию, без которой реализация содержания правоотношения невозможна. Мы предлагаем с учетом того, что принцип сотрудничества субъектов гражданского права направлен на обеспечение эффективной реализации правоотношения несколько иную формулировку императива: «предоставление информации, без которой *эффективное* осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны».

Этот императив направлен на обеспечение динамики (движения²⁰³)

---

²⁰¹ Основанием для предъявления таких требований могут сложить п. 3 и 3.1. Федерального закона от 8 февраля 2002 г. (ред. от 2 июля 2021 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785, а также ст. 1064 ГК РФ с учетом правовых позиций Верховного Суда РФ, изложенных в п. 23 обзора практики № 1 (2020), утв. Президиумом 10 июня 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10; п. 40 обзора практики № 3 (2018), утв. Президиумом 14 ноября 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019 № 5–6; п. 27 обзора судебной практики № 2 (2019), утв. Президиумом 17 июля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2; определениях от 22 мая 2017 г. № 303-ЭС16-19319 по делу № А51-273/2015 и от 17 июля 2018 г. № 4-КГ18-44 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

О доктрине чистых экономических убытков также см. *Лугманов Р.Р.* Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 115–153; *Копяков А.А.* Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 146–196; *Богданов Д.Е.* Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 82–91; *Богданова Е.Е.* Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы. С. 33–34.

²⁰² См. *Панченко П.В.* Указ. соч. С. 50–53.

²⁰³ О.А. Красавчиков использовал термин «движение правоотношения» (см., например, *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 117: «...договором (сделкой)

правоотношения, поскольку зачастую отсутствие необходимой информации становится причиной невозможности осуществления прав и исполнения обязанностей, что, например, в случае с обязательственными правоотношениями может стать основанием для прекращения обязательства в связи с невозможностью его исполнения (ст. 416 ГК РФ)²⁰⁴.

При реализации данного императива остро встает вопрос об объеме информации, которую стороны правоотношения обязаны предоставлять друг другу. Имея в арсенале правовых средств принцип сотрудничества, некоторые субъекты могут потребовать от другой стороны правоотношения предоставления информации, которая, с одной стороны, необходима для осуществления прав, однако, с другой стороны, и отсутствие которой не может служить объективным препятствием к достижению цели правоотношения. При этом сторона, запрашивая такие сведения, может преследовать корыстные цели, не связанные с правоотношением.

Представляется, что данную проблему можно решить с применением принципа недопустимости злоупотребления правом: запрос информации, необходимость в которой для достижения цели правоотношения отсутствует, следует признавать злоупотреблением правом с применением последствий, предусмотренных ст. 10 ГК РФ²⁰⁵. Удачным здесь также представляется применение по аналогии правила, закрепленного для преддоговорных правоотношений в п. 4 ст. 434.1 ГК РФ.

Таким образом, второй императив группы информационного сотрудничества закрепляет в себе две группы правил. 1. Каждая сторона гражданского

следует именовать только то явление ... т. е. действие, *направленное на движение* (курсив наш – А.Ф.) конкретного правоотношения...»).

²⁰⁴ По одному из дел Центральный районный суд г. Симферополя постановил, что непредоставление банком, прекратившим свою деятельность на территории Республики Крым (банк был резидентом Украины), информации о счете, куда следует зачислять денежные средства в счет погашения кредита, о порядке обслуживания кредитов в банке, который стал нерезидентом РФ и не имеет отделений на территории России, является объективным препятствием к исполнению обязательства, что является основанием для прекращения кредитного обязательства на основании ст. 416 ГК РФ (см. *Бычков А. Как быть с валютными кредитами? // Арсенал предпринимателя. 2016. № 4. С. 55–62*).

²⁰⁵ Схожая проблема возникала в судебной практике по делам об истребовании арбитражными управляющими сведений о контрагентах должников на основании ст. 20.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». В итоге была сформирована позиция о том, что арбитражный управляющий, запрашивая соответствующие сведения, должен раскрыть перед обладателем информации мотивы истребования. Представляется, что в случае с принципом сотрудничества возможно применение аналогичного подхода.

правоотношения обязана предоставлять другой стороне необходимую для достижения цели правоотношения информацию. При этом, запрашивая информацию, сторона обязана обосновать необходимость ее предоставления для достижения цели правоотношения. Если такого обоснования приведено не будет, другая сторона имеет право отказать в предоставлении информации. 2. Сторона, получившая информацию, должна использовать ее только для цели и только таким способом, какие были указаны предоставившей информацию стороной. Если информация была предоставлена как конфиденциальная, получившая информацию сторона обязана сохранять ее в тайне.

Третий императив (консультационное содействие) также предложен П.В. Панченко в содержании принципа взаимного содействия (сотрудничества) сторон обязательства²⁰⁶. Он заключает в себе обязанность участников гражданского оборота при взаимодействии давать друг другу консультации для эффективного достижения цели правоотношения.

Необходимость данного императива обусловлена разным уровнем квалифицированности субъектов гражданского права. Возможна ситуация, когда одна сторона имеет определенные компетенции, реализуя которые можно достичь цель правоотношения наиболее эффективным образом. Например, при решении вопроса о ремонте общего имущества многоквартирного дома организация, являющаяся собственником помещений в доме, основной вид деятельности предусматривает ремонт объектов недвижимости, должна проявлять активность при определении перечня необходимых работ, выборе подрядчика и т.д., т. е. оказывать в этих вопросах консультационную поддержку другим собственникам. Императив вытекает из особого статуса некоторых субъектов, признаваемых профессиональными участниками гражданского оборота в какой-либо сфере, то есть лицами, обладающими более высоким уровнем компетенций в определенных вопросах в силу характера их деятельности²⁰⁷.

---

²⁰⁶ См. Панченко П.В. Указ. соч. С. 49–50.

²⁰⁷ На особый статус некоторых субъектов как профессиональных участников гражданского оборота неоднократно указывалось в судебной практике: см., например, п. 6 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 147 «Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11;

Резюмируем изложенное:

1. Юридические императивы принципа сотрудничества субъектов гражданского права составляют две группы: 1) императивы деятельностного сотрудничества, направленные на устранение непредвиденных препятствий к эффективному достижению цели правоотношения; и 2) императивы информационного сотрудничества, служащие средством создания ситуации информационной обеспеченности субъектов правоотношения, необходимой для эффективного достижения цели правоотношения.

2. В группу императивов деятельностного сотрудничества относятся следующие юридические императивы: 1) мониторинг рисков наступления не предусмотренных содержанием правоотношения обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения; 2) совершение превентивных действий, направленных на устранение рисков наступления обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения; 3) незамедлительное устранение непредвиденных обстоятельств, ставших препятствием для достижения цели правоотношения; 4) компенсация расходов, понесенных в связи с необходимостью устранения препятствия.

3. В группу императивов информационного сотрудничества относятся такие императивы как 1) информирование участников гражданского оборота об известных существенных обстоятельствах, которые могут затронуть их интересы; 2) предоставление информации, без которой эффективное осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны; 3) консультационное содействие.

4. В отдельных подотраслях и институтах российского гражданского права принцип сотрудничества реализуется через субимперативы, представляющие собой результат конкретизации императивов применительно к конкретному виду регулируемого отношения.

2.2. Реализация принципа сотрудничества субъектов договорных правоотношений

Реализацию принципа сотрудничества субъектов гражданского права в договорных правоотношениях – наиболее исследованная область проявления юридически значимого сотрудничества в российском гражданском праве. Это объясняется разработанностью проблематики сотрудничества сторон обязательства в рамках доктрины принципа взаимного содействия (сотрудничества) сторон обязательства²⁰⁸.

Однако внесенная в рамках настоящей работы ясность в части структуры императивов принципа сотрудничества позволяет в известной степени углубить знание о проявлении юридически значимого сотрудничества в договорных обязательствах.

Договорное обязательство само по себе является актом взаимного согласия субъектов гражданского права. Еще в первой половине XX в. французский ученый Р. Демог сравнивал договор с микрокосмом, небольшой компанией, в которой каждый должен работать ради общей цели, являющейся суммой индивидуальных целей каждого участника договора²⁰⁹.

Такой подход привел к тому, что отношения кредитора и должника в договорном обязательстве стали рассматриваться не как противостояние, а как союз, где у сторон, помимо основных обязанностей, предусмотренных договором, имеется обязанность сотрудничать друг другом. Новая теория получила название теории договорной солидарности. В рамках нее было сформулировано две концепции сотрудничества: 1) альтруистическое сотрудничество и 2) «кооперативный индивидуализм». Первая отсылает к моральным ценностям уважения, братства, самоотречения и предполагает обязательство должника исполнять договор в интересах кредитора. Вторая концепция, наоборот, не требует от сторон договора отказа от личных интересов, но предполагает возможность их удовлетворения только через сотрудничество, развитию которого

---

²⁰⁸ См. Панченко П.В. Указ. соч.

²⁰⁹ Demog R. Traité des obligations en general. Paris, 1932. T. VI. P. 9.

должно способствовать правовое регулирование²¹⁰. Представляется, что нет оснований не согласиться со вторым подходом.

В немецкой правовой доктрине обязанности по сотрудничеству, основой для которых стал принцип доброй совести (*Treu Und Glauben*), включаются в содержание договорного правоотношения в качестве групп дополнительных (вспомогательных) обязанностей, как связанных, так и не связанных с предметом обязательства²¹¹.

Связанными с предметом обязательства признаются обязанности по сотрудничеству. К их числу относятся обязанности по информированию, разъяснению, предоставлению отчета, консультированию, по обеспечению действительности заключенного договора, предоставлению требуемых документов, подаче необходимых заявлений в компетентные органы, получению разрешений со стороны третьих лиц и т.д.²¹².

Не связанными с предметом обязательства считаются охранительные обязанности. Формально они не называются обязанностями по сотрудничеству, однако и в них можно усмотреть его признаки. Охранительные обязанности предполагают обязанность сторон учитывать и охранять права и интересы друг друга, что обусловлено особым доверительным характером отношений сторон договора, которые делают права и интересы сторон более уязвимыми²¹³.

Все договорные правоотношения по степени реализации в них принципа сотрудничества можно распределить на две группы: дискретные договоры (*discrete contracts*) и реляционные договоры (*relation contracts*). Данная классификация сформулирована в зарубежной литературе, однако в последнее время проникает и в отечественную правовую доктрину²¹⁴.

---

²¹⁰ *Гайдаенко Шер Н.И.* Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): Монография. М.: ИНФРА-М. 2016 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

²¹¹ *Нам К.В.* Развитие принципа добросовестности (*Treu und Glauben*). Современный этап. Внутренняя систематика. С. 98.

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ См., например, *Бирюлин Д.* повышаем градус добросовестности: реляционный договор в корпоративном праве. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/07/povyshaem_gradus_dobrosovestnosti_relyacionnyj_dogovor_v_korporativnom_prave (дата обращения: 20.03.2021).

К дискретным относятся договоры, в которых степень доверия не имеет существенного значения. Здесь принцип сотрудничества проявляется наименьшим образом. К этой группе относятся «разовые» договоры, не предполагающие длительного взаимодействия²¹⁵. В таких договорах общая цель сторон, как правило, исчерпывается каузой конкретного договора.

В качестве примера реализации принципа сотрудничества в дискретных договорах можно сформулировать обязанность продавца обеспечить сохранность товара до его передачи покупателю даже в том случае, если риск случайной гибели в силу положений договора переходит к покупателю до момента фактической передачи (с момента оплаты, со дня заключения договора и т.д.)²¹⁶. Предваряя возможные возражения, необходимо отметить, что данная обязанность ни в коей мере не блокирует норму ст. 459 ГК РФ, в силу которой покупатель, к которому риск случайной гибели товара перешел до момента передачи товара, по-прежнему будет лишен возможности взыскать ущерб с продавца, но за одним исключением: если только продавец не нарушил обязанность по сотрудничеству и «попустительски» отнесся к условиям хранения проданного товара, т. е. действовал недобросовестно, чем создал препятствия к достижению цели сторон договора – возмездной передаче товара в собственность покупателя.

Реляционные договоры предполагают длительное взаимодействие в силу чего содержат «подразумеваемые» условия, которые могут быть прямо не оговорены в тексте договора²¹⁷. Такие «подразумеваемые» условия могут возникать на основе принципа сотрудничества в течение всего периода действия договора. Например, в ходе исполнения договора может потребоваться изменить порядок расчетов, место оказания услуг и т.д. В силу принципа сотрудничества стороны могут даже не заключать дополнительных соглашений к договору, но

---

²¹⁵ *Adar Y., Gelbard M. The Role of Remedies in The Relational Theory of Contract – A Preliminary Inquiry // European Review of Contract Law. 2011. № 7. P. 409.*

²¹⁶ Данная обязанность следует из того, что при исполнении любого договора купли-продажи, продаваемый по которому товар на момент заключения договора находится у продавца, существует «временной лаг» между моментами заключения и моментом получения товара покупателем. В такой ситуации покупатель объективно не может обеспечить сохранность имущества, несмотря на наличие на нем риска случайной гибели. В то же время продавцу, осуществлявшему хранение товара до его продажи, обеспечить сохранность имущества не будет столь обременительно.

²¹⁷ *Adar Y., Gelbard M. Op. cit. P. 409.*

внести в свои договоренности изменения, которых они обязаны придерживаться²¹⁸.

Из существа реляционных договоров следует наличие в них более глобальных целей, которые могут охватываться каузами целых групп (систем) договоров, заключенных, в том числе, разными контрагентами, но для единой цели. Убедительным примером этого служит система договоров, формируемая в целях строительства многоквартирного дома. В данных отношениях одинаково важное значение имеют и заказчик, и инвесторы, и генеральный подрядчик, и субподрядчики, и даже органы государственной власти, осуществляющие государственный надзор за процессом строительства. При этом для всех перечисленных субъектов существует общая цель – окончить строительство многоквартирного дома: только в этом случае участники получают максимальное удовлетворение своих личных целей (заказчик – право на оставление за собой прибыли от строительства, инвесторы – право собственности на квартиры, подрядчики – вознаграждение за произведенные работы).

В составе группы реляционных договоров обнаруживается самостоятельная группа фидуциарных сделок. Причиной отнесения их к реляционным договорам служит то, что доверие сторон здесь служит институциональной особенностью, видообразующим признаком²¹⁹, определяющим сущность данного правового феномена, а не простой характеристикой отношений, свойственной всем договорным обязательствам.

Если исходить из буквального толкования понятия фидуциарной сделки, т. е. сделки, основанной на доверии²²⁰, можно предположить, что в данном виде обязательств принцип сотрудничества играет бóльшую роль, чем в иных

---

²¹⁸ При этом, безусловно, такие договоренности не должны нарушать интересов третьих лиц. В противном случае по аналогии с договорами, требующими государственной регистрации (п. 3 ст. 433 ГК РФ), должен применяться принцип непротивопоставимости условий договора, не закрепленных в надлежащей форме, против третьих лиц.

Возможность придания юридической силы договоренностям сторон, не зафиксированным в надлежащей форме, следует из толкования правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, изложенной в абз. 3 п. 43 постановления от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

²¹⁹ Белоусова Е.В. Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России: дис. ...канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011. С. 6.

²²⁰ Ровный В.В. Заметки о фидуциарном договоре. Fiducia в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2. С. 39.

реляционных договорах. С нашей точки зрения, это не так: большее значение в фидуциарных сделках имеет принцип надлежащего исполнения сторонами своих обязательств, чем принцип сотрудничества. Чтобы в этом убедиться рассмотрим понятие фидуциарных сделок подробнее.

Ю.С. Гамбаров относил к фидуциарным сделки, которые «сверх объявленных ими последствий, имеют целью произвести еще другие, уклоняющиеся от первых и остающиеся скрытыми для третьих лиц последствия»²²¹.

О.С. Иоффе еще более конкретно определил понятие фидуциарной сделки как сделки, которая обуславливает несовпадение между внутренними отношениями участников и их внешним выражением²²².

Из данных определений видно, что фидуциарность как свойство сделки определяет характер внутренних отношений между субъектами договорного обязательства, заключающийся в предоставлении стороной договора другой стороне большего объема правомочий, чем это следует из формальных условий, открытых для третьих лиц. В.С. Сырбо удачно определил данную характеристику как несовпадение внешней юридической формы и действительного внутреннего содержания²²³.

Вторым признаком фидуциарных сделок называют обязанность стороны сделки действовать не в своих интересах, а в интересах контрагента²²⁴.

Пожалуй, самыми ярким из исследуемых в современной правовой науке примеров фидуциарных сделок, является договор, предусматривающий передачу имущества в обеспечительную собственность кредитора (титульное обеспечение)²²⁵.

Титульное обеспечение является непоименованным в ГК РФ способом обеспечения обязательств и составляет альтернативу залогу, одним из

---

²²¹ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. М.: Зерцало, 2003. С. 748.

²²² Иоффе О.С. Советское гражданское право. М., 1967. С. 267–268.

²²³ Сырбо В.С. Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений (история и современность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9

²²⁴ Кузнецова Л.В. Особенности защиты прав участников фидуциарных правоотношений // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сб. ст. / Ю.Н. Алферова, Ю.В. Байгушева, Ю.В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

²²⁵ О происхождении и природе данного института см. Сарбаш С.В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 7–93.

недостатков которого является его зависимость от государственной политики²²⁶: право собственности, а вместе с ним и титульное обеспечение оказывается более стабильным институтом.

Титульное обеспечение существует в двух вариантах²²⁷: 1) обеспечительное удержание права собственности и 2) обеспечительная передача права собственности.

Обеспечительное удержание предполагает сохранение за кредитором права собственности на передаваемое должнику имущество до тех пор, пока должник не исполнит обеспечиваемое обязательство. Этот способ применяется в конструкциях выкупного лизинга²²⁸, аренды с правом выкупа (ст. 624 ГК РФ), купли-продажи вещи с условием об удержании права собственности за продавцом до момента полной оплаты товара (ст. 491 ГК РФ)²²⁹.

Обеспечительная передача права собственности заключается в том, что должник в обеспечение обязательства перед кредитором передает свое имущество в собственность кредитора; при этом после исполнения обеспечиваемого обязательства кредитор обязан вернуть должнику предмет обеспечения обратно в собственность. Этот способ обеспечения исполнения обязательств существовал еще во времена римского права в виде конструкции *fidusia*, впоследствии сменившийся конструктом *pignus*, являвшимися предшественниками современного залога²³⁰.

В действующем российском законодательстве обеспечительная передача права собственности применяется в обеспечительном факторинге (ст. 824 ГК РФ),

---

²²⁶ Зайцев В.В. Общие положения об ипотеке (часть 1) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1 (25). С. 131.

²²⁷ Кругликова Е.В. Титульное обеспечение исполнения обязательств // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 423.

²²⁸ Пленум ВАС РФ в постановлении от 14 марта 2014 г. № 17 дал следующую характеристику выкупного лизинга: «По общему правилу в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя – в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии. *Приобретение лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате установленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного*» (курсив наш – А.Ф.).

²²⁹ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2019. С. 98–99.

²³⁰ Тужилова-Орданская Е.М. Соотношение категорий «интерес» и «добросовестность» в процессе осуществления вторичных прав // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 55.

когда исполнение обязательств клиента обеспечивается уступкой фактору права (требования) к должнику клиента; возвратном лизинге (абз. 4 п. 1 ст. 4 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)»²³¹), когда продавцом и лизингополучателем выступает одно лицо; в договорах репо (ст. 51.3 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»²³²), если удастся установить, что целью договора является не получение прибыли, например, от изменения курса валюты платежа (спекулятивная цель), а именно предоставление финансирования под титульное обеспечение ценными бумагами²³³.

Проблема применения данного способа исполнения обязательства кроется в коллизии норм российского гражданского права, а также крайне осторожном отношении отечественного правопорядка к институту расщепленной (доверительной) собственности. С одной стороны, п. 1 ст. 329 ГК РФ устанавливает открытый перечень способов обеспечения исполнения обязательств, допуская возможность предусмотреть договором любой способ обеспечения. С другой стороны, ст. 209 ГК РФ закрепляет конструкцию унитарного права собственности, т. е. неделимого абсолютного права владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, не допуская существование двух абсолютных единоличных прав собственности на один объект²³⁴. Данное положение дел активно критикуется в научной литературе: Е.В. Богданов, например, считает неизбежным использование расщепленной собственности применительно к правам членов кооператива и самого кооператива; В.П. Камышанский примером «разделенной собственности» считает право оперативного управления²³⁵.

Фидуциарность договора, предусматривающего передачу имущества должника в обеспечительную собственность кредитора, раскрывается в том, что

---

²³¹ О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ (ред. от 16 октября 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 02.11.1998. № 44. Ст. 5394.

²³² О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 22.04.1996. № 17. Ст. 1918.

²³³ Заем, кредит, факторинг, вклад и счет. С. 100.

²³⁴ Рыбалов А. *Dominium utile*. URL: https://zakon.ru/blog/2014/10/14/dominium_utilite (дата обращения: 22.03.2021).

²³⁵ Качанова В.В., Лескова Ю.Г. К вопросу о проблеме соотношения и взаимосвязи вещных и обязательственных прав // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1. С. 75.

кредитор получает имущество в собственность, что для гражданского оборота означает абсолютное право владеть, пользоваться и распоряжаться этим имуществом по своему усмотрению. Однако в силу содержания договора между таким кредитором и его должником правомочия кредитора как собственника ограничены. При этом действующее законодательство не содержит механизмов защиты прав должника, передавшего свое имущество в титульное обеспечение: в удовлетворении исковых требований должника о признании недействительной сделки по отчуждению обеспечивающего имущества кредитором в пользу третьего лица, являющегося добросовестным приобретателем, может быть отказано²³⁶ со ссылкой на постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П²³⁷, т. е. с применением механизма конвалидации сделки²³⁸.

Единственной гарантией защиты интересов стороны фидуциарного договора в России остается принцип надлежащего исполнения обязательств, который существует независимо от принципа сотрудничества. По этой причине принцип сотрудничества в фидуциарных сделках реализуется так же, как и в иных реляционных договорах.

Таким образом, принцип сотрудничества распространяет свое действие на все виды договорных обязательств, однако степень его реализации зависит от отнесения договора к категории дискретных либо реляционных.

Параграфом 2 главы 9 ГК РФ предусмотрена возможность признания

---

²³⁶ Например, судебной коллегией по гражданским делам Саратовского областного суда рассматривалось дело по иску должника, передавшего квартиру в собственность кредитора в обеспечение исполнения обязательств по договору займа, к новому собственнику квартиры, который приобрел ее у кредитора до наступления оснований к оставлению кредитором квартиры в своей собственности. В рамках данного дела ответчиком был заявлен довод о своей добросовестности, однако истцу удалось его опровергнуть: ответчик работал у кредитора и располагал сведениями об обстоятельствах предоставления займа (см. апелляционное определение Саратовского областного суда от 14 марта 2018 г. по делу № 33-1090/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1085096&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 20.03.2021)).

Полагаем, что при доказанности добросовестности приобретателя решение было бы противоположным, так как отечественное правовое регулирование не позволяет сформулировать презумпцию осведомленности приобретателя об обременении имущества титульным обеспечением.

²³⁷ По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева: постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

²³⁸ Ситуацию ограничения виндикации в пользу добросовестного приобретателя к случаям конвалидации сделок относит Т.П. Подшивалов (см. *Подшивалов Т.П.* Конвалидация сделки, совершенной добросовестным приобретателем // Современное право. 2013. № 2. С. 58).

сделок, в том числе договоров, недействительными. Отсюда возникает вопрос о том, реализуется ли в таком случае принцип сотрудничества? Полагаем, нет оснований отвечать на отрицательно: последствием недействительности сделки, по общему правилу, является двусторонняя реституция, предполагающая обязанность сторон вернуть друг другу все полученное по сделке (п. 2 ст. 167 ГК РФ). Отсюда следует, что принцип сотрудничества при недействительности договора реализуется так же, как если бы договор сохранил действительность с той лишь разницей, что правоотношение из недействительной сделки предполагает другую цель – восстановление сторон в первоначальное положение.

Поскольку договорное обязательство является относительным, а его субъекты располагают, по общему правилу, равными правами и обязанностями, что вытекает из принципа равенства (п. 1 ст. 2 ГК РФ), юридические императивы принципа сотрудничества будут одинаково применимы к любой из сторон договора.

Нормативным источником содержания юридических императивов принципа сотрудничества субъектов гражданского права для договорных правоотношения служит формулировка п. 3 ст. 307 ГК РФ – «взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства», – которая для целей правоприменения может быть истолкована с использованием метода расширительного толкования.

Система субимперативов будет выглядеть следующим образом.

В рамках группы деятельностного сотрудничества.

Императив № 1: мониторинг возможного наступления не предусмотренных содержанием правоотношения обстоятельств.

Субимператив для дискреционных договоров: *выявление факторов риска²³⁹ недостижения цели договора, связанных с объектом права, по поводу которого заключается договор (товара, работы, услуги и т.д.)²⁴⁰.*

---

²³⁹ То есть такого свойства обязательственного правоотношения, которое повышает вероятность наступления неблагоприятных последствий. В данном случае – недостижения цели договора.

²⁴⁰ Для упрощения текста в дальнейших рассуждениях мы будем именовать объект права, по поводу которого стороны заключают договор (товар, работа, услуги и т.д.) объектом договора.

В рамках субимператива стороны договора должны исследовать объект договора на предмет наличия факторов риска наступления обстоятельств, которые могут послужить причиной недостижения цели договора. Можно заметить, что данный субимператив предусматривает обязанность учитывать только характеристики объекта договора и не требует исследовать иные обстоятельства (личности контрагентов, экономическую, политическую ситуации и т.д.). Это обусловлено дискретностью договора, не предполагающего сложную и растянутую во времени процедуру исполнения²⁴¹.

Анализируемый субимператив закрепляет обязанность каждой стороны договора изучить объект договора и учесть выявленные особенности при его исполнении. Например, если между сторонами заключен договор купли-продажи скоропортящихся продуктов, они обязаны изучить информацию об условиях хранения данных товаров, иначе исполнение договора без учета этих особенностей приведет к порче товара, из-за чего цель договора (возмездная продажа готового к употреблению товара) не будет достигнута.

Субимператив для реляционных договоров: *выявление всех доступных факторов риска недостижения цели договора.*

Этот субимператив предполагает правило о том, что стороны договора должны проводить комплексную экспертизу *всех факторов риска*, которые могут стать причиной недостижения цели договора в будущем. В том числе связанных с личностью контрагента, экономической и политической обстановкой и т.д. Необходимость столь широкого исследования обстоятельств объясняется длительностью взаимодействия, а также большей доверительностью отношений.

На первый взгляд данный императив не основан на идее о взаимной поддержке и помощи сторон договора и предусматривает лишь защиту личных интересов участников договорного правоотношения. В действительности же

---

²⁴¹ Например, если стороны заключают договор купли-продажи металлопроката, по которому продавец в рамках обычной хозяйственной деятельности обязан отгрузить в день заключения договора определенное количество металлопроката, а покупатель в рамках своей обычной хозяйственной деятельности обязан уплатить цену товара, единственными факторами риска являются количество товара и его качество.

Полагаем, что в данном примере как покупателю, так и продавцу должно быть безразлично финансовое состояние друг друга, а также возможные будущие обстоятельства, поскольку они никаким образом при устраниении указанных двух факторов не смогут воспрепятствовать достижению цели договора.

ситуация складывается наоборот: выявление рисков способствует усилению слабых мест договора, что в итоге обеспечивает его надлежащее исполнение. Защищая себя, сторона помогает другой стороне достигнуть общей цели²⁴², что и служит проявлением сотрудничества.

Императив № 2: совершение превентивных действий.

Субимператив для дискреционных договоров: *совершение действий по устранению факторов риска недостижения цели договора, связанных с объектом договора.*

Субимператив является продолжением субимператива из содержания первого императива группы деятельностного сотрудничества. Если в рамках первого императива происходит выявление факторов риска, связанных с объектом договора, то в рамках настоящего субимператива сторонами совершаются действия по устранению таких факторов.

Например, в рассмотренном выше примере с договором купли-продажи скоропортящихся продуктов стороны договора должны обеспечить для хранения и транспортировки товара наличие необходимого холодильного оборудования.

Субимператив для реляционных договоров: *совершение действий по устранению всех доступных факторов риска недостижения цели договора.*

Данный субимператив также является продолжением соответствующего субимператива из состава первого императива группы деятельностного сотрудничества. В отличие от схожего императива в отношении дискретных договоров, в реляционных договорах стороны должны направлять усилия по устранению всех доступных для них факторов риска.

Например, при появлении у стороны договора обоснованных сомнений относительно финансовой устойчивости контрагента в течение времени, на которое приходятся сроки исполнения договора, сторона договора, выявившая такие обстоятельства, сообщает о выявленных рисках своему контрагенту, который в силу различных обстоятельств может и не отследить наличие

---

²⁴² В данных рассуждениях мы не берем в расчет случаи, когда сторона изначально вступает в договорное обязательство с целью его неисполнения. Такие ситуации должны быть квалифицированы с точки зрения правоохранительных норм.

соответствующей угрозы. В свою очередь сторона, получившая сведения о наличии риска, должна предпринять меры по его устранению. Например, она может прекратить совершать высокорискованные инвестиции, изменить политику реализации товаров и т.д.²⁴³.

Императив № 3: незамедлительное устранение обстоятельств, ставших препятствием для достижения цели правоотношения.

Субимператив: *пересмотр договора при невозможности достижения его цели на изначально предусмотренных условиях.*

Данный субимператив можно одинаково сформулировать как для дискретных, так и для реляционных договоров.

Императивы группы деятельностного сотрудничества направлены на устранение непредвиденных и соответственно не учтенных в содержании правоотношения обстоятельств. Это означает, что при наступлении таких обстоятельств в период существования договорного обязательства возможны два варианта событий: 1) прекращение правоотношения по причине невозможности достижения цели (например, на основании ст. 416 ГК РФ, либо по соглашению сторон, либо по ст. 451 ГК РФ в связи с существенным изменением обстоятельств); 2) пересмотр условий договора и внесение в его содержание изменений, позволяющих достигнуть цели договора с учетом возникших обстоятельств.

Принцип сотрудничества направлен на стимулирование осуществления прав и исполнение обязанностей на основе взаимного доверия и взаимопомощи с учетом контрагентами интересов друг друга. Следовательно, в рамках его содержания вариант с прекращением обязательства как приоритетный рассмотрен быть не может. По этой причине принцип сотрудничества предполагает

---

²⁴³ В данном месте неизбежно возникает вопрос о том, не будет ли субимператив нарушать принцип недопустимости кого-либо в частные дела. С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос может быть только отрицательный. Сторона договора вправе отказаться от осуществления действия, предложенного контрагентом в рамках рассматриваемого субимператива. При этом у контрагента не возникает права на понуждение к совершению соответствующих действий, так как это было бы уже нарушением принципа недопустимости вмешательства в частные дела. Вместе с тем в силу правила о том, что стороны договора действуют в своих интересах и, стало быть, несут ответственность за свои действия, в случае реализации риска и возникновения соответствующего спора, при прочих равных условиях защите должны подлежать интересы стороны, предпринявшей предусмотренные субимперативами принципа сотрудничества превентивные действия по устранению факторов риска.

необходимость, в первую очередь, обратиться к средствам реформирования правоотношения до адекватного возникшим обстоятельствам.

Императив № 4: компенсация расходов.

Субимператив: *справедливое распределение расходов, понесенных сторонами договора в связи с необходимостью проведения мероприятий, направленных на устранение обстоятельств, которые привели либо могли привести к невозможности достижения цели договора.*

Субимператив можно сформулировать как для дискретных, так и для реляционных договоров, поскольку в обоих случаях заслуживают одинакового внимания финансовые интересы сторон, имеющих полное право рассчитывать на справедливое распределение расходов, понесенных на общие цели.

Поскольку договорное обязательство предполагает равенство сторон, а сотрудничество – участие лиц «в общем деле», расходы должны быть распределены между сторонами в следующем порядке: 1) если договором предусмотрено условие о порядке распределения, оно осуществляется в соответствии с таким условием; 2) если договором порядок распределения расходов не предусмотрен, но имеется возможность установить долю участия каждого субъекта обязательства в проведении мероприятий по устранению непредвиденных обстоятельств, то распределение должно осуществляться пропорционально доле участия; 3) если договор условия о распределении не содержит и определить долю участия невозможно, то распределение должно осуществляться поровну.

При этом общее правило ст. 309.2 ГК РФ о том, что расходы на исполнение обязательства несет должник, применяться не должно, так как расходы на устранение непредвиденных препятствий не являются расходами на исполнение обязательства.

Говоря о возможности предусмотреть условие о распределении расходов в договоре, мы допускаем, что оно может быть сформулировано неявно. В частности, справедливым будет включение любых издержек, которые понесут стороны в ходе исполнения договора (в т.ч. издержек на устранение

непредвиденных препятствий), в состав цены договора. В этом случае договор может предусматривать условие о возмещении сторонами расходов (предполагается, что такие расходы уже возмещены выгодными для сторон договора условиями сделки).

Другой вопрос, который возникает в связи с рассматриваемым субимперативом, – это вопрос об обоснованности возмещаемых расходов.

Если принцип сотрудничества предполагает совершение сторонами договора активных действий, очевидным становится то, что такие действия могут совершаться оперативно, без предварительного согласования с другой стороной договора. В таком случае при наличии спора необходимо исходить из требований добросовестности: если расходы понесены явно необоснованно, в их возмещении должно быть отказано со ссылкой на статью 10 ГК РФ.

В рамках группы информационного сотрудничества.

Императив № 1: информирование участников гражданского оборота об известных существенных обстоятельствах, которые могут затронуть их интересы.

Данный императив может показаться очень специфическим для обязательственных правоотношений, являющихся относительными. Однако его существование не лишено смысла. Как отметил еще в XX в. В.К. Райхер, относительные права, определяя непосредственную правовую связь между конкретными субъектами, имеют опосредованную связь и с «прочими» лицами²⁴⁴.

В связи с этим данный императив, проникая в содержание обязательственных правоотношений, должен детализироваться в следующем **субимперативе**, одинаково верном как для дискретных, так и для реляционных договоров: *обеспечение субъектами обязательства осведомленности иных участников гражданского оборота об обстоятельствах, связанных с обязательством и способных оказать какое-либо воздействие на права и охраняемые законом интересы иных лиц.*

Данный субимператив может реализовываться как посредством публичного

---

²⁴⁴ Райхер В.К. Абсолютные и относительные права. (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. Т. 7. С. 144–204.

информирования (вывески, сообщения в средствах массовой информации, интернете и т.д.), так и посредством личного уведомления заинтересованных лиц²⁴⁵.

Императив № 2: предоставление информации, без которой эффективное осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны.

Субимператив: *предоставление информации, необходимой для исполнения договора.*

Данный субимператив, в отличие от раскрытого выше, распространяет свое действие только на стороны обязательства и имеет своей целью обеспечить исполнение договора.

Поскольку предоставление определенной информации будет иметь значение для исполнения как дискретных, так и реляционных договоров, субимператив может быть сформулирован единым образом для обеих групп договоров. При этом для исполнения реляционных договоров может требоваться больше информации, чем для дискретных.

Императив № 3: консультационное содействие.

Субимператив: *оказание стороне договора необходимых консультаций относительно обстоятельств, связанных с договором.*

Субимператив одинаково реализуем как в дискреционных, так и в реляционных договорах. В отличие от простого предоставления информации, необходимой для исполнения обязательства, оказание консультаций предполагает экспертную оценку стороной договора определенных обстоятельств. По этой причине для того, чтобы быть обязанным настоящим субимперативом, сторона договора должна быть компетентна в определенном вопросе.

Резюмируя изложенное:

1. Принцип сотрудничества субъектов гражданского права реализуется в договорных обязательствах в разной степени. В зависимости от объема

---

²⁴⁵ Например, как было отмечено в предыдущем параграфе, на стороны договора перевозки крупногабаритного груза может быть возложена обязанность уведомить в средствах массовой информации всех иных лиц о том, что по улицам города будет транспортироваться крупногабаритный груз. Это позволит снизить риск возникновения обязательств из причинения вреда.

Другим примером можно назвать обязанность сторон договора строительного подряда, предусматривающего проведение капитального ремонта в помещении многоквартирного дома, уведомить проживающих в доме лиц о проводимых работах.

требуемого сотрудничества все договоры можно подразделить на две группы: дискретные и реляционные.

2. Дискретные договоры предполагают разовое взаимодействие; их кауза определяется содержанием конкретного договора. В дискретных договорах требуется минимальный объем сотрудничества.

3. Реляционные договоры предполагают длительное взаимодействие, содержат «подразумеваемые» условия (дополнительные обязанности сторон). Кауза реляционного договора может охватывать содержание целой системы взаимосвязанных договоров. В реляционных договорах принцип сотрудничества реализуется наиболее полным образом.

4. Субимперативы группы деятельностного сотрудничества подразделяются на три вида: а) реализуемые в дискретных договорах; б) реализуемые в реляционных договорах; в) реализуемые и в дискретных, и в реляционных договорах.

5. Субимперативы группы деятельностного сотрудничества, реализуемые в дискретных договорах: а) выявление факторов риска недостижения цели договора, связанных с объектом договора; б) совершение действий по устранению факторов риска недостижения цели договора, связанных с объектом договора.

6. Субимперативы группы деятельностного сотрудничества, реализуемые в реляционных договорах: а) выявление всех доступных факторов риска недостижения цели договора; б) совершение действий по устранению всех доступных факторов риска недостижения цели договора.

7. Субимперативы группы деятельностного сотрудничества, реализуемые как в дискретных, так и в реляционных договорах: а) пересмотр договора при невозможности достижения его цели на изначально предусмотренных условиях; б) справедливое распределение расходов, понесенных сторонами договора в связи с необходимостью проведения мероприятий, направленных на устранение обстоятельств, которые привели либо могли привести к невозможности достижения цели договора.

8. Императивы группы информационного сотрудничества реализуются в

следующих субимперативах, одинаково справедливых как для дискретных, так и для реляционных договоров: а) обеспечение субъектами обязательства осведомленности иных участников гражданского оборота об обстоятельствах, связанных с обязательством и способных оказать какое-либо воздействие на права и охраняемые законом интересы иных лиц; б) предоставление информации, необходимой для исполнения договора; в) оказание стороне договора необходимых консультаций относительно обстоятельств, связанных с договором.

2.3. Реализация принципа сотрудничества субъектов внедоговорных обязательств

Система гражданско-правовых обязательств включает в себя, помимо договорных, еще целый ряд других видов. К их числу относятся внедоговорные обязательства (из причинения вреда, из неосновательного обогащения, преддоговорные²⁴⁶), а также обязательства из односторонних сделок, юридических поступков и событий²⁴⁷.

В связи с тем что принцип сотрудничества развивается из учения о социальном взаимодействии, его реализация возможна только в тех обязательствах, где имеется возможность хоть какого-то взаимодействия по модели сотрудничества. Обязательства из односторонних сделок, а также из юридических поступков и событий, как представляется нам, не опосредуют отношения субъектов гражданского права, которые можно было бы рассматривать как социальное взаимодействие в чистом виде. Несколько иная ситуация складывается во внедоговорных обязательствах из причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения, а также в преддоговорных правоотношениях.

Из ст. 1064 ГК РФ следует, что целью обязательств из причинения вреда является возмещение ущерба, т. е. восстановление нарушенного субъективного

---

²⁴⁶ Преддоговорные правоотношения мы рассматриваем как разновидность неимущественных обязательств, основанием возникновения которых служат иные, чем договор, юридические факты. Более подробно проблематика преддоговорных правоотношений будет изложена ниже.

²⁴⁷ Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019.

гражданского права потерпевшего лица²⁴⁸.

Тот же вывод справедлив и для обязательств вследствие неосновательного обогащения (кондикционных обязательств): п. 1 ст. 1102 ГК РФ предусматривает обязанность приобретателя вернуть потерпевшему неосновательно сбереженное или приобретенное имущество.

Реализация принципа сотрудничества в таких обязательствах должна приводить к более эффективному восстановлению нарушенного права потерпевшего.

Общим правилом является восстановление права путем выплаты потерпевшему денежного возмещения, исчисляемого из размера причиненного ущерба либо неосновательного обогащения. Так как принцип сотрудничества предполагает взаимные отношения сторон, реализация императивов данного принципа может осуществляться путем взаимодействия сторон правоотношения, выражающегося во взаимной помощи и направленного на обеспечение возможности максимально полного и быстрого восстановления нарушенного права.

Обязательства из причинения вреда традиционно рассматриваются как простые обязательства²⁴⁹, где существует строго определенный должник – лицо, причинившее вред (делинквент, причинитель вреда), и строго определенное односторонне-направленное содержание – совершение должником действий по возмещению ущерба. Полагаем, нет оснований не признавать наличие такой характеристики и у кондикционных обязательств.

Однако, в отличие от кондикционных, деликтные обязательства не всегда существуют в отрыве от иных, например страховых, правоотношений.

Как это следует из ст. 4 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации»²⁵⁰, объектами страхования могут быть имущественные

---

²⁴⁸ Кархалев Д.Н. Развитие законодательства о защите гражданских прав и охранительных правоотношений // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 9.

²⁴⁹ Шабунина И.С. Понятие и особенности возникновения обязательства вследствие причинения вреда: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. С. 22.

²⁵⁰ Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (ред. от 2 июля 2021 г.) // Российская газета. 12.01.1993. № 6.

интересы, связанные с причинением вреда здоровью граждан, риском утраты (гибели), недостачи или повреждения имущества, риском неполучения доходов, возникновения непредвиденных расходов. Отдельным видом страхования признается страхование гражданской ответственности.

Возникновение охранительного правоотношения из причинения вреда может служить основанием для возникновения у страховщика обязательства в рамках договора имущественного страхования (если потерпевший застраховал риск причинения вреда имуществу) либо договора страхования ответственности (если делинквент застраховал свою ответственность) по выплате страхового возмещения.

Выплата страхового возмещения приводит к восстановлению нарушенного права потерпевшего лица, что одновременно способствует достижению цели правоотношения из причинения вреда. В этой связи следует признать, что стороны правоотношения из причинения вреда могут более эффективно достигнуть своей цели, если будут сотрудничать друг с другом путем предоставления информации о наличии соответствующего договора страхования²⁵¹. Такая обязанность вытекает из информационного императива № 2 «Предоставление информации, без которой эффективное осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны». Детализирующий ее субимператив может быть сформулирован как «Предоставление информации о наличии договоров страхования, исполнение по которым может уменьшить размер подлежащего возмещению ущерба»²⁵².

В обязательствах вследствие неосновательного обогащения реализация информационных императивов принципа сотрудничества, на данном этапе развития правовой науки, не прослеживается. Это объясняется простым

---

²⁵¹ Схожая проблема обсуждается и в доктрине права США: см. *Giles N.J. Rethinking the cooperation clause in standard liability insurance contracts*. P. 585–621.

²⁵² Спорным является вопрос о том, обязан ли потерпевший сначала обратиться за получением страхового возмещения и уже в оставшейся не покрытой страховкой части ущерба вправе требовать возмещения со стороны причинителя вреда. С нашей точки зрения, неиспользование возможности получить возмещение от страховой компании с последующим предъявлением требования о взыскании ущерба в полном объеме с причинителя вреда требует исследования мотивов потерпевшего и при отсутствии разумных оснований должно быть квалифицировано как злоупотребление правом.

характером обязательства, не позволяющим допустить большого объема взаимодействия сторон правоотношения, а также отсутствием как в теории, так и не практике конструкций, аналогичных конструкции страхования ответственности за причинение вреда.

Однако на стороны обязательства вследствие неосновательного обогащения, как и на стороны обязательства из причинения вреда, могут накладываться обязанности, вытекающие из группы императивов деятельностного сотрудничества. В силу ст. 1083 ГК РФ не подлежит возмещению вред, возникший вследствие умысла потерпевшего. Если же возникновению или увеличению вреда содействовала грубая неосторожность, в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда размер возмещения должен быть уменьшен. Данное правило является санкцией по отношению к обязанности по принятию мер по предотвращению увеличения вреда. Пунктом 2 ст. 1102 ГК РФ предусмотрена обязанность приобретателя неосновательного обогащения возратить его в полном объеме независимо от наличия вины.

Увеличение вреда в деликтных обязательствах есть частный случай последствий возникновения обстоятельств, не предусмотренных содержанием правоотношения и приводящих к недостижению цели правоотношения. Это объясняется следующей цепочкой рассуждений: 1) цель обязательства из причинения вреда – возмещение потерпевшему причиненного ущерба, т. е. восстановление его имущественного права; 2) размер ущерба определяется на момент совершения правонарушения; 3) любые обстоятельства, которые приводят к увеличению ущерба, делают невозможным восстановление нарушенного права потерпевшего, т. е. достижение цели обязательства, так как причинитель вреда в любом случае будет обязан возместить лишь причиненный им вред с учетом степени вины потерпевшего и его поведения после совершения правонарушения; 4) если итоговый размер ущерба окажется больше, чем размер ущерба, подлежащего возмещению, цель правоотношения достигнута не будет. Учитывая это, в содержании обязательства из причинения вреда обнаруживается

субимператив, концентрирующий содержание императивов деятельностного сотрудничества. Он формулируется как «Принятие мер по предотвращению увеличения вреда» и предполагает, что после совершения правонарушения причинитель вреда обязан не просто возместить ущерб, но и побеспокоиться об интересах потерпевшего, совершить действия по предотвращению увеличения причиненного потерпевшему вреда. В свою очередь потерпевший, несмотря на то что в отношении него совершено правонарушение, также должен предпринять меры по минимизации вреда.

Увеличение размера обогащения после обнаружения отсутствия у приобретателя правовых оснований для его получения, в том числе в результате действий потерпевшего либо помимо воли сторон правоотношения, так же служит препятствием для достижения цели правоотношения. Поэтому стороны кондикционного обязательства должны оказывать друг другу содействие, вытекающее из субимператива «Принятие мер по предотвращению увеличения неосновательного обогащения» из состава группы деятельностного сотрудничества.

Таким образом, в обязательствах из причинения вреда принцип сотрудничества реализуется в двух субимперативах: 1) предоставление информации о наличии договоров страхования, исполнение по которым может уменьшить размер подлежащего возмещению ущерба (информационное сотрудничество); 2) принятие мер по предотвращению увеличения вреда (деятельностное сотрудничество).

В обязательствах вследствие неосновательного обогащения принцип сотрудничества реализуется в субимперативе группы деятельностного сотрудничества «Принятие мер по предотвращению увеличения неосновательного обогащения».

Следующий вид внедоговорных обязательств – преддоговорное правоотношение – в литературе предлагается определять как урегулированное правом общественное отношение, целью которого является подготовка к возникновению в будущем другого правоотношения – гражданско-правового

договора²⁵³. Полагаем возможным с этим определением согласиться.

Внедоговорный характер преддоговорного правоотношения определяется юридическим фактом, являющимся основанием для его возникновения. Если для договорного обязательства – это договор; для обязательств из односторонних сделок – это односторонняя сделка; для обязательства из юридических поступков и событий – соответствующие поступки и события; то для преддоговорных правоотношений – это либо вступление в переговоры о заключении договора²⁵⁴, либо момент, когда поведение сторон, вступивших в переговоры, явно свидетельствует о намерении заключить договор или вести переговоры о его заключении (направление предложения делать оферты, подписание промежуточных протоколов, соглашений и меморандумов, осуществление согласованных расходов на подготовку к будущему договору, парафирование согласованного текста договора и т.п.)²⁵⁵.

Рассмотрение преддоговорных правоотношений как разновидности внедоговорных обязательств оправдывается тем, что преддоговорное правоотношение по содержанию является обязательственным, поскольку соответствует закрепленному в п. 1 ст. 307 ГК РФ определению обязательства. По назначению преддоговорное правоотношение является организационным, т. е. направленным на создание другого – организуемого – правоотношения, которым в этом случае будет выступать заключаемый посредством переговоров договор²⁵⁶.

Относя организационные, т. е. неимущественные, преддоговорные правоотношения к категории обязательств, мы соглашаемся с существованием самостоятельной группы обязательств, не опосредующих товарооборот (неимущественных обязательств). Такая точка зрения не является

---

²⁵³ Богданов В.В. Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8–9.

²⁵⁴ Гнищевич К.В. Преддоговорная ответственность в гражданском праве (culpa in contrahendo): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 22.

²⁵⁵ Богданов В.В. Указ. соч. С. 9.

²⁵⁶ Признание преддоговорных правоотношений организационными можно считать устоявшейся точкой зрения. Об этом см. Гнищевич К.В. Указ. соч. С. 11; Шполтаков О.В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 9; Егорова М.А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 18.

общепризнанной, поэтому требует пояснения.

В правовой литературе высказывается два мнения относительно природы обязательства. В известном учебнике по гражданскому праву отмечается, что одним из основных признаков обязательства²⁵⁷ является его функция: обеспечение динамики имущественного оборота²⁵⁸. Такое понимание можно назвать классическим. Оно пришло в современную цивилистику из римского права, придерживавшегося общего принципа: «только то может быть предметом обязательства, что может быть выплачено деньгами»²⁵⁹. Данная идея развита в работах Д.И. Мейера²⁶⁰, В.О. Голевинского²⁶¹, Г.Ф. Шершеневича²⁶², М.М. Агаркова²⁶³, О.С. Иоффе²⁶⁴, С.Н. Братуся²⁶⁵ и др.²⁶⁶.

Основными аргументами сторонников этого подхода являются: 1) отсутствие возможности принудительного исполнения неимущественного обязательства, не обладающего имущественной санкцией, и 2) обращение неимущественного обязательства к личности должника, а не к его имуществу, что приводит к ограничению его правоспособности²⁶⁷.

Представители отмеченной точки зрения считают, что правоотношения, не являющиеся собственно обязательственными, т. е. не опосредующие товарооборот (например, предварительные договоры), «непосредственно обслуживают имущественный оборот, неотделимы от него и не имеют самостоятельного значения»²⁶⁸.

²⁵⁷ Для обеспечения методологической точности исследования мы соглашаемся с В.А. Беловым о тождественности терминов «обязательство» и «обязательственное правоотношение» (см. *Белов В.А. Обязательственное право*. С. 8, 11).

²⁵⁸ *Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов*. С. 29.

²⁵⁹ *Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права*. Пг.: Изд. юрид. кн. склада «ПРАВО». 1917. С. 114.

²⁶⁰ *Мейер Д.И. Русское гражданское право*. в 2 ч.: по испр. и доп. 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2. С. 126.

²⁶¹ *Голевинский В.О. О происхождении и делении обязательств*. Варшава, 1872. С. 2–3.

²⁶² *Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права*. По изданию 1907 г. М.: Спарк, 1995. С. 267–269.

²⁶³ *Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву*. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. С. 33–41.

²⁶⁴ *Иоффе О.С. Обязательственное право*. С. 15–16.

²⁶⁵ *Братусь С.Г. Указ. соч.* С. 72–73.

²⁶⁶ Подробнее см. *Воронина Е.И. Неимущественные обязательства в гражданском праве России // Вестник ТвГУ. Серия «Право»*. 2012. Вып. 32. С. 316–327.

²⁶⁷ *Шполтаков О.В. Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2016. С. 24–25.

²⁶⁸ *Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов*. С. 26.

Последнее утверждение, особенно с приведением в качестве примера предварительного договора, спорно. Чтобы в этом убедиться, необходимо понять экономическую функцию данной договорной конструкции, являющейся типичным примером организационного договора²⁶⁹, ответив на вопрос о том, почему стороны предварительного договора не могут сразу заключить основной договор, например, с условием об оплате в кредит (ст. 488 ГК РФ) или с условием о сохранении права собственности за продавцом до оплаты (ст. 491 ГК РФ), либо же с отменительными условиями или заключить опционный договор?

По всей видимости, это объясняется тем, что предварительный договор предоставляет сторонам несколько большие возможности, чем просто гарантирование заключения основного договора²⁷⁰. Думается, что, заключая предварительный договор купли-продажи недвижимого имущества, стороны могут заранее предполагать возможность того, что основной договор все-таки не будет заключен (это объясняет выбор именно модели предварительного договора, а не опционного договора или основного договора). Мотивом такого подхода может служить стремление покупателя остановить процедуру продажи имущества, чтобы получить время на осмотр альтернативных объектов и не утратить при этом возможность купить объект, в отношении которого заключается предварительный договор. Для продавца такая конструкция может быть выгодна тем, что предварительный договор может предусматривать вознаграждение продавца в случае одностороннего отказа покупателя от исполнения предварительного договора (плату за выход из договора).

Отечественному правопорядку известны и другие примеры организационных обязательств. Е.В. Козлова предлагает относить к их числу корпоративные договоры, в том числе о создании акционерного общества и об учреждении общества с ограниченной ответственностью; рамочные договоры; предварительные договоры, а также видовые договоры, к которым можно отнести

---

²⁶⁹ Гонгало Б.М. Экономика и гражданское право // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 66.

²⁷⁰ Н.В. Кузнецова, например, допускает существование конструкции предварительного договора, предусматривающего необязательность заключения основного договора для одной из сторон (см. Кузнецова Н.В. Обязательные основания заключения гражданско-правовых договоров // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. ст. 2017. С. 245).

договор простого товарищества, договор поручения и т.д.²⁷¹. С.Ю. Морозов считает организационными обязательства из договора организации перевозки грузов, учредительный договор, договор простого товарищества, государственный контракт на поставку для государственных и муниципальных нужд, договоры между транспортными организациями²⁷².

Альтернативой классическому подходу является признание самостоятельного значения неимущественных обязательств. Одним из его инициаторов был немецкий ученый Рудольф фон Иеринг. Его суть заключается в том, что действия неимущественного характера тоже могут быть предметом обязательства, что подтверждается наличием в пределах гражданского права «областей неимущественного характера – прежде всего личных семейных отношений»²⁷³.

Отказ от признания за организационными правоотношениями характера обязательств создает искусственную проблему квалификации преддоговорных правоотношений. Данные правоотношения невозможно отнести к договорным, так как отсутствует соответствующий юридический факт (договор). Одновременно с этим в отечественной доктрине отсутствует учение о существующих за пределами обязательства самостоятельных организационных правоотношениях *sui generis*²⁷⁴. По этой причине, преддоговорные правоотношения проще рассматривать как разновидность внедоговорных организационных (неимущественных) обязательств.

Правовой науке известны две основных процедуры заключения договора: 1) классическая с использованием акцепта и оферты и 2) заключение договора посредством переговоров. Помимо основных существуют еще специальные процедуры: заключение договора на торгах, заключение публичного договора, с

---

²⁷¹ Козлова Е.В. Организационные договоры: понятие и классификация // Законы России: опыт анализ, практика. 2011. № 5. С. 3–9.

²⁷² Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

²⁷³ Покровский И.А. Указ. соч. С. 115.

²⁷⁴ Организационные правоотношения всегда рассматриваются в контексте обязательств: либо как самостоятельные неимущественные обязательства, либо как тесно связанные с обязательствами и потому не самостоятельные правоотношения (см. Воронина Е.И. Указ. соч.).

помощью электронных сетей, с использованием писем о подтверждении и т.д.²⁷⁵.

К специальным процедурам в рамках настоящей работы мы не обращаемся, поскольку они существуют либо для какой-то определенной цели (например, торги) и регулируются в императивном порядке специальным законодательством, либо представляют собой частный случай договорного обязательства (например, предварительный договор, рамочный договор и т.д.).

В рамках классической процедуры принцип сотрудничества нереализуем. Причиной является то, что он определяет характер осуществления прав и исполнения обязанностей, уже существующих в рамках какого-то правоотношения. В классической процедуре наличие такового мы установить не можем: оферта является лишь односторонним предложением оферента, а акцепт – простым ответом о принятии предложения. Договор при таком способе считается заключенным с момента принятия акцепта (п. 1 ст. 433 ГК РФ). Как видно, до надлежащего акцепта стороны классических преддоговорных отношений не связаны преддоговорным правоотношением и могут действовать, исходя из своих личных целей, не учитывая интересы отсутствующего пока контрагента.

Совсем иная ситуация наблюдается в процедуре заключения договоров посредством переговоров. Переговоры – более гибкий и неформальный способ. Его ключевым достоинством является то, что при таком способе между субъектами гражданского права (сторонами переговоров) еще до заключения договора может возникнуть особое правоотношение, что приводит к состоянию связанности субъектов друг с другом. Последнее обстоятельство повышает степень обеспеченности интересов участников переговоров и в то же время налагает на них дополнительную ответственность за благополучие контрагента. Поэтому основная норма, регулирующая порядок ведения переговоров, как в отечественном (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ), так и в зарубежных правовых порядках²⁷⁶,

---

²⁷⁵ Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. С. 80.

²⁷⁶ См., например, *Schwenzer I., Hachem P., Kee C.* Global Sales and contract law. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2012; *Yildirim A.E.* The concept of pre-contractual duties and a comparison between The Draft Common Frame of Reference, English and Turkish legal systems // *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*. 2017. No. 16(2). P. 171–198; *Schwartz A., Scott R.E.* Precontractual liability and preliminary agreements // *Harvard Law Review*. Vol. 120. 2007. No. 3. P. 668–673.

определяет, что стороны переговоров обязаны действовать добросовестно.

Авторы компаративного исследования преддоговорной ответственности в странах англо-саксонской и романо-германской правовых семей И. Швенцер, П. Хачем и К. Ки отмечают, что во всех правовых системах, в которых закреплен принцип добросовестности, признается, что при ведении переговоров стороны принимают на себя определенную степень ответственности за защиту законных интересов другой стороны. В рамках преддоговорных правоотношений авторы формулируют три группы обязанностей, содержательно раскрывающих принцип добросовестности применительно к переговорам: 1) информационные обязанности; 2) требование честного поведения и 3) требование по сохранению конфиденциальности информации²⁷⁷.

Отечественное правовое регулирование в целом соответствует общемировым тенденциям, что видно из содержания ст. 434.1 ГК РФ, предусматривающей те же группы обязанностей.

Информационные обязанности мы наблюдаем в п. 2 ст. 434.1 ГК РФ. Они включают в себя обязанность предоставлять другой стороне полную и достоверную информацию, не умалчивать об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны. Раскрытию в обязательном порядке подлежат сведения о предмете, природе сделки, лице, с которым сторона вступает в сделку, иная информация, «существенность которой предполагается с учетом конкретных обстоятельств заключения договора»²⁷⁸.

Требование честного поведения²⁷⁹ предполагает запрет на вступление в переговоры при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ), а также обязывает прекращать переговоры только при наличии достаточных и обоснованных оснований с совершением при этом всех действий,

---

²⁷⁷ *Schwenzer I., Hachem P., Kee C. Op. cit.*

²⁷⁸ *Боярский Д.А.* Применение правил о добросовестном ведении переговоров к заключению договора на торгах // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 2. С. 60.

²⁷⁹ Честное поведение предполагает открытое отношение к контрагенту. Внезапное и неоправданное прерывание переговоров, если контрагент действительно полагался на то, что договор все же будет заключен, свидетельствует о нарушении обязанности вести переговоры в открытую.

необходимых для обеспечения сохранения имущественного интереса второй стороны переговоров (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ).

А.В. Демкина считает, что добросовестность стороны переговоров означает запрет на извлечение выгоды из незнания и неопытности контрагента²⁸⁰. Это соответствует пониманию значения добросовестности для преддоговорного правоотношения, сформулированному в работе И. Швенцера, П. Хачема и К. Ки и позволяет дополнить содержание группы обязанностей по честному поведению требованием устранять незнание и компенсировать неопытность контрагента, даже если они имеют место по вине самого контрагента.

Обязанность по сохранению конфиденциальной информации закреплена в п. 4 ст. 434.1 ГК РФ и предполагает запрет раскрывать третьим лицам и использовать ненадлежащим образом для своих целей конфиденциальную информацию, которая передана стороне переговоров другой стороной в качестве конфиденциальной.

Как видно, содержание преддоговорных правоотношений целиком охватывается принципом добросовестности, нарушение которого, т. е. заведомо недобросовестное поведение стороны переговоров, служит основанием для наступления преддоговорной ответственности²⁸¹, хоть и имеющей в силу п. 8 ст. 434.1 ГК РФ деликтную природу, но не предполагающую презумпции вины причинителя вреда²⁸², т. е. получившей несколько иное, чем обязательства из причинения вреда, правовое регулирование.

Из этого следует, что преддоговорные правоотношения регулируются непосредственно императивами принципа добросовестности, одним из которых является принцип сотрудничества субъектов гражданского права.

При этом если вспомнить, что сотрудничество предполагает достижение общей для сторон взаимодействия цели, а переговоры являются одним из наиболее ярких примером взаимодействия, направленного на достижение

---

²⁸⁰ Демкина А.В. Добросовестное и недобросовестное поведение на преддоговорном этапе // Имущественные отношения в РФ. 2016. № 4. С. 7.

²⁸¹ Подшивалов Т.П. Принципы гражданского права и их реализация. М.: Проспект, 2017. С. 208.

²⁸² Анчишина Е.А. Презумпции в современном праве: понятие и правовое значение // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2021. Т. 31. № 1. С. 78.

подлинно общей цели (заключения договора), очевидным становится и то, что принцип сотрудничества может быть рассмотрен как основной императив добросовестности для определения правил ведения переговоров. Это объясняет отсутствие в законе позитивных норм, регулирующих преддоговорные отношения и вытекающих при этом из содержания иных, кроме добросовестности, принципов права, что свойственно другим видам гражданско-правовых отношений²⁸³.

Поскольку отличительной особенностью преддоговорных отношений является то, что их правовое регулирование осуществляется напрямую юридическими императивами принципа добросовестности, одним из которых является принцип сотрудничества субъектов гражданского права, юридические императивы последнего не требуют детализации в виде субимперативов для их адекватного применения к процедуре переговоров и могут применяться непосредственно.

Юридические императивы группы информационного сотрудничества будут действовать на протяжении всего существования преддоговорного правоотношения в соответствии с их предназначением – созданием для сторон обязательства состояния информационной обеспеченности.

Для целей же применения императивов деятельностного сотрудничества препятствием, на устранение которого должна быть направлена реализация принципа сотрудничества, должно признаваться любое обстоятельство, которое стороны переговоров воспримут в качестве такового, поскольку специфика преддоговорных правоотношений, находящихся на стыке между не урегулированными правом отношениями и договорными обязательствами, не позволяет даже приблизительно сформулировать перечень обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели переговоров.

Резюмируя изложенное:

1. Принцип сотрудничества реализуется во внедоговорных обязательствах

---

²⁸³ Например, норма п. 1 ст. 396 ГК РФ, регулирующая ответственность за нарушение исполнения договорного обязательства, находится в содержании принципа реального исполнения обязательств, а нормы ст. 408 ГК РФ – в содержании принципа надлежащего исполнения обязательств.

из причинения вреда, вследствие неосновательного обогащения и в преддоговорных правоотношениях.

2. В обязательствах из причинения вреда юридические императивы конкретизируются в двух субимперативах: а) предоставление информации о наличии договоров страхования, исполнение по которым может уменьшить размер подлежащего возмещению ущерба (информационное сотрудничество); б) принятие мер по предотвращению увеличения вреда (деятельностное сотрудничество).

3. В обязательствах вследствие неосновательного обогащения принцип сотрудничества реализуется в субимперативе «Принятие мер по предотвращению увеличения неосновательного обогащения», существующем в рамках группы деятельностного сотрудничества.

4. В преддоговорных правоотношениях императивы принципа сотрудничества реализуются непосредственно и не требуют детализации через субимперативы. Это объясняется тем, что преддоговорные обязательства не осложнены договоренностями сторон, а их правовое регулирование осуществляется напрямую юридическими императивами принципа добросовестности, ключевым из которых для преддоговорных правоотношений является принцип сотрудничества субъектов гражданского права.

2.4. Реализация принципа сотрудничества субъектов вещных правоотношений

По мнению многих современных авторов, принцип сотрудничества неприменим к вещным правоотношениям²⁸⁴. П.В. Панченко отмечает, что причина этого заключается в особенностях содержания абсолютного вещного правоотношения, где, по мнению автора, «сотрудничество между управомоченным лицом и обязанными лицами не предполагается»²⁸⁵.

Как представляется нам, возможность реализации принципа сотрудничества

---

²⁸⁴ См., например, *Захаркина А.В.* Указ. соч. С. 131; *Панченко П.В.* Указ. соч. С. 80–81.

²⁸⁵ *Панченко П.В.* Там же.

в вещных правоотношениях не столь безосновательна. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к нормативно-правовым актам и научным работам советского периода²⁸⁶. Если положения советского гражданского права покажутся не иллюстративными для современной цивилистики, тогда можно изучить нормы действующего законодательства, которое не только допускает возможность распространения императивов принципа сотрудничества на вещные правоотношения, но и непосредственно закрепляет их. Это мы наблюдаем при прочтении п. 1 ст. 227 ГК РФ, предусматривающего обязанность нашедшего чужую вещь немедленно уведомить об этом либо потерявшего вещь, либо собственника вещи, либо кого-либо другого из известных лиц, имеющих право получить вещь, а также возвратить найденную вещь этому лицу.

Бесспорно, что потеря вещи является юридическим фактом (событием). Однако невозможно согласиться с тем, что такой юридический факт служит основанием возникновения какого-либо оригинального правоотношения по поводу находки. Само по себе правило, предусматривающее обязанность нашедшего вещь вернуть ее управомоченному лицу, подразумевает, что потеря вещи не прекращает вещного правоотношения. Следовательно, лицо, нашедшее чужую вещь, продолжает находиться в статусе обязанного субъекта абсолютного вещного правоотношения, существующего между управомоченным лицом (которому вещь должна быть возвращена) и всеми иными лицами, обязанными не нарушать вещное право. Говорить о возникновении в связи с находкой самостоятельного относительного правоотношения тоже вряд ли уместно: лицо, нашедшее чужую вещь, как правило, не знает и не может знать личности управомоченного на получение вещи лица, как и управомоченное лицо, потеряв вещь, не может знать о том, что она была кем-то найдена. Иными словами, в рассматриваемом примере отсутствует признак достаточной определенности субъектного состава и содержания отношений между управомоченным лицом и лицом, нашедшим чужую вещь.

Если вещное правоотношение определяет принадлежность вещи

---

²⁸⁶ См., например, *Новицкий И.Б.* Солидарность интересов в советском гражданском праве. С. 21–43.

определенному лицу, логичным является предположение о том, что его ординарное развитие предполагает только такую модель, когда управомоченное лицо обладает вещью, а все иные лица не вмешиваются в его дела и не препятствуют ему делать с вещью все, что угодно, если это только не выходит за пределы осуществления прав.

Предполагается ли на момент возникновения правоотношения, что управомоченное лицо потеряет вещь в будущем? Представляется, что нет, ведь потеря вещи – это событие случайное и не зависящее от воли субъектов вещного правоотношения. Если вещь выбывает из владения управомоченного лица по его воле, такое выбытие должно быть квалифицировано как распоряжение вещью, а не потеря. Если же вещь выбыла из владения не по воле управомоченного лица, но по воле любого обязанного субъекта, которое, например, решило ее украсть, то такое выбытие следует признать основанием для возникновения у управомоченного лица права на защиту, являющегося самостоятельным субъективным правом²⁸⁷.

В таком случае потеря как случайная утрата обладателем вещного права владения вещью раскрывается через две черты: во-первых, последствия, связанные с ней, изначально не предусмотрены содержанием вещного правоотношения; во-вторых, факт потери вещи служит объективным (т. е. не зависящим от воли субъектов правоотношения) препятствием для достижения цели правоотношения (обеспечить принадлежность вещи обладателю права) и при этом не сопровождается нарушением права управомоченного лица, так как отсутствует событие правонарушения.

Описанные черты демонстрируют в содержании нормы о находке все признаки деятельностного сотрудничества, т. е. совершения субъектами правоотношения действий по устранению заранее непредвиденных препятствий к достижению его цели.

Аналогичным по содержанию примером следует признать норму п. 3 ст. 230 ГК РФ, предусматривающую обязанность задержавшего безнадзорный или

---

²⁸⁷ Богданова Е.Е. Понятие и содержание права кредитора на защиту // Lex Russica. 2018. № 2 (135). С. 59.

пригульный скот или других безнадзорных домашних животных надлежало содержать их и при наличии вины отвечать за их гибель и порчу в пределах их стоимости.

Для более глубокого понимания потенциала императивов принципа сотрудничества для вещных правоотношений необходимо все же рассмотреть, как данный принцип реализовывался в иных политико-правовых условиях, а именно в Советской России, где концепция сотрудничества впервые получила свое широкое распространение.

Генеральной идеей советского государства был отказ от частной собственности в пользу более обобществленных форм с учетом общего представления о том, что только коллективное благо способно привести члена общества к личному благосостоянию. В результате в статьях 5–7 и 10 Конституции СССР 1936 г.²⁸⁸ нашли свое отражение три формы собственности: 1) государственная; 2) кооперативно-колхозная; 3) личная собственность граждан (право на долю продукта общественного труда, которую работник социалистического общества получает за свой труд²⁸⁹).

В государственной собственности находилась земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия, а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах (ст. 6).

Кооперативно-колхозной собственностью признавались общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях, производимая ими продукция, их общественные постройки (ст. 7). Земля, занимаемая колхозами, будучи государственной собственностью, предоставлялась колхозам в бесплатное бессрочное пользование (ст. 8).

В личной собственности граждан могли находиться жилой дом, трудовые

---

²⁸⁸ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936 (документ утратил силу).

²⁸⁹ Венедиктов А.В. Об основных проблемах советского гражданского права // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 11. С. 116.

доходы и сбережения, подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, предметы личного потребления и удобства. Допускалось наследование личной собственности (ст. 10).

Данные формы собственности не были обособлены друг от друга, что отличало их от современных форм собственности. В их соотношении выражалось правильное, с точки зрения того времени, сочетание общественных и личных интересов. Социалистическая собственность (государственная и колхозно-кооперативная) обеспечивала собственность личную, в то же время личной собственностью нельзя было пользоваться во вред интересам социалистической. Причиной такого понимания служило представление о том, что личные интересы должны сочетаться с общественными.²⁹⁰ Реализация этой идеи осуществлялась средствами принципа солидарности интересов, заключавшегося в идее о том, что право личной собственности может осуществляться не иначе, как с учетом интересов других лиц и всего общества²⁹¹.

И.Б. Новицкий называл следующие примеры реализации принципа солидарности интересов в советском праве:

1) возможность принудительного, но возмездного изъятия у гражданина жилого дома в том случае, если гражданин допускает бесхозяйственное обращение с данным имуществом, чем ставит под угрозу обеспеченность общества надлежащим объемом жилищного фонда;²⁹²

²⁹⁰ Новицкий И.Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. С. 24–25.

²⁹¹ Там же. С. 38.

²⁹² Там же. С. 39–40. С точки зрения современного понимания собственности, такой мотив спорен, так как нахождение жилого помещения в собственности гражданина на состав государственного жилищного фонда не влияет. В этом отношении принудительное изъятие можно рассматривать как вмешательство государства в частные дела. Однако для социалистического государства такое регулирование было приемлемым, что объясняется зависимым положением личной собственности от социалистической. В этом отношении представляется излишней предусмотренная ч. 4 ст. 30 Жилищного кодекса РФ обязанность собственника *любого* жилого помещения поддерживать жилое помещение в надлежащем состоянии. Такая обязанность с учетом приведенных в настоящем примечании пояснений может быть обоснована только тогда, когда неисполнение обязанности по поддержанию жилого помещения в надлежащем состоянии может нарушить интересы иных лиц. Представляется, что именно такого подхода придерживается и Конституционный Суд РФ в определении от 29 мая 2018 г. № 1172-О: «Оспариваемые положения статьи 30 Жилищного кодекса ... основаны на положениях гражданского законодательства о бремени содержания собственником своего имущества, направлены на поддержание дома и помещений в нем в состоянии, соответствующем санитарным и техническим требованиям, *отвечают общим интересам собственников помещений...*»). Например, разрушение квартиры может привести к повреждению общего имущества многоквартирного дома и других квартир. В то же время разрушение отдельно стоящего жилого дома вряд ли может навредить кому-либо, кроме собственника, членов его семьи и тех, кто пользуется домом на законном основании. Права последних, с нашей точки зрения, должны защищаться в рамках

2) возможность принудительного изъятия у собственника культурных ценностей, если собственник бесхозяйственно с ними обращается²⁹³;

3) запрет виндикации вещи от добросовестного приобретателя, не распространяющийся на случаи, когда собственником вещи является государство²⁹⁴;

4) ограничение свободы завещания, не допускающее завещание имущества при наличии наследников по закону, за исключением завещания имущества государству. При этом в последнем случае наследодатель был обязан обеспечить несовершеннолетних детей, а также нетрудоспособных наследников по закону обязательной долей²⁹⁵;

5) право завещателя возложить на наследников исполнение какой-либо общественно полезной обязанности, требовать исполнения которой могли как наследники, так и заинтересованные государственные органы, включая прокуратуру, а также общественные организации. При этом если исполнить указанную наследодателем обязанность оказывалось невозможно, завещанное имущество могло быть использовано для другой общественно полезной цели²⁹⁶.

В конце XX в. в результате смены политико-экономических условий российское государство отказалось от развития по пути социализма, направив усилия на построение открытой и конкурентной рыночной экономики. Однако идея солидарности в праве собственности не утратила своей актуальности и реализуемости.

Если в социалистическом государстве идея общественной солидарности (принципа сотрудничества в его социалистическом понимании) имела целью обеспечение направленности действий субъектов права на достижение всеобщего

относительных (жилищных, договорных и др.) правоотношений с собственником, а не через обременение собственника безусловной обязанностью заботиться о своем имуществе.

²⁹³ Новицкий И.Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. С. 40. Схожее правило содержится и в действующем законодательстве: в ст. 240 ГК РФ, предусматривающей право государства в судебном порядке изъять у собственника бесхозяйственно содержащиеся культурные ценности путем выкупа или продажи с публичных торгов.

²⁹⁴ Новицкий И.Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. С. 41–42. В этом положении мы вновь наблюдаем свойственную социалистическому государству иерархию форм собственности, где государственная собственность ставится выше всех остальных форм.

²⁹⁵ Там же. С. 42–43.

²⁹⁶ Там же С. 43–44.

(общественного) блага, то в современном российском правовом порядке принцип сотрудничества в вещных правоотношениях обеспечивает незыблемость права собственности и иных вещных прав (независимо от формы собственности) и усиливает бремя содержания собственности в интересах общества.

Другими словами, в социалистическом обществе принцип сотрудничества в отношениях собственности работает по схеме «субъект права уважает права на вещи других собственников и ведет себя соответствующим образом, допуская отказ от собственных интересов в пользу общественных», а в капиталистическом так: «субъект права уважает права на вещь другого лица и оказывает ему посильную и необходимую помощь в осуществлении права на вещь с тем, чтобы обеспечить всеобщее уважение прав на вещи всеми членами общества²⁹⁷». Эта идея следует из сформулированного И. Кантом понимания свободы как возможности самостоятельно определять собственные цели без вмешательства других лиц²⁹⁸.

Таким образом, принцип сотрудничества субъектов гражданского права в вещных правоотношениях представляет собой идею о том, что обладатель вещного права осуществляет свое право на вещь таким образом, чтобы это не нарушало интересов обязанных лиц, а обязанные лица обеспечивают своим поведением (как пассивным, так и активным) возможность реализации обладателем вещного права его правомочий по отношению к вещи, чтобы обеспечить всеобщее признание вещных прав на основе взаимопомощи и взаимного доверия.

Реализуется принцип сотрудничества в вещных правоотношениях также через две группы императивов: деятельностного сотрудничества и информационного сотрудничества.

Действие императивов и субимперативов группы деятельностного

---

²⁹⁷ Более тривиальная формулировка: «каждый должен уважать вещное право каждого».

Е.Е. Богданова и А.Ф. Пьянкова, рассматривая реализацию идеи баланса интересов в абсолютных правоотношениях, удачно отмечают, что противостояние обладателю права неограниченного круга субъектов, обязанных не нарушать право «превращает проблему обеспечения баланса интересов в таких правоотношениях в проблему соотношения интересов правообладателя и иных участников оборота» (см. *Богданова Е.Е., Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов как метод цивилистического исследования // *Методологические проблемы цивилистических исследований.* 2019. № 1. С. 139).

²⁹⁸ *Третьяков С.В.* Указ. соч. С. 29.

сотрудничества направлено на усиление обязанности обладателя вещного права следить за своим имуществом с целью минимизации рисков причинения этим имуществом вреда обязанным лицам, а также обязанности обязанных лиц внимательно относиться к вещи обладателя вещного права. Императивы и субимперативы группы деятельностного сотрудничества могут быть закреплены, в первую очередь, посредством расширения содержания нормы ст. 210 ГК РФ («Бремя содержания имущества»), а также обнаруживаются в нормах п. 1 ст. 227 и п. 3 ст. 230 ГК РФ, посвященных находкам. Кроме того, источником правового механизма реализации некоторых субимперативов служат нормы гл. 50 ГК РФ, регулирующие действия в чужом интересе без поручения.

Действие императивов и субимперативов информационного сотрудничества направлено на создание ситуации всеобщей информированности субъектов гражданского права о характеристиках объектов гражданского права, способных повлиять на права и охраняемые законом интересы участников гражданского оборота. Нормативное закрепление информационных субимперативов могут получить также в содержании ст. 210 ГК РФ.

Позитивация отраслевого принципа сотрудничества в вещных правоотношениях в составе нормы о бремени содержания имущества определяется особым пониманием бремени содержания, которое в литературе принято обозначать словосочетанием «собственность обязывает»²⁹⁹. Согласно одному из подходов, собственник³⁰⁰ обязан не только поддерживать вещь в надлежащем состоянии под страхом ее утраты, но и заботиться о том, чтобы она не стала причиной нарушения прав и охраняемых законом интересов других лиц. При причинении иным лицам ущерба при наличии вины собственника последний должен возместить потерпевшим причиненный ущерб. Этот подход не имеет непосредственного закрепления в нормах ГК РФ, но активно поддерживается

---

²⁹⁹ Рыбалов А. Бремя содержания имущества (ст. 210 ГК). Проект комментария. URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/13/bremya_soderzhaniya_imuschestva_st_210_gk_proekt_kommentariya (дата обращения: 02.02.2021).

³⁰⁰ Полагаем, нет оснований возражать против распространения данной обязанности не только на собственника, но и на обладателей ограниченных вещных прав.

высшими судебными инстанциями³⁰¹. В отдельных случаях, отмечает А. Рыбалов, на собственнике любого имущества лежит обязанность предпринимать все зависящие от него меры для пресечения нарушения, совершенного другим лицом с использованием имущества данного собственника³⁰².

В связи с тем что в вещных правоотношениях в силу их абсолютности имеется четкое разграничение субъектов, имеющих различное правовое положение, реализация императивов принципа может быть рассмотрена на основании именно субъектного состава. При этом специфика субъектного состава вещных правоотношений, где происходит противопоставление обладателя вещного права и бесчисленного множества обязанных лиц, допускает ситуацию, когда отдельные императивы направляют свое действие в отношении обладателя права, но не определяют поведение обязанных лиц. В группе информационных императивов, как мы увидим далее, и вовсе происходит слияние императивов. Опираясь на данный подход, систему субимперативов принципа можно изобразить следующим образом:

В рамках группы деятельностного сотрудничества.

Императив № 1: мониторинг рисков наступления не предусмотренных содержанием правоотношения обстоятельств.

Субимператив: *выявление и анализ управомоченным лицом обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи.*

Целью субимператива является побуждение управомоченного лица к исследованию фактических обстоятельств, которые могут стать причиной случайной утраты вещи. Такими обстоятельствами могут быть условия хранения вещи.

---

³⁰¹ См., например, постановление Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П, постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2011 г. № 5-П, определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 № 495-О-О; определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2353-О, определение Верховного Суда РФ от 20 ноября 2018 г. № 5-КГ18-227 («ответственность за надлежащее и безопасное содержание имущества несет собственник ... ущерб, причиненный вследствие ненадлежащего содержания имущества, подлежит возмещению собственником, если он не докажет, что вред причинен не по его вине»); определение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2018 г. № 4-КГ17-78 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³⁰² Рыбалов А. Бремя содержания имущества. Данный вывод автор делает на основании суждений Конституционного Суда РФ, изложенных в постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова».

Субимператив может быть отражен в ст. 210 ГК РФ как часть бремени содержания имущества, которое включает в себя обязанность по возмещению вреда, а также создание условий для достижения цели правоотношения собственности. Бремя содержания может быть снято с собственника, если вещь была законно передана во владение третьих лиц, в том числе на ограниченном вещном или обязательственном праве (аренды, найма, ссуды и т.д.). Примером реализации субимператива может служить изучение целостности забора, выявление его поломок, анализ границ земельного участка, которые необходимо оборудовать предупреждающими табличками с целью предотвращения случайного проникновения на территорию управомоченного лица обязанных лиц и т.д.

Императив № 2: совершение превентивных действий.

Субимператив № 1: *совершение управомоченным лицом действий по устранению обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи.*

В развитие вышеописанного субимператива данный субимператив предполагает обязанность управомоченного лица устранять обстоятельства, которые могут стать причиной случайной утраты вещи. Примером реализации субимператива является устройство и поддержание в нормальном состоянии места хранения вещи, исключающего ее случайную утрату, установка аншлагов, заграждающих конструкций и т.д.

Субимператив № 2: *совершение обязанным лицом необременительных для себя действий по устранению обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи управомоченным лицом.*

В рамках данного субимператива обязанное лицо должно, действуя добросовестно, при обнаружении рисков утраты управомоченным лицом его имущества (например, при обнаружении разрушенного забора, произвольно по причине ненадлежащей швартовки отчаливающего судна и т.д.) предпринять меры по обеспечению сохранности данного имущества. Такими мерами могут стать перевязка узла крепления судна, поправка забора и т.д. При этом, разумеется, описанные мероприятия должны совершаться обязанным лицом лишь

в том случае, если данное действие объективно не может быть произведено управомоченным лицом и из обстановки следует, что обладатель права не выражал волю на отказ от имущества. Правовым основанием механизма реализации субимператива служат нормы гл. 50 ГК РФ, регулирующие действия субъектов гражданского права в чужом интересе без поручения.

Императив № 3: незамедлительное устранение обстоятельств, ставших препятствием для достижения цели правоотношения.

Субимператив № 1: *принятие управомоченным лицом мер по поиску и возврату случайно утраченной вещи.*

Этот субимператив вступает в действие тогда, когда вещь управомоченным лицом была случайным образом утрачена. Необходимость в наделении обладателя вещного права данной обязанностью обусловлена тем, что некоторые вещи могут быть опасными для окружающих (например, животные). Поэтому за обладателем вещного права должна признаваться обязанность предпринять меры по поиску случайно утраченной вещи, а также возместить иным лицам возникшие в связи с утратой вещи убытки.

Последствием неисполнения обязанности, вытекающей из рассматриваемого субимператива, является предусмотренное п. 1 ст. 228 ГК РФ основание возникновения права собственности на находку у лица, нашедшего вещь, а также возможность при установлении личности управомоченного лица взыскать с него ущерб, причиненный вещью.

Субимператив № 2: *принятие обязанными лицами мер по возврату найденного случайно утраченного имущества управомоченного лица.*

Субимператив непосредственно следует из ст. 227 и 230 ГК РФ, налагающих на обязанных лиц обязанность вернуть обнаруженное имущество управомоченному лицу. Правовым механизмом реализации субимператива также служат нормы гл. 50 ГК РФ («Действие в чужом интересе без поручения»).

При применении субимператива необходимо учитывать, что за неисполнение обязанности лицо не может быть привлечено к ответственности, так как действие принципа сотрудничества обеспечивается не через принуждение,

а через стимулирование: в данном случае субимператив будет обеспечен предусмотренным ст. 229, 232 и 985 ГК РФ правом нашедшего чужую вещь, а также правом лица, действовавшего в чужом интересе без поручения на получение вознаграждения.

Императив № 4: компенсация расходов.

Субимператив: *компенсация управомоченным лицом расходов, понесенных обязанными лицами в связи с выполнением обязанностей по сотрудничеству.*

Субимператив отражает специфику правового статуса субъектов вещного правоотношения, существующего ради одной стороны правоотношения – обладателя вещного права, который заинтересован в признании принадлежности ему определенного имущества. Учитывая это, расходы, понесенные обязанными лицами, не могут быть возложены на них даже пропорционально с управомоченным лицом и должны быть компенсированы в полном объеме. Содержание субимператива находит отражение в нормах ст. 229, 232, 984 ГК РФ.

Действие данного субимператива строго ограничивается диспозицией принципов недопустимости злоупотребления правом и недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела. Данные принципы обосновывают невозможность компенсации таких расходов, которые: а) понесены в отсутствие на то необходимости при условии, что обязанное лицо знало или должно было знать об этом (т. е. не допускается злоупотребление правом) и б) понесенные при явно выраженном со стороны обладателя вещного права несогласии с их осуществлением (так как именно обладатель вещного права располагает исключительным правом определять судьбу вещи).

В рамках группы информационного сотрудничества.

Поскольку содержание вещных правоотношений ограничивается лишь правами и обязанностями, направленными на обеспечение принадлежности имущества обладателям вещного права, т. е. не предполагают такого разнообразия, как, например, в договорных обязательствах, субимперативы для всех императивов будут общими. Их система получит следующий вид.

Субимператив № 1: *предупреждение управомоченным лицом обязанных*

лиц об особенностях вещи, а также о характере своей деятельности, которые могут затронуть охраняемые законом интересы обязанных лиц.

Вещи могут быть источником повышенной опасности для окружающих³⁰³. Причем таковыми могут быть не только вещи, непосредственно связанные с какой-то создающей угрозу деятельностью (например, хранение нефтепродуктов), но и любые иные: на земельном участке правообладателя может находиться большое количество торфа, что в летний сезон делает опасным разведение открытого огня не только на самом земельном участке, но и в непосредственной близости от него. Поскольку обладателю вещного права принадлежит право на вещь, в связи чем на такое лицо возлагается бремя содержания, необходимо признать наличие презумпции информированности правообладателя об особенностях его вещи.

Субимператив основывается на толковании норм ст. 210 и 1079 ГК РФ, предусматривающих бремя собственника по содержанию принадлежащего ему имущества, а также ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Реализация субимператива может осуществляться путем установки собственником имущества информационных стендов, аншлагов, предупреждающих о наличии угрозы правам и охраняемым законом интересам иных лиц, исходящей от имущества собственника. Соответствующее правило также подкреплено нормами административного права: пунктом 8(2) правил проведения рекультивации и консервации земель³⁰⁴. Другим примером рассматриваемого субимператива является установка ограждений и предупреждающих табличек о возможном сходе снега с крыши здания³⁰⁵.

---

³⁰³ В качестве примеров таких вещей можно считать и домашних животных (см. *Анисимов А.П., Мохов А.А., Копылов Д.Э.* Правовой режим животных как объектов гражданских и иных правоотношений // Современное право. 2007. № 4. С. 70).

³⁰⁴ О проведении рекультивации и консервации земель (вместе с «Правилами проведения рекультивации и консервации земель»): постановление Правительства РФ от 10 июля 2018 г. № 800 (ред. от 07.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 16.07.2018. № 29. Ст. 4441. Собрание законодательства РФ. 30.07.2018. № 31 (поправка).

³⁰⁵ О практике применения такого способа см. определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 октября 2020 г. по делу № 88-19773/2020, апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 16 марта 2020 г. по делу № 33-1462/2020, апелляционное определение Московского городского суда от 18 декабря 2018 г. по делу № 33-55889/2018 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

Субимператив № 2: *предупреждение обязанными лицами управомоченного лица об известных им обстоятельствах, которые могут затронуть охраняемые законом интересы управомоченного лица.*

Этот субимператив отличается от первого тем, что первый основан на презумпции исключительной полноты знания обладателя вещного права о свойствах своей вещи. В отношении обязанных лиц такая презумпция не может быть сформулирована, так как им не всегда принадлежат объекты, свойства которых могут оказать воздействие на интересы управомоченного лица. Поэтому данный субимператив предполагает информирование не обо всех, а только об известных обстоятельствах.

Последствием несоблюдения субимператива могут быть признание действий обязанного лица недобросовестными и отказ ему в защите права. Так, если лицо, зная, что чужому имуществу грозит опасность, не уведомило об этом управомоченное лицо, а впоследствии потребовало возмещения вреда, в удовлетворении таких требований должно быть отказано. Например, если обязанному лицу было известно о ненадлежащем состоянии запорной арматуры, установленной в квартире управомоченного лица, то в случае ее прорыва и последующего за этим затопления обязанное лицо должно лишаться права на возмещение причиненного ему вреда либо размер возмещения должен быть снижен на основании п. 2 ст. 1082 ГК РФ.

В настоящем параграфе нами неоднократно указывалось на необходимость включения тех или иных субимперативов принципа сотрудничества в содержание ст. 210 ГК РФ («Бремя содержания имущества»). Обобщая отмеченные предложения по реформированию законодательства, полагаем возможным изложить ст. 210 ГК РФ в новой редакции:

«Статья 210. Бремя содержания имущества

Собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

Помимо содержания имущества собственник обязан:

1) контролировать состояние своего имущества;

2) информировать иных лиц об особенностях принадлежащего ему имущества, а также особенностях осуществляемой им деятельности, которые могут повлиять на охраняемые законом интересы иных лиц;

3) возмещать иным лицам вред, причиненный имуществом, за исключением случаев, когда имущество в момент причинения вреда находилось во владении третьих лиц, за поведение которых собственник ответственности не несет».

Резюмируя изложенное:

1. В вещных правоотношениях принцип сотрудничества обеспечивает устранение случайных, т. е. происходящих помимо воли субъектов вещного правоотношения, препятствий к осуществлению управомоченным лицом своего вещного права, под которыми следует считать случаи потери вещи; а также информационную обеспеченность субъектов гражданского права об особенностях имущества и осуществляемой с ним деятельности.

2. Императивы группы деятельностного сотрудничества реализуются в институте находки. Они могут быть детализированы в двух группах субимперативов: 1) относящиеся только к управомоченному лицу: а) выявление и анализ управомоченным лицом обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи, б) совершение управомоченным лицом действий по устранению обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи, в) принятие управомоченным лицом мер по поиску и возврату случайно утраченной вещи, г) компенсация управомоченным лицом расходов, понесенных обязанными лицами в связи с выполнением обязанностей по сотрудничеству; 2) относящиеся только к обязанным лицам: а) совершение обязанным лицом необременительных для себя действий по устранению обстоятельств, которые могут привести к случайной утрате вещи управомоченным лицом, б) принятие обязанными лицами мер по возврату найденного случайно утраченного имущества управомоченного лица.

3. Императивы группы информационного сотрудничества детализируются через два субимператива: а) предупреждение управомоченным лицом обязанных лиц обо всех особенностях вещи, а также о характере своей деятельности,

которые могут затронуть охраняемые законом интересы обязанных лиц;
б) предупреждение обязанными лицами управомоченного лица об известных им обстоятельствах, которые могут затронуть охраняемые законом интересы управомоченного лица.

2.5. Реализация принципа сотрудничества субъектов корпоративных правоотношений

Принцип сотрудничества реализуется в корпоративных правоотношениях самым непосредственным образом, что следует уже из определения данных правоотношений, сформулированного В.А. Беловым. С его точки зрения, корпоративными следует считать «отношения, складывающиеся с объединением усилий и (или) имущества частных лиц, направляемым на достижение общей цели»³⁰⁶. Такие отношения, по мысли автора, включают в себя отношения, связанные с определением общих целей, выявлением средств их достижения и совершением согласованных действий, соответствующих предустановленным позициям по целям и средствам, т. е. действий, направленных на достижение ранее определенных целей и в рамках назначенных для этого средств³⁰⁷.

Если вспомнить, что сотрудничество как форма социального взаимодействия тоже предполагает объединение усилий взаимодействующих субъектов для достижения общей цели, становится ясно, что принцип сотрудничества для корпоративных правоотношений приобретает системообразующее значение.

Несмотря, однако, на столь очевидное проявление идеи сотрудничества,

---

³⁰⁶ О.В. Гутников по поводу данного определения делает очень важное замечание: «...такое широкое понимание корпоративных отношений стирает грань между корпоративным правом и той частью договорного права, которая регулирует объединения лиц, направленные на достижение общей цели ... Возникает вопрос: а чем же тогда корпоративные отношения отличаются от соответствующих договорных отношений?» (Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»). Учитывая наличие такой критики, считаем необходимым отметить, что в рамках настоящего параграфа мы сознательно опускаем любые правовые конструкции, которые могут быть квалифицированы как обязательственные правоотношения (например, корпоративные договоры, договоры простого товарищества, соглашения о сотрудничестве, о порядке пользования имуществом и т.д.), так как реализация принципа сотрудничества в них полностью соответствует выводам параграфов об обязательствах.

³⁰⁷ Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / В.А. Белов [и др.]; под ред. В.А. Белова. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2021. С. 28.

корпоративные правоотношения из рассматриваемых в рамках настоящей диссертации видов гражданских правоотношений являются для определения содержания принципа сотрудничества, пожалуй, самыми специфичными. Во-первых, они не вписываются в чистом виде в классификацию правоотношений на относительные и абсолютные³⁰⁸. Во-вторых, до сих пор в науке не сложилось единого представления о содержании и даже субъектном составе корпоративного правоотношения.

В связи с этим сформулировать субимперативы принципа сотрудничества в корпоративных правоотношениях достаточно сложно. Для решения этой задачи необходимо обратиться к их правовой природе.

Разбирая вопрос о правовой природе корпоративных отношений, О.В. Гутников отмечает наличие в науке трех основных подходов. Первый – это определение корпоративных отношений как отношений, связанных с созданием, деятельностью и прекращением корпораций как субъектов права. Его придерживаются И.С. Шиткина³⁰⁹, Ф.С. Карагусов³¹⁰, В.В. Долинская³¹¹. При таком рассмотрении корпоративные отношения выходят за пределы собственно гражданско-правовых и обретают как частно-правовое, так и публично-правовое

---

³⁰⁸ Например, Л.А. Новоселова определяет корпоративное право как абсолютное (см. *Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 208*). Такой же точки зрения придерживаются Р.Р. Ушницкий (см. *Ушницкий Р.Р. О гражданско-правовой форме корпоративного отношения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 64–91*), М.А. Егорова и С.Д. Могилевский (см. *Могилевский С.Д., Егорова М.А. Правовой режим приобретения акционерным обществом собственных акций // Гражданское право. 2013. № 1. С. 2–5*), С.В. Кружкова (см. *Кружкова С.В. Компенсационный фонд саморегулируемых организаций: правовые основы формирования и распоряжения средствами // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 109–116*), Р.С. Фатхутдинов (см. *Фатхутдинов Р.С. Правовые проблемы уступки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11–14*), С.А. Зинченко и В.В. Галов (см. *Зинченко С.А., Галов В.В. Правовая природа имущественной основы корпоративных коммерческих организаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2002. № 3. С. 23–24*).

В то же время некоторые авторы отстаивают точку зрения об относительном характере корпоративного правоотношения. Представителями этого подхода являются В.Г. Бородкин (см. *Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. М.: Юстицинформ, 2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»*), О.В. Гутников (этот вывод следует из определения автором основания корпоративной ответственности как нарушения относительных корпоративных обязанностей в относительном корпоративном правоотношении, связанном с управлением юридическими лицами – см. *Гутников О.В. Указ. соч.*), Д.В. Ломакин (см. *Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М.: Спарк, 1997 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»*); *Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»*).

³⁰⁹ *Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М.: Статут, 2017. С. 58*

³¹⁰ *Карагусов Ф.С. Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. Алматы, 2011. С. 11.*

³¹¹ *Долинская В.В. Акционерное право. Основные положения и тенденции. М., 2006. С. 102.*

регулирование. Второй подход – это признание за корпоративными только отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности, т. е. гражданско-правовых отношений, связанных с участием в корпорации и с управлением ею. Данная позиция высказывается в работах Д.В. Ломакина³¹², Е.А. Суханова³¹³. Поддерживает ее и сам О.В. Гутников. Третьим является рассмотренный в начале настоящего параграфа подход В.А. Белова, определяющего корпоративными отношения частных лиц, которые имеют в своей основе объединение лиц, направленное на достижение общей цели³¹⁴.

Поскольку в рамках настоящей работы мы рассматриваем содержание отраслевого гражданско-правового принципа сотрудничества, за рамками исследования остаются особенности регулирования отношений другими, помимо гражданского права, отраслями права и законодательства. Поэтому для целей исследования разумным будет рассматривать корпоративные правоотношения как разновидность гражданско-правовых отношений, т. е. отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников.

В предмет регулирования российского гражданского права корпоративные отношения включены в 2012 г. Федеральным законом № 302-ФЗ³¹⁵, принятым во исполнение Концепции развития гражданского законодательства³¹⁶. До этого момента корпоративные отношения регулировались и самим ГК РФ³¹⁷, и специальными законами³¹⁸, хоть и рассматривались как частный случай

---

³¹² Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 130.

³¹³ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 3–4.

³¹⁴ Гутников О.В. Указ. соч.

³¹⁵ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 4 марта 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

³¹⁶ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 8–99.

³¹⁷ Глава 4 («Юридические лица») содержалась уже в самой первой редакции ГК РФ.

³¹⁸ Например, Федеральным законом от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федеральным законом от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».

обязательств³¹⁹.

Согласно действующей редакции абзаца 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ, корпоративными признаются отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими.

Появление этого определения вызвало в научном сообществе дискуссию о разграничении отношений, связанных с участием в корпоративных организациях, и отношений, связанных с управлением такими корпоративными организациями, а также вытекающий из этого вопрос о субъектном составе и, следовательно, содержании корпоративного обязательства. По этой причине на основе лишь нормативного текста определить особенности реализации принципа сотрудничества в корпоративных правоотношениях невозможно – для начала необходимо ответить на вопросы о том, что такое корпоративное правоотношение и каковы его субъектный состав и содержание.

По первому вопросу существует два мнения: 1) корпоративные правоотношения – это отношения по управлению юридическим лицом (О.В. Гутников³²⁰) и 2) корпоративные правоотношения – это внутриорганизационные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в связи с участием в деятельности корпорации (Д.В. Ломакин³²¹). Как видно, основным отличием в подходах является разное понимание отношений участия (или членства) в деятельности юридического лица. Основанием для этого, по-видимому, является не совсем удачная формулировка законодателя, разделившего корпоративные отношения на два вида: 1) отношения, связанные с участием в корпоративных организациях и 2) отношения, связанные с управлением ими.

И.С. Шиткина, анализируя такое разделение, обращается к определению корпоративного юридического лица, сформулированному в ст. 65.1 ГК РФ, и делает вывод, что отношения по управлению корпоративной организацией ее

---

³¹⁹ Пунктом 2 ст. 48 ГК РФ в редакции от 5 мая 2014 г. (и более ранние редакции) предусматривалось, что в связи с участием в образовании имущества юридического лица его учредители (участники) могут иметь обязательственные права в отношении этого юридического лица либо вещные права на его имущество.

³²⁰ Гутников О.В. Указ. соч.

³²¹ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения... С. 81.

участниками уже включены в содержание отношений участия (членства), а потому при разделении в нормативном определении отношений членства и отношений, связанных с управлением корпоративной организацией, под последними имеются в виду отношения между организацией и какими-то другими субъектами, не являющимися участниками корпоративного юридического лица, но осуществляющими полномочия по управлению³²².

Стоит заметить, что в формулировке «отношения, связанные ... с управлением ими (корпоративными организациями – *А.Ф.*)» законодатель не определяет субъектный состав такого вида корпоративных отношений, что ставит под сомнение обоснованность вывода И.С. Шиткой. Представляется, что формулировка п. 1 ст. 65.1 ГК РФ позволяет сделать другой вывод: о том, что право на участие в управлении делами корпорации (посредством присутствия в составе высшего органа управления) является конститутивным свойством правового статуса участника корпорации³²³.

Этот вывод согласуется с подходом О.В. Гутникова, предложившим считать право на участие в управлении делами корпорации основным корпоративным правом³²⁴.

Подход О.В. Гутникова, как было отмечено выше, не является единственным в современной цивилистической науке, однако он позволяет сконцентрировать внимание именно на той части корпоративных отношений, которая направлена на достижение общей цели субъектов корпоративного правоотношения, заключающейся в обеспечении нормального функционирования юридического лица, а также достижения целей и задач корпорации. По этой причине для целей исследования принципа сотрудничества он является наиболее удачным, что нисколько не умаляет значимость других мнений.

Следующий вопрос, на который необходимо ответить для определения

---

³²² Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография.

³²³ То есть участник корпорации, в отличие от иных субъектов корпоративного правоотношения, приобретает статус члена органа управления организации в силу факта приобретения участия в обществе (доли в уставном капитале или акций). В то же время основанием для наделения других лиц статусом члена органа управления необходим другой юридический состав (например, решение общего собрания об избрании гражданина членом совета директоров).

³²⁴ Гутников О.В. Указ. соч.

содержания принципа сотрудничества в корпоративных правоотношениях, – это вопрос об их субъектном составе. Данная проблема возникла в связи с особенностями правового положения органов управления корпоративных организаций. В силу п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. Это означает, что орган управления не обладает самостоятельной правосубъектностью. Возникает вопрос: если управление юридическим лицом осуществляет орган управления, который собственной правосубъектностью не обладает, тогда кто является субъектом корпоративного правоотношения?

А.В. Габов, отмечая названную проблему, все же предлагает признать существование трех вариантов правоотношений, складывающихся внутри организации: 1) внутри органа управления, 2) между органами управления, 3) между самой организацией и органом управления³²⁵. В качестве аргумента ученый пишет: «...другого пути (кроме как признать наличие правоотношения с органом управления – *А.Ф.*) нет. В противном случае все, что происходит внутри сложноструктурированной (прежде всего корпоративной) организации, находится вне правового поля, последнее не соответствует фактическому положению дел»³²⁶.

И.С. Шитикова предлагает другое решение. Она разделяет участников отношений по управлению на 1) правосубъектных лиц, включающих в себя саму корпорацию и членов органов управления, и 2) неправосубъектных лиц – органов управления³²⁷.

С.Ю. Филиппова предлагает считать субъектами корпоративного правоотношения членов таких органов управления³²⁸.

---

³²⁵ Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³²⁶ Там же.

³²⁷ Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография.

³²⁸ Филиппова С.Ю. Охрана и защита прав участников коммерческой корпорации // Хозяйство и право. 2016. № 5 (Приложение). С. 10.

Предложение И.С. Шиткиной и С.Ю. Филипповой, представляется, более актуальным. Подтверждением этого является высказанная относительно недавно правовая позиция Верховного Суда РФ по вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности корпорации членов коллегиальных органов управления. Так, в определении № 307-ЭС19-18723(2, 3) от 22.06.2020 по делу № А56-26451/2016³²⁹ Судебная коллегия Верховного Суда РФ по экономическим спорам отметила следующее: «...одобрение одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) существенно убыточной сделки само по себе не является достаточным для констатации его вины в невозможности погашения требований кредиторов и привлечения его к субсидиарной ответственности. К ответственности подлежит привлечению то лицо, которое инициировало совершение подобной сделки и (или) получило (потенциальную) выгоду от ее совершения. В связи с этим надлежало также определить степень вовлеченности каждого из ответчиков (членов совета директоров должника – А.Ф.) в процесс вывода спорного актива...». Иными словами, субсидиарная ответственность зависит от степени вовлеченности каждого члена коллегиального органа управления в процесс вывода активов обанкротившегося юридического лица, т. е. субъектом корпоративного правоотношения является член органа управления.

Еще один аргумент в пользу наделения участников корпоративной организации и членов ее органов управления статусом субъектов корпоративных правоотношений мы находим у С.И. Луценко, обосновавшего тезис об отсутствии у юридического лица собственного интереса, поскольку юридическое лицо является всего лишь фикцией для представления интересов определенных физических лиц³³⁰.

---

³²⁹ Определение Верховного Суда РФ от 22 июня 2020 г. № 307-ЭС19-18723(2, 3) по делу № А56-26451/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³³⁰ См. Луценко С.И. Теневая часть корпоративного права: вопросы и ответы // Современное право. 2020. № 1. С. 66–73. В обоснование позиции автор ссылается на материалы следующей судебной практики:

1) В определении от 6 июля 2010 г. № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Атлант-Эстейт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона «Об акционерных обществах»» Конституционный Суд РФ признал возможность столкновения в процессе предпринимательской деятельности компании интересов только трех видов субъектов: акционеров, менеджмента и кредиторов.

Таким образом, субъектами корпоративного правоотношения, т. е. урегулированного правом общественного отношения по управлению корпоративным юридическим лицом, являются члены органов управления соответствующего юридического лица, включая его участников (акционеров)³³¹.

Так как принцип сотрудничества определяет характер осуществления субъективных прав и исполнения юридических обязанностей, его реализацию необходимо искать в нормах, определяющих критерии поведения субъектов корпоративного правоотношения, соответствующего идее сотрудничества. Они обнаруживаются в доктрине фидуциарных обязанностей.

Данная доктрина возникла в рамках английского института доверительной собственности (траста). Его суть заключалась в передаче собственником своей вещи другому лицу (управляющему), которое по общему праву (*common law*) признавалось собственником имущества. Доверительный характер такой собственности объяснялся отсутствием в общем праве адекватного механизма защиты прав как реального собственника (учредителя управления), так и выгодоприобретателя траста (бенефициара), в интересах которого учреждался траст. С течением времени институт фидуциарных обязанностей стал применяться и в корпоративном праве, где в силу пока еще неразвитости правового регулирования директора наделялись статусом доверительных собственников имущества компании³³².

В настоящее время доктрина фидуциарных обязанностей в рамках корпоративного права существует независимо от траста и имеет свои особенности

2) Европейский суд по правам человека в постановлении от 20 сентября 2011 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) подчеркнул, что юридическое лицо «в конечном итоге служит для представления интересов определенных физических лиц».

3) В определении от 26 августа 2016 г. № 305-ЭС16-3884 по делу № А41-8876/2015 Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отметила, что интерес юридического лица, который обеспечивается защитой субъективного права, в данном случае произведен от интересов его участников (данная правовая позиция также отражена в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 октября 2016 г.).

³³¹ Действующее пореформенное законодательство содержит четкое деление всех юридических лиц на корпоративные и унитарные, вне зависимости от отнесения их к коммерческим либо некоммерческим. Это означает, что все сформулированные нами выводы справедливы как для коммерческих, так и для некоммерческих корпораций. Подробнее о некоммерческих корпорациях см. *Лескова Ю.Г.* Некоммерческие корпоративные организации: особенности правового статуса // *Власть закона.* 2013. № 2 (14). С. 31–41.

³³² *Ломакин Д.В.* Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // *Гражданское право.* 2019. № 4.

регулирования. Ее содержание предполагает наделение директоров компании, а в некоторых случаях и членов коллегиальных органов управления с акционерами, комплексом обязанностей, состав которых отличается в зависимости от правовой системы. В целом можно сформулировать две ключевые обязанности: 1) обязанность осуществлять свои полномочия с должной заботливостью, профессионализмом и усердием, 2) обязанность проявлять лояльности к компании (в США это обязанность добросовестного поведения). Вторая обязанность, по заверению Д.В. Ломакина, признается в качестве основной. Ее нарушением могут быть такие случаи, как незаконное присвоение имущества компании, реализация частных интересов за счет интересов компании в ситуации конфликта интересов, злоупотребление полномочиями посредством их нецелевого использования и понуждение компании к действиям, выходящим за пределы ее правоспособности³³³.

В рамках отечественного правопорядка доктрина фидуциарной обязанности также находит свое применение, на что указывает Банк России в разд. 2.1 информационного письма от 28.02.2019 № ИН-06-28/18³³⁴.

Источником фидуциарной обязанности, в первую очередь, является п. 3 ст. 53 ГК РФ, предусматривающий, что лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Такую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.). Аналогичные нормы содержатся в п. 1 ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах»³³⁵ и п. 1 ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»³³⁶.

---

³³³ Ломакин Д.В. Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений...

³³⁴ О руководстве для членов совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации: Информационное письмо Банка России от 28 февраля 2019 г. № ИН-06-28/18 // Вестник Банка России. 07.03.2019 № 16.

³³⁵ Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.

³³⁶ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

Разъясняя положения о добросовестности органов управления юридического лица, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 30 июля 2013 года № 62³³⁷ предложил следующую формулировку: «...добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключается в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством».

Применительно к совету директоров принцип добросовестности раскрыт в Кодексе корпоративного управления³³⁸, согласно пп. 2.6–2.6.1 которого члены совета директоров должны действовать добросовестно и разумно в интересах общества и его акционеров на основе достаточной информированности, с должной степенью заботливости и осмотрительности. Разумные и добросовестные действия членов совета директоров предполагают принятие решений с учетом всей имеющейся информации, в отсутствие конфликта интересов, с учетом равного отношения к акционерам общества, в рамках обычного предпринимательского риска. Данные обязанности детализируются в пп. 126–128 кодекса, предусматривающих, что члены совета директоров должны добиваться устойчивого и успешного развития общества, принимать во внимание интересы иных заинтересованных сторон, включая работников, кредиторов, контрагентов общества, а при возникновении потенциального конфликта интересов члену совета директоров следует уведомить об этом совет директоров и в любом случае ставить интересы общества выше собственных.

Анализ судебной практики по данному вопросу показал, что доктрина фидуциарных обязанностей и там находит полноценную реализацию. В отличие от позитивных норм, применяющих категории «добросовестно» и «разумно», российские суды прямо используют формулировку «фидуциарные обязанности».

---

³³⁷ О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Экономика и жизнь. 30.08.2013. № 34.

³³⁸ О Кодексе корпоративного управления: письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 // Вестник Банка России. 18.04.2014. № 40.

Так, по одному из дел Арбитражный суд Уральского округа сослался в обоснование субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц на фидуциарные обязанности, которые суд тут же определил как обязанности перед корпорацией и ее кредиторами действовать в интересах корпорации добросовестно и разумно в силу факта управленческого контроля³³⁹. Арбитражный суд Московского округа еще в 2013 г., ссылаясь на п. 3 ст. 53 ГК РФ, поименовал закрепленные там обязанности фидуциарными обязанностями органов управления³⁴⁰. Аналогичные прецеденты можно наблюдать и по другим спорам³⁴¹.

Исходя из содержания фидуциарных обязанностей, принцип сотрудничества в корпоративных правоотношениях можно сформулировать как идею о том, что субъекты корпоративного правоотношения осуществляют свои субъективные корпоративные права и исполняют обязанности на основе взаимопомощи для максимально эффективного достижения цели корпоративного правоотношения – обеспечения эффективного функционирования корпорации. Нормативно-правовым основанием принципа будет п. 3 ст. 53 ГК РФ, а также ряд специальных норм, к числу которых можно отнести п. 4 ст. 65.2 ГК РФ, предусматривающий обязанность участников корпорации не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация; п. 1 ст. 53.1 ГК РФ, предусматривающий обязанность контролирующего корпорацию лица возместить убытки; п. 1 ст. 65.2 ГК РФ, закрепляющий информационные права участника корпорации и т.д.

Препятствием для достижения цели корпоративного правоотношения могут стать обстоятельства, которые приведут к снижению эффективности корпорации. Представляется, что таких обстоятельств может быть два: 1) конфликт интересов

---

³³⁹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 3 марта 2020 г. № Ф09-8999/19 по делу № А47-9339/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³⁴⁰ Постановление ФАС Московского округа от 11 ноября 2013 г. по делу № А40-116202/12-114-1110 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³⁴¹ См. постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2020 г. № Ф05-22144/2020 по делу № А41-41941/2020, постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 26 августа 2011 г. по делу № А81-1320/2010, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2019 г. № 17АП-17379/2017(25)-АК по делу № А50-31287/2016 [Электронный ресурс]. Документы опубликованы не были. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

члена органа управления и 2) утрата участником корпорации (он же член высшего органа управления) против воли контроля над своей долей в капитале организации.

Конфликт интересов является препятствием для достижения цели корпоративного правоотношения, поскольку в этой ситуации субъект корпоративного правоотношения действует не в общих, а в своих личных интересах, что снижает эффективность управления и может служить предпосылкой для корпоративных злоупотреблений, которые, как отмечается в литературе, могут порождать корпоративные конфликты, а также нарушать интересы кредиторов юридического лица³⁴².

Утрата участником корпорации контроля над своей долей в капитале хозяйственного общества создает препятствия для достижения общей цели в тех случаях, когда происходит против воли участника, так как в отношении лиц, которые приобретут контроль над долей участника, сложно предположить, будут ли они осуществлять свои права и обязанности в соответствии с общей целью. Утрата контроля против воли участника возможна при обращении взыскания на долю по обязательствам такого участника или в результате признания такого участника банкротом. Другими авторами также отмечается, что утрата корпоративного контроля возможна в результате корпоративных «войн» и конфликтов, что приводит к потере активов корпорации³⁴³.

С учетом описанных особенностей корпоративных правоотношений, система императивов и субимперативов группы деятельностного сотрудничества для них будет выглядеть следующим образом.

Императив №1: мониторинг рисков наступления не предусмотренных содержанием правоотношения обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения.

Субимператив №1: мониторинг рисков возникновения конфликта

---

³⁴² Подшивалов Т.П. К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений // Пермский юридический альманах. 2018 № 1. С. 344.

³⁴³ Серова О.А. Проблемы правовой оценки деятельности руководителей организации при злоупотреблении полномочиями и «выводе» активов компании // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 5–2. С. 15.

интересов либо утраты участником корпорации контроля над долей в капитале корпорации.

Субимператив возлагает на субъектов корпоративного правоотношения – членов органов управления – обязанность отслеживать риски возникновения у них конфликта интересов либо утраты корпоративного контроля. Реализация этого правила не требует совершения каких-либо специальных действий. Например, для того, чтобы установить риск утраты корпоративного контроля в результате обращения взыскания на долю в капитале корпорации участнику достаточно лишь обеспечить надлежащее обслуживание своих обязательств перед кредиторами, а для предотвращения риска конфликта интересов – внимательно отслеживать обстоятельства, которые могут привести к возможности получить личную выгоду вопреки интересам корпорации.

Императив №2: совершение превентивных действий, направленных на устранение рисков наступления обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения.

Субимператив №2: *совершение действий по устранению рисков возникновения конфликта интересов и утраты контроля над долей в капитале корпорации.*

Данным субимперативом на субъекта корпоративного правоотношения налагается обязанность по пресечению обстоятельств, которые могут привести к конфликту интересов либо утрате корпоративного контроля. Превентивными мерами могут служить отказ единоличного исполнительного органа от заключения договора с аффилированным с ним контрагентом корпорации без согласования с коллегиальным исполнительным органом управления либо высшим органом управления корпорации, а в отношении риска утраты корпоративного контроля – достижение соглашений с кредиторами с тем, чтобы не допустить обращение взыскания на долю в капитале корпорации.

Императив №3: незамедлительное устранение непредвиденных обстоятельств, ставших препятствием для достижения цели правоотношения.

Субимператив №3: *устранение конфликта интересов и обеспечение*

контроля над долей в капитале общества.

В рамках этого субимператива на члена органа управления корпорации возлагается обязанность восстановить корпоративный контроль³⁴⁴, а также устранить конфликт интересов. Здесь важно учитывать, что не всегда у участника корпорации есть законная возможность вернуть право на долю в капитале. Например, при утрате доли в результате обращения на нее взыскания восстановить контроль можно только путем выкупа доли у лица, которое приобрело ее на торгах. В этом случае обязанность бывшего участника совершить такие действия вступает в противоречие с принципом недопустимости вмешательства кого-либо в частные дела. Полагаем, что этим действие субимператива ограничивается, и участнику ничего не остается кроме как исполнить обязанность, вытекающую из четвертого субимператива.

Императив №4: компенсация расходов, понесенных в связи с необходимостью устранения препятствия.

Субимператив №4: *компенсация расходов корпорации и других членов органов управления корпорации, понесенных ими в связи с необходимостью предпринимать меры по устранению последствий конфликта интересов либо утраты участником контроля над долей в капитале корпорации.*

Субимператив налагает на члена органа управления корпорации обязанность возместить другим субъектам корпоративного правоотношения, а также самой корпорации расходы, которые они понесли из-за утраты участником корпоративного контроля, а также из-за того, что членом органа управления был допущен конфликт интересов. К числу компенсируемых расходов можно относить как затраты на восстановление имущественного состояния общества, так

---

³⁴⁴ При этом здесь важно помнить о средствах обеспечения исполнения принципа сотрудничества, которыми не предусмотрена возможность принуждения лица к исполнению обязанности. Это означает невозможность принуждения бывшего участника корпорации к восстановлению корпоративного контроля. Однако в том случае, если утрата доли в капитале приведет к причинению убытков, бывший участник должен такие убытки возместить, что следует, например, из содержания п. 1 ст. 53.1 ГК РФ. Как отмечают Е.С. Пирогова и Ю.Д. Жданова, эта норма «...сформулирована таким образом, что для лица, являющегося фактически “контролирующим” в силу преобладающего участия, недостаточно “не совершать действий, направленных на причинение вреда”, такому лицу вменяется в обязанность забота об интересах юридического лица как если бы оно занимало должность в его органах управления, причем должность, позволяющую единолично определять решения общества» (см. Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д. Содержание обязанностей участника корпорации на современном этапе развития гражданского законодательства: анализ правовых позиций // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 85).

и затраты других участников, например, связанные с необходимостью заключения ими корпоративных договоров, чтобы обеспечить надлежащее управление корпорацией при появлении среди ее участников нежелательных лиц.

Информационное сотрудничество реализуется в корпоративных правоотношениях со своими особенностями. Одной из них является строго ограниченный круг субъектов, что отличает корпоративные правоотношения от вещных. Другой особенностью корпоративных правоотношений является то, что они не имеют эффекта против третьих лиц, что отличает их от правоотношений обязательственных. Помимо этого, информация, которой владеют субъекты корпоративного правоотношения, зачастую является заведомо конфиденциальной; при этом режим конфиденциальности используется как раз для достижения целей корпорации³⁴⁵. По этой причине в корпоративных правоотношениях нереализуем первый императив группы информационного сотрудничества (информирование участников гражданского оборота обо всех известных существенных обстоятельствах, которые могут тем или иным образом затронуть интересы других участников гражданского оборота). Система императивов и субимперативов группы информационного сотрудничества выглядит следующим образом.

Императив: предоставление информации, без которой эффективное осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны.

Субимператив: *предоставление членами органов управления корпорации друг другу информации, имеющей значение для принятия решений органами управления.*

Данный субимператив предполагает запрет скрывать информацию, которая может повлиять на характер принятого решения, от других членов органов управления, а также закрепляет обязанность сообщить информацию другим членам

---

³⁴⁵ Значимость режима конфиденциальности для коммерческой информации подтверждается наличием в российском законодательстве самостоятельного Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». Согласно п. 1 ст. 3 данного закона, режим конфиденциальности информации необходим для того, чтобы позволить ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ услуг или получить иную выгоду. Иными словами, режим конфиденциальности необходим для достижения целей бизнеса.

органов управления³⁴⁶. Такой информацией могут быть и сведения о конфликте интересов или утрате контроля над долей в капитале общества, выявленные в порядке реализации первого субимператива группы деятельностного сотрудничества. Рассматриваемый субимператив дает членам органов управления корпорации возможность более качественно оценить риски и принять решение, которое приведет к более эффективной деятельности корпорации.

Императив: консультационное содействие.

Субимператив: оказание членами органов управления корпорации друг другу необходимых консультаций.

Данный субимператив следует из такого требования фидуциарной обязанности, как профессионализм при принятии решений. Ситуации, требующие принятия решений органами управления корпорации, могут быть самым различными. Учитывая это, сложно согласиться с тем, что любое лицо, став членом органа управления корпорации, сможет во всех случаях одинаково профессионально осуществлять свои полномочия. Рассматриваемый субимператив позволяет максимизировать степень профессионализма членов органов управления при принятии решения за счет оказания ими друг другу консультаций в вопросах, в которых они компетентны.

Резюмируя изложенное:

1. В корпоративных правоотношениях принцип сотрудничества субъектов гражданского права реализуется применительно к отношениям, связанным с управлением корпоративными организациями и основан на доктрине фидуциарных обязанностей.

2. Императивы группы деятельностного сотрудничества в корпоративных правоотношениях направлены на устранение двух обстоятельств, препятствующих достижению цели корпоративного правоотношения, — нормальному функционированию корпорации: 1) конфликта интересов члена органа управления корпорации, и 2) утраты участником корпорации против своей

---

³⁴⁶ Субимператив отчасти вытекает из перечня информационных прав участников корпорации, закрепленного в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ. Такое право на получение информации необходимо и членам органов управления, не являющимся участниками, так как от этого зависит эффективность принимаемых решений.

воли контроля над долей в капитале корпорации.

3. В рамках императивов группы деятельностного сотрудничества принцип реализуется через субимперативы: а) мониторинг рисков возникновения конфликта интересов либо утраты участником корпорации контроля над долей в капитале корпорации; б) совершение действий по устранению рисков возникновения конфликта интересов и утраты контроля над долей в капитале корпорации; в) устранение конфликта интересов и обеспечение контроля над долей в капитале общества; г) компенсация расходов корпорации и других членов органов управления корпорации, понесенных ими в связи с необходимостью предпринимать меры по устранению последствий конфликта интересов либо утраты участником контроля над долей в капитале корпорации против своей воли.

4. В рамках группы императивов информационного сотрудничества принцип сотрудничества реализуется в двух субимперативах: а) предоставление членами органов управления корпорации друг другу информации, имеющей значение для принятия решений органами управления; б) оказание членами органов управления корпорации друг другу необходимых консультаций. Императив группы информационного сотрудничества, предусматривающий информирование участников гражданского оборота обо всех известных существенных обстоятельствах в регулировании корпоративных правоотношений, связанных с управлением корпоративными организациями, не применим, так как рассматриваемые отношения не имеют выражения против третьих лиц, а также в связи с тем, что информация, связанная с управлением корпорациями, как правило, носит законно установленный конфиденциальный характер.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного диссертационного исследования были сделаны следующие основные выводы.

Принцип сотрудничества субъектов гражданского права является отраслевым, т. е. характеризующим наиболее существенные черты всего гражданского права. Он существует в качестве обособленного императива добросовестности и определяется как основополагающая, универсальная идея о том, что субъекты гражданских правоотношений обязаны осуществлять права и исполнять обязанности на основе взаимопомощи с учетом интересов друг друга для максимально эффективного достижения цели правоотношения.

Принципа сотрудничества основан на категории юридически значимого сотрудничества, являющегося развитием общенаучного понятия «социальное сотрудничество», приобретшего правовое значение в результате использования идеи сотрудничества в качестве основы содержания гражданских правоотношений, определяющей характер их реализации.

Выявлены две формы юридически значимого сотрудничества – активная и пассивная.

Пассивную форму предложено именовать «сотрудничество-состояние». Ее отличительной особенностью является то, что она не предполагает совершение субъектами гражданского права каких-либо действий (пассивный характер), но обуславливает особенности осуществления ими субъективных прав и исполнения обязанностей. В содержание сотрудничества-состояния включаются императивы пассивного типа, предполагающие запрет на осуществление субъективных прав и исполнение обязанностей в нарушение идеи сотрудничества. Установлено, что эти же императивы существуют и в содержании принципа недопустимости злоупотребления правом. По этой причине местом сотрудничества-состояния определен принцип недопустимости злоупотребления правом.

Существующих в правовой науке явлений, к которым можно было бы отнести

активную форму юридически значимого сотрудничества, не обнаружено. В связи с этим принято решение отнести ее в содержание отдельного отраслевого принципа сотрудничества субъектов гражданского права.

В структуре принципа сотрудничества субъектов гражданского права сформулировано два вида юридически значимого активного сотрудничества – деятельностное и информационное сотрудничество. Они определяют основные направления действия принципа.

Деятельностное сотрудничество предполагает совершение активных действий по устранению непредвиденных на момент возникновения правоотношения препятствий к достижению его цели. Такими препятствиями являются фактические обстоятельства, которые объективно не позволяют реализовать содержание правоотношения в соответствии с его целью.

Для договорных правоотношений это обстоятельства, приводящие к объективной невозможности исполнения договора; в обязательствах из причинения вреда – обстоятельства, обуславливающие увеличение вреда после совершения деликта; в кондикционных обязательствах – обстоятельства, приводящие к дальнейшему обогащению приобретателя (в том числе независимо от его воли); в преддоговорных обязательствах – любые обстоятельства, препятствующие заключению договора; в вещных – случайная утрата вещи, т. е. выбытие ее из владения управомоченного лица против его воли при одновременном отсутствии на это воли обязанных лиц; в корпоративных – конфликт интересов члена органа управления, а также утрата участником корпорации против своей воли контроля над долей в капитале корпорации.

С учетом этого обоснован вывод, что юридическими императивами, относящимися к направлению деятельностного сотрудничества, являются 1) мониторинг рисков наступления не предусмотренных содержанием правоотношения обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения; 2) совершение превентивных действий, направленных на устранение рисков наступления обстоятельств, которые могут стать препятствием для достижения цели правоотношения; 3) незамедлительное устранение

непредвиденных обстоятельств, ставших препятствием для достижения цели правоотношения; 4) компенсация расходов, понесенных в связи с необходимостью устранения препятствия.

Информационное сотрудничество направлено на создание среди участников гражданского оборота ситуации информационной обеспеченности, при которой субъекты гражданских правоотношений будут располагать информацией, достаточной для эффективного достижения цели правоотношения. В отличие от деятельностного, информационное сотрудничество реализуется независимо от возникновения каких-либо обстоятельств и сопровождает правоотношение на протяжении всего его существования. В его содержании обнаруживаются следующие юридические императивы: 1) информирование участников гражданского оборота об известных существенных обстоятельствах, которые могут затронуть их интересы; 2) предоставление информации, без которой эффективное осуществление прав и исполнение обязанностей невозможны; 3) консультационное содействие.

Поскольку разные виды гражданских правоотношений имеют свои особенности, для конкретизации содержания юридических императивов принципа применительно к каждому виду регулируемых отношений предложено ввести в категориальный аппарат гражданского права новую категорию «субимператив принципа».

Выявлены особенности обеспечения соблюдения субъектами гражданского права юридических императивов отраслевого принципа сотрудничества. Так как этот принцип определяет характер осуществления субъектами гражданского права своих прав и исполнения обязанностей, т. е. отвечает на вопрос о том, как участники гражданского оборота должны действовать при осуществлении хозяйственной деятельности, его соблюдение гарантируется механизмом стимулирования, предполагающим постановку лица, отказавшегося от сотрудничества, в невыгодное для него положение и наоборот, вознаграждение тех субъектов, которые осуществляют свои права и исполняют обязанности с учетом императивов рассматриваемого принципа. Корреспондирующие такому пониманию правила предусмотрены нормами статей 229, 232, 406, 985 ГК РФ, а также прослеживаются,

хоть и не всегда явно, в других случаях. Например, в статьях 1083 и 1102 ГК РФ.

Проведенный в диссертации анализ применимости принципа сотрудничества субъектов гражданского права позволил раскрыть реализуемость принципа в ряде ключевых видов гражданских правоотношений: в договорных и внедоговорных (кондикционных, деликтных и преддоговорных) обязательствах, вещных и корпоративных правоотношениях. При этом не исключается применимость принципа сотрудничества и в других видах гражданских правоотношений.

При изучении особенностей реализации принципа в договорных правоотношениях обнаружено, что все договоры могут быть по степени реализации принципа классифицированы на две группы – дискретные, то есть разовые и не предполагающие большого объема сотрудничества, и реляционные, требующие соблюдения императивов принципа сотрудничества. Также установлено, что при признании договора недействительным принцип сотрудничества продолжает свое действие, но уже применительно к иной цели обязательства – восстановлению первоначального положения сторон.

Сделан вывод, что реализация принципа сотрудничества в деликтных правоотношениях происходит посредством двух субимперативов: а) предоставление информации об альтернативных способах получения возмещения, обращение к которым позволит уменьшить размер подлежащего возмещению ущерба, относящийся к группе информационного сотрудничества; б) принятие мер по предотвращению увеличения вреда, существующего в составе группы деятельностного сотрудничества. В качестве альтернативного способа получения возмещения предложено рассматривать договор страхования ответственности делинквента либо страхования рисков причинения вреда имуществу, жизни и здоровью потерпевшего.

Обязанность по предоставлению информации об альтернативных способах получения возмещения следует из предположения о том, что потерпевший в ряде случаев может получить удовлетворение не только путем взыскания ущерба с причинителя вреда. Так, риск причинения вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевшего, а также гражданская ответственность причинителя вреда могут быть

застрахованы. В этом случае наиболее эффективным способом восстановления нарушенного права для потерпевшего может оказаться получение страхового возмещения, а не взыскание ущерба. Однако в отсутствие публичного реестра заключенных договоров страхования возможна ситуация, когда сторона не будет располагать сведениями о соответствующем страховании. Предлагаемый субимператив может быть одним из механизмов решения этой проблемы.

Обязанность предпринимать меры по предотвращению увеличения вреда адресована как причинителю вреда, так и потерпевшему. Этот субимператив концентрирует в себе содержание всей группы императивов деятельностного сотрудничества, что объясняется простым характером обязательства из причинения вреда. Увеличение вреда, даже если оно происходит по вине потерпевшего, является объективным препятствием для достижения цели обязательства: если после совершения деликта размер вреда увеличится в отсутствие в этом вины первоначального причинителя вреда, последний не будет нести обязанность по возмещению такого дополнительного вреда. В результате положение потерпевшего не будет восстановлено в полном объеме, цель правоотношения не будет достигнута.

Анализ кондикционных обязательств показал, что в обязательствах данного вида принцип сотрудничества реализуется через субимператив группы деятельностного сотрудничества, предполагающий обязанность сторон сотрудничать, не допуская увеличения размера обогащения.

В отношении содержания преддоговорных правоотношений сделан вывод о детерминации прав и обязанностей сторон переговоров принципом добросовестности, юридическим императивом которого является принцип сотрудничества субъектов гражданского права. При этом особенности направленности преддоговорного правоотношения позволили заключить, что именно сотрудничество служит конститутивной идеей, определяющей содержание преддоговорного правоотношения. Последствием этого является то, что юридические императивы принципа сотрудничества могут реализовываться в преддоговорных правоотношениях непосредственно, без конкретизации в субимперативах.

По результатам исследования содержания и назначения вещных правоотношений сформулирован вывод о том, что в вещных правоотношениях принцип сотрудничества субъектов гражданского права обеспечивает устранение случайных, т. е. происходящих помимо воли субъектов вещного правоотношения, препятствий к осуществлению управомоченным лицом своего вещного права. К числу таких препятствий предложено отнести случаи потери вещи. Кроме этого, в вещных правоотношениях реализуются императивы информационного сотрудничества. Они служат средством информационной обеспеченности субъектов гражданского права об особенностях имущества и осуществляемой с ним деятельности.

При анализе источников принципа сотрудничества применительно к вещным правоотношениям выявлено недостаточное правовое регулирование бремени содержания имущества, на конструкции которой основано содержание принципа. В связи с этим предложено расширить норму статьи 210 ГК РФ путем внесения в нее перечня обязанностей собственника, вытекающих из принципа сотрудничества. Предложенная редакция нормы выглядит следующим образом:

«Статья 210. Бремя содержания имущества

Собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

Помимо содержания имущества собственник обязан:

- 1) контролировать состояние своего имущества;
- 2) информировать иных лиц об особенностях принадлежащего ему имущества, а также особенностях осуществляемой с ним деятельности, которые могут повлиять на охраняемые законом интересы иных лиц;
- 3) возмещать иным лицам вред, причиненный имуществом, за исключением случаев, когда имущество в момент причинения вреда находилось во владении третьих лиц, за поведение которых собственник ответственности не несет».

Обнаружен большой потенциал для реализации принципа сотрудничества в корпоративных правоотношениях, так как они по своему назначению изначально предполагают достижение субъектами права общей цели. Это видно и из

доктринального определения корпоративного правоотношения как отношения, складывающегося с объединением усилий и (или) имущества частных лиц, направляемым на достижение общей цели.

Принцип сотрудничества в корпоративных правоотношениях основан на доктрине фидуциарных обязанностей, нашедшей свое отражение в п. 3 ст. 53 ГК РФ. Императивы группы деятельностного сотрудничества здесь направлены на устранение как минимум двух препятствий к достижению цели корпоративного правоотношения (эффективному функционированию корпорации) – конфликт интересов и утрата корпоративного контроля.

Выявлены особенности реализации информационного сотрудничества в корпоративных правоотношениях. Они обусловлены, во-первых, отсутствием в корпоративных правоотношениях строго ограниченного круга субъектов, что отличает корпоративные правоотношения от вещных, во-вторых, отсутствием у корпоративных правоотношений действия против третьих лиц, что отличает их от правоотношений обязательственных; в-третьих, тем, что достижение цели корпоративного правоотношения невозможно без засекречивания информации, составляющей коммерческую тайну. Все это исключает возможность реализации в корпоративных правоотношениях первого императива группы информационного сотрудничества (информирование участников гражданского оборота обо всех известных существенных обстоятельствах, которые могут тем или иным образом затронуть интересы других участников гражданского оборота).

Исследование показало большое теоретическое и практическое значение идеи социального сотрудничества для регулирования частно-правовых отношений и обозначило необходимость дальнейшей работы по формированию доктрины обозначенного принципа. Большой исследовательский интерес представляют особенности реализации юридических императивов сотрудничества в других отраслях российского частного права – в жилищном, семейном праве, а также в ряде отраслей публичного права – процессуальном, налоговом, земельном и других.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные правовые акты

1. *Конституция Российской Федерации* (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>

(дата обращения: 12.11.2020).

2. *Об организации страхового дела в Российской Федерации*: Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 (ред. от 2 июля 2021 г.) // Российская газета. 12.01.1993. № 6.

3. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)*: Федеральным закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 28 июня 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

4. *Об акционерных обществах*: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 1.

5. *Семейный кодекс Российской Федерации*: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

6. *Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)*: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г., с изм. от 8 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

7. *О рынке ценных бумаг*: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 22.04.1996. № 17. Ст. 1918.

8. *Об обществах с ограниченной ответственностью*: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7.

9. *О финансовой аренде (лизинге):* Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ (ред. от 16 октября 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 02.11.1998. № 44. Ст. 5394.

10. *Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации:* Федеральный закон от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 12.03.2001. № 11. Ст. 1001.

11. *О несостоятельности (банкротстве):* Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

12. *О коммерческой тайне:* Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (ред. от 9 марта 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 09.08.2004. № 32. Ст. 3283.

13. *Жилищный кодекс Российской Федерации:* Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

14. *О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации:* Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ (ред. от 4 марта 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

15. *О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности (вместе с порядком оценки кредитного риска по портфелю (портфелям) однородных ссуд):* положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П (ред. от 16 октября 2019 г.) // Вестник Банка России. 04.08.2017. № 65–66.

16. *О проведении рекультивации и консервации земель (вместе с «Правилами проведения рекультивации и консервации земель»):* постановление Правительства РФ от 10 июля 2018 г. № 800 (ред. от 7 марта 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 16.07.2018. № 29. Ст. 4441. Собрание законодательства РФ. 30.07.2018. № 31 (поправка).

17. *Об утверждении перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов,*

органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения [Электронный ресурс]: приказ Росархива от 20 декабря 2019 г. № 236. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

2. Нормативные правовые акты, утратившие силу

18. *Конституция* (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936 (документ утратил силу).

3. Иные официальные документы

19. *Концепция развития* гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11. С. 8–99.

20. *О Кодексе* корпоративного управления: письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 // Вестник Банка России. 18.04.2014. № 40.

21. *О руководстве* для членов совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации: информационное письмо Банка России от 28 февраля 2019 г. № ИН-06-28/18 // Вестник Банка России. 07.03.2019 № 16.

4. Судебная практика

22. *Постановление* Европейского суда по правам человека от 20 сентября 2011 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против Российской Федерации» (жалоба № 14902/04) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

23. *Определение* Конституционного Суда РФ в от 29 мая 2018 г. № 1172-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Губочкина Виктора Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 210 и пунктом 4

статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью 4 статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации, абзацами первым и вторым части первой статьи 38 Федерального закона “О пожарной безопасности”» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

24. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

25. *Определение* Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2353-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Трифонова Станислава Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 6 статьи 20 Федерального закона “О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства”» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

26. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 4.

27. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2011 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 3 статьи 15 Федерального закона “О безопасности дорожного движения” в связи с жалобой гражданки Г.В. Шикуновой» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

28. *Определение* Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Атлант-Эстейт” на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона “Об акционерных обществах”» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

29. *Определение* Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 495-

О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федорюка Сергея Юрьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 210 и 543 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 15 Закона Российской Федерации “Об обеспечении единства измерений”, статей 376, 381, 388 и 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

30. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 31 мая 2005 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” в связи с запросами Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

31. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона “Об акционерных обществах” в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 3.

32. *Постановление* Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

33. *О некоторых* вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

34. *О применении* судами законодательства при рассмотрении дел,

связанных со взысканием алиментов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 // Российская газета. 29.12.2017. № 297.

35. *О применении* судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 30.06.2015. № 140.

36. *Об отдельных вопросах,* связанных с договором выкупного лизинга: постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 17 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

37. *О некоторых вопросах* возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Экономика и жизнь. 30.08.2013. № 34.

38. *О применении* судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015) // Российская газета. 08.04.2004. № 72.

39. *Обзор* практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10.

40. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17 июля 2019 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2.

41. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14 ноября 2018 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5–6.

42. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. №. 5–6.

43. *Обзор* судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 19 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

44. *Обзор* судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 сентября 2011 г. № 147 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11.

45. *Обзор* практики разрешения споров по договору строительного подряда: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 января 2000 г. № 51 // Хозяйство и право. 2000. № 5.

46. *Постановление* Президиума ВАС РФ от 10 июня 2014 г. № 9465/13 по делу № А40-151467/2009 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

47. *Постановление* Президиума ВАС РФ от 15 февраля 2011 г. № 13603/10 по делу № А40-18477/09-38-51 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

48. *Определение* Верховного Суда РФ от 30 сентября 2020 г. № 310-ЭС20-9716 по делу № А08-2193/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

49. *Определение* Верховного Суда РФ от 22 июня 2020 г. № 307-ЭС19-18723(2, 3) по делу № А56-26451/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

50. *Определение* Верховного Суда РФ от 11 марта 2020 г. № 303-ЭС19-21127 по делу № А73-16916/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

51. *Определение* Верховного Суда РФ от 20 ноября 2018 г. № 5-КГ18-227 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

52. *Определение* Верховного Суда РФ от 17 июля 2018 г. № 4-КГ18-44 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

53. *Определение* Верховного Суда РФ от 20 февраля 2018 г. № 4-КГ17-78 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

54. *Определение* Верховного Суда РФ от 22 мая 2017 г. № 303-ЭС16-19319 по делу № А51-273/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

55. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 13 июля 2021 г. № Ф09-7594/16 по делу № А71-6742/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

56. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 1 июня 2021 года № Ф10-1736/2021 по делу № А08-11549/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

57. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 мая 2021 г. по делу № А70-3150/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

58. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 3 марта 2021 г. № Ф-15848/2020 по делу № А40-202709/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

59. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 16 февраля 2021 г. № Ф10-5819/2020 по делу № А68-11930/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

60. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2020 г. № Ф05-22144/2020 по делу № А41-41941/2020 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

61. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 12 ноября 2020 г. № Ф09-6729/14 по делу № А47-11073/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

62. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 24 сентября 2020 г. № Ф09-4889/19 по делу № А07-29233/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

63. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 8 сентября 2020 г. № Ф05-4315/2018 по делу № А40-211646/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

64. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 8 сентября 2020 г. № Ф05-13196/2020 по делу № А40-197443/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

65. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 2 сентября 2020 г. № Ф05-4684/2019 по делу № А40-102912/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

66. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 24 августа 2020 г. № Ф05-8482/2019 по делу № А40-14442/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

67. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 20 августа 2020 г. № Ф05-7149/2020 по делу № А40-252279/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

68. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 3 марта 2020 г. № Ф09-8999/19 по делу № А47-9339/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

69. *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 28 февраля 2020 г. № Ф06-57684/2020 по делу № А12-42/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

70. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 января 2020 г. № Ф04-120/2019 по делу № А75-12928/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

71. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23 января 2020 г. № Ф04-6709/2019 по делу № А27-3765/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

72. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 декабря 2019 г. № Ф04-6204/2017 по делу № А27-24763/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

73. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10 октября 2019 г. № Ф04-203/2018 по делу № А03-14084/2016 [Электронный

ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

74. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 10 июля 2019 г. по делу № А09-9792/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

75. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 апреля 2019 г. № Ф04-561/2019 по делу № А27-24295/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

76. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 02 апреля 2019 г. № Ф05-1535/2019 по делу № А41-95281/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

77. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 18 марта 2019 г. № Ф05-2076/2019 по делу № А40-28696/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

78. *Постановление* Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 февраля 2019 г. № Ф04-7114/2019 по делу № А27-11710/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

79. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 10 сентября 2018 г. № Ф05-14131/2018 по делу № А40-91415/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

80. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 21 августа 2018 г. № Ф05-3607/2018 по делу № А40-153871/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

81. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 июля 2018 г. № Ф-07-7659/2018 по делу № А42-7554/2017 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

82. *Постановление* Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13 февраля 2018 г. № Ф01-24/2018 по делу № А17-4927/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

83. *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 26 апреля

2017 г. № Ф05-3825/2017 по делу № А40-36112/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

84. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 11 апреля 2017 г. № Ф10-1031/2017 по делу № А14-6933/2016 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

85. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 25 ноября 2016 г. № Ф09-9406/16 по делу № А60-60688/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

86. *Постановление* Арбитражного суда Уральского округа от 15 января 2016 г. № Ф09-10596/15 по делу № А50-1108/2015 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

87. *Постановление* Арбитражного суда Центрального округа от 2 декабря 2015 г. № Ф10-4863/2014 по делу № А54-1345/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

88. *Постановление* Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 апреля 2015 г. № Ф08-1978/2015 по делу № А32-7916/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

89. *Постановление* Арбитражного суда Поволжского округа от 16 июля 2014 г. по делу № А49-7305/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

90. *Постановление* ФАС Московского округа от 11 ноября 2013 г. по делу № А40-116202/12-114-1110 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

91. *Постановление* ФАС Восточно-Сибирского округа от 25 мая 2012 г. по делу № А19-19218/2011 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

92. *Постановление* ФАС Западно-Сибирского округа от 26 августа 2011 г. по делу № А81-1320/2010 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

93. *Постановление* ФАС Северо-Кавказского округа от 21 октября 2004 г.

№ Ф08-5047/2004 по делу № А53-3198/2004-С2-24 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

94. *Постановление* Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 марта 2020 г. № 09АП-3101/2020 по делу № А40-187550/2019 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

95. *Постановление* Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 сентября 2019 г. № 317АП-17379/2017(25)-АК по делу № А50-31287/2016 [Электронный ресурс] Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

96. *Определение* Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29 октября 2020 г. по делу № 88-19773/2020 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

97. *Апелляционное определение* Верховного суда Республики Коми от 16 марта 2020 г. по делу № 33-1462/2020 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

98. *Апелляционное определение* Московского городского суда от 18 декабря 2018 г. по делу № 33-55889/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

99. *Апелляционное определение* Саратовского областного суда от 14 марта 2018 г. по делу № 33-1090/2018. URL: https://oblsud--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1085096&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 20.03.2021).

5. Монографии, комментарии и учебная литература

100. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. 192 с.

101. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с.

102. *Белов В.А.* Гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для

академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2017. 451 с.

103. *Белов В.А.* Обязательственное право: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 425 с.

104. *Белов В.А.* Очерки вещного права. Научно-полемические заметки: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 332 с.

105. *Бородкин В.Г.* Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. М.: Юстицинформ, 2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

106. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. 197 с.

107. *Волков А.В.* Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.

108. *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

109. *Гайдаенко Шер Н.И.* Альтернативные механизмы разрешения споров как инструмент формирования благоприятной среды для предпринимательской деятельности (опыт России и зарубежных стран): монография. М.: ИНФРА-М. 2016 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

110. *Гамбаров Ю.С.* Гражданское право. Общая часть. М.: Зерцало, 2003. 816 с.

111. *Голевинский В.О.* О происхождении и делении обязательств. Варшава, 1872. 310 с.

112. *Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / А.В. Барков, А.В. Габов, М.Н. Илюшина, Л.В. Кузнецова, В.В. Кулаков, М.А. Рожкова, Л.В. Санникова, С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитоновна.* М.: Статут, 2016. 624 с.

113. *Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого.* М.: Проспект, 2005. Т. 1. 776 с.

114. *Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов.* 2-е изд.,

перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. III. 480 с.

115. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2020. 414 с.

116. *Гримм Д.Д.* Лекции по догме римского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2015. 496 с.

117. *Гутников О.В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

118. *Долинская В.В.* Акционерное право. Основные положения и тенденции. М., 2006. 720 с.

119. *Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, О.М. Иванов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов.* М.: М-Логос, 2019. 916 с.

120. *Захаркина А.В.* Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Статут, 2017. 176 с.

121. *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2004. 837 с.

122. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. 880 с.

123. *Иоффе О.С.* Советское гражданское право. М., 1967. 494 с.

124. *Иоффе О.С.* Избранные труды: в 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юрид. центр. Пресс, 2003. 572 с.

125. *Карагусов Ф.С.* Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. Алматы, 2011. 368 с.

126. *Карапетов А.Г.* Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.

127. *Конт О.* Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении / пер. с фр.; предисл. М.М. Ковалевского. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 80 с.

128. *Корпоративное право.* Актуальные проблемы теории и практики /

В. А. Белов [и др.]; под ред. В. А. Белова. 2-е изд., стер. М.: Юрайт, 2021. 552 с.

129. *Корпоративное право: учебник* / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

130. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.

131. *Ксенофонтова Д.С.* Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М.: Статут, 2018. 207 с.

132. *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 267 с.

133. *Кучер А.Н.* Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М.: Статут, 2005. 363 с.

134. *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 510 с.

135. *Ломакин Д.В.* Акционерное правоотношение. М.: Спарк, 1997 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

136. *Манджиев А.Д.* Свобода воли в договорных правоотношениях. М.: Статут, 2017. 192 с.

137. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч.: по исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 2. 455 с.

138. *Морозов С.Ю.* Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

139. *Новицкий И.Б.* Солидарность интересов в советском гражданском праве. М., Госюриздат, 1951. 120 с.

140. *Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации* / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос. 2020. 1104 с.

141. *Познер Р.А.* Экономический анализ права: в 2 т.: пер. с англ. / под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 1. 524 с.

142. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права.

Пг.: Изд. юрид. кн. склада «ПРАВО». 1917. 328 с.

143. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. Е.П. Губин. М.: Юстицинформ, 2019 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

144. *Пьянкова А.Ф.* Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография. Пермь, 2014. 244 с.

145. *Российское гражданское право. Т. I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / под ред. Е.А. Суханова.* М.: Статут, 2015. 960 с.

146. *Сарбаи С.В.* Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.

147. *Свердлык Г.А.* Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 199 с.

148. *Селигмен А.* Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболева. М.: Идея-Пресс, 2002. 200 с.

149. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Пг., 1920. 360 с.

150. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

151. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. 456 с.

152. *Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 639 с.

153. *Толстой В.С.* Исполнение обязательств. М., 1973. 208 с.

154. *Филиппова С.Ю.* Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. 320 с.

155. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирюшенко, М. Колопотина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 730 с.

156. *Халилов В.Ф., Халилова Е.В.* Власть. Политика. Государственная

служба: словарь. М.: Луч, 1996. 271 с.

157. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. М.: Спарк, 1995. 556 с.

158. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. I. 1914. 483 с.

159. *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. 210 с.

160. *Axelrod R.* The evolution of Cooperation. N. Y.: Basic Books, 1984. 241 p.

161. *Berger P.L., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. 249 p.

162. *Black H.C.* Law Dictionary. URL: <https://alegaldictionary.com/good-faith/> (дата обращения: 08.02.2021).

163. *Brandenburger A., Nalebuff B.* Co-opetition: 1. A Revolutionary Mind-Set that Competition and Cooperation. 2. The Game Theory Strategy that's Changing the Game of Business. N. Y., 1996. 304 p.

164. *Chantepie G., Latina M.* La réforme du droit des obligations. Commentaire théorique et pratique dans l'ordre du Code civil. Dalloz, 2016. 1144 p.

165. *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959. 336 p.

166. *Demogue R.* Traité des obligations en general. Paris, 1932. T. VI. 756 p.

167. *Garfinkel H.* Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 288 p.

168. *Giddens A.* The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press, 1984. 402 p.

169. *Habermas J.* The Theory of communicative action / transl. by T. McCarthy. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston, 1984. 465 p.

170. *Homans G.C.* Social Behavior: Its Elementary Forms. N.Y.: Harcourt, Brace, and World, 1961. 411 p.

171. *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft*

Common Frame of Reference (DCFR). Full edition. Munich: Sellier, 2009. Vol. I. 1604 p.

172. *Rothschild M.* Bionomics: Economy as Ecosystem. N. Y.: Henry Holt, 1992. 423 p.

173. *Schwenzler I., Hachem P., Kee C.* Global Sales and contract law. N. Y.: Oxford University Press Inc., 2012.

6. Диссертации и авторефераты

174. *Асланян Н.П.* Основные начала российского частного права: дис ...д-ра юрид. наук. М., 2001. 365 с.

175. *Белоусова Е.В.* Правовое регулирование фидуциарных договоров по гражданскому праву России: дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2011. 189 с.

176. *Богачева Т.В.* Принципы взаимного содействия сторон и экономичности в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 185 с.

177. *Богданов В.В.* Преддоговорные правоотношения в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 155 с.

178. *Гнищевич К.В.* Преддоговорная ответственность в гражданском праве (culpa in contrahendo): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

179. *Ершов В.В.* Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 229 с.

180. *Каренова С.Г.* Социальное взаимодействие: исторический и современный аспект социологического знания: дис. ... канд. социол. наук. М., 2011. 134 с.

181. *Комиссарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 303 с.

182. *Коновалов А.В.* Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 73 с.

183. *Кузнецова О.А.* Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 43 с.

184. *Курунов В.В.* Связь успешности решения познавательных задач с развитием регуляторного опыта: автореф. дис. ... канд. психолог. наук. М., 2008. 22 с.

185. *Макрецова А.А.* Принципы гражданского права переходного периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 12 с.

186. *Панченко П.В.* Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 188 с.

187. *Песков В.Ю.* Межпарламентское сотрудничество как форма представления национальных интересов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2013. 21 с.

188. *Прохорко Т.Н.* Диспозитивность как принцип российского гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 25 с.

189. *Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов в гражданском праве России и его обеспечение в договорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 229 с.

190. *Радченко С.Д.* Злоупотребление правом в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 202 с.

191. *Сырбо В.С.* Отечественный и зарубежный опыт гражданско-правового регулирования фидуциарных отношений (история и современность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

192. *Фатхутдинов Р.С.* Правовые проблемы уступки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.

193. *Цыбуленко З.И.* Правовые проблемы сотрудничества при исполнении хозяйственных обязательств в условиях перехода к рыночной экономике: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1991. 394 с.

194. *Шабунина И.С.* Понятие и особенности возникновения обязательства

вследствие причинения вреда: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 203 с.

195. *Шполтаков О.В.* Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.

196. *Шполтаков О.В.* Правовое регулирование преддоговорных отношений в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 179 с.

197. *Klimas E.* The principle of duty to co-operate, the implementation and significance of this principle in legal contractual construction relations: summary of doctoral dissertation. Vilnius, 2011. 37 p.

7. Научные статьи и тезисы

198. *Александров Н.Г.* Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 16–29.

199. *Анисимов А.П., Мохов А.А., Копылов Д.Э.* Правовой режим животных как объектов гражданских и иных правоотношений // Современное право. 2007. № 4. С. 93–98.

200. *Анчишина Е.А.* Презумпции в современном праве: понятие и правовое значение // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право. 2021. Т. 31, № 1. С. 70–80.

201. *Арсланов К.М.* К понятию о гражданском правоотношении по Германскому праву // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2014. № 4 (81). С. 55–61.

202. *Архипов А.М.* Роль конкуренции в развитии рыночной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2007. С. 56–65.

203. *Афлятунова Н.А.* Подходы к пониманию сотрудничества в психологической науке // Вестник СИБИТа. 2013. № 3 (7). С. 43–46.

204. *Батыгин Г.С.* Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 6–34.

205. *Беляева О.А.* Предназначение торгов // Журнал российского права. 2013. № 10 (202). С. 22–28.

206. *Бирюлин Д.* повышаем градус добросовестности: реляционный договор в корпоративном праве. URL: https://zakon.ru/blog/2020/11/07/povyshaem_gradus_dobrosovestnosti_relyacionnyj_dogovor_v_korporativnom_prave (дата обращения: 20.03.2021).

207. *Богданов Д.Е.* Анализ правовых подходов к возмещению чистых экономических потерь в зарубежном праве // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 82–91.

208. *Богданова Е.Е.* Понятие и содержание права кредитора на защиту // Lex Russica. 2018. № 2 (135). С. 57–64.

209. *Богданова Е.Е.* Тенденции развития гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств: проблемы и перспективы // Lex Russica. 2017. № 5 (126). С. 24–37.

210. *Богданова Е.Е., Пьянкова А.Ф.* Баланс интересов как метод цивилистического исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 135–146.

211. *Боярский Д.А.* Применение правил о добросовестном ведении переговоров к заключению договора на торгах // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 2. С. 57–63.

212. *Бушев А.Ю.* К вопросу о правовой доктрине рисков // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права: сборник научных статей. М.: Издательство «Волтерс Клувер», 2005. С. 111–143.

213. *Бычков А.* Как быть с валютными кредитами? // Арсенал предпринимателя. 2016. № 4. С. 55–62.

214. *Варламова А.Н.* Конкуренция и сотрудничество: конфликт или единство принципов? // Конкурентное право. 2016. № 1. С. 16–20.

215. *Варламова А.Н.* Принцип свободы договора в конкурентном праве // Конкурентное право. 2020. № 1. С. 6–9.

216. *Вахитайн В.С.* Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два

прочтения // Социологическое обозрение. 2003. № 4, т. 3. С. 104–118.

217. *Венедиктов А.В.* Об основных проблемах советского гражданского права // Вестник Ленинградского университета. 1947. № 11. С. 99–123.

218. *Воронина Е.И.* Неимущественные обязательства в гражданском праве России // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2012. Вып. 32. С. 316–327.

219. *Воронцов А.В., Громов И.А.* Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 4. С. 82–102.

220. *Врублевская О.А.* О сущности понятия «Социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 5 (12). С. 60–65.

221. *Гарбер И.Е., Шаров А.А.* Три определения и три подхода к изучению сотрудничества: в социальной, организационной и педагогической психологии // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2018. № 3. С. 238–244.

222. *Голубцов В.Г.* Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебной-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184.

223. *Гонгало Б.М.* Экономика и гражданское право // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 63–73.

224. *Гонгало Б.М.* Объективное и субъективное в правовой доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4 (53). С. 42–46.

225. *Грачев В.В.* Материальная и процессуальная абстрактность вексельного обязательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 45–48.

226. *Гребенкина Л.К., Копылова Н.А.* Концептуальные идеи педагогики сотрудничества как основа педагогического взаимодействия преподавателей и студентов высшего учебного заведения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 22. С. 13–24.

227. *Григорянц С.А., Волгасова Ю.С.* Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 8 (111). С. 105–107.

228. *Гурова Э.А.* Содействие сторон как принцип обязательственного права // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 2. С. 101–106.

229. *Демкина А.В.* Добросовестное и недобросовестное поведение на преддоговорном этапе // Имущественные отношения в РФ. 2016. № 4. С. 6–14.

230. *Дмитриева Н.В.* Сотрудничество всех участников образовательного процесса как одно из условий социализации школьников // Вестник ТГПУ. 2011. № 4. С. 145–150.

231. *Егорова М.А.* Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. 10–21.

232. *Ем В.С., Яценко Т.С.* Функциональное назначение и сфера применения принципа солидарности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18, № 6. С. 9–29.

233. *Зайцев В.В.* Общие положения об ипотеке (часть 1) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1 (25). С. 130–134.

234. *Зинченко С.А., Галов В.В.* Правовая природа имущественной основы корпоративных коммерческих организаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2002. № 3. С. 3–25.

235. *Ибрагимова С.В.* Социальная эффективность права // Восьмой Пермский конгресс ученых-юристов (Пермь, 20–21 октября 2017 г.): Избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2018. С. 210–215.

236. *Казакевич Е.И.* Принципы предпринимательского права: закрепление в законодательстве и реализация в практической деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2020. № 2. С. 7–13.

237. *Калмыков Ю.Х.* О значении общих положений гражданского

законодательства // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С.А. Хохлова / отв. ред. А.Л. Маковский. М.: 1998. С. 43–57.

238. *Калмыков Ю.Х.* Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1980. № 3. С. 70–74.

239. *Карташов В.Н.* Принципы права: понятие, структуры, функции // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 158–166.

240. *Кархалев Д.Н.* Развитие законодательства о защите гражданских прав и охранительных правоотношений // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 9–12.

241. *Карягина В.С.* Злоупотребление жилищными правами: проблемы правовой квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 107–117.

242. *Качанова В.В., Лескова Ю.Г.* К вопросу о проблеме соотношения и взаимосвязи вещных и обязательственных прав // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1. С. 74–83.

243. *Климбей Л.В.* Инновационные стратегии и педагогика сотрудничества в начальной школе // Педагогическая наука и практика. 2016. № 2 (12). С. 52–55.

244. *Климова А.Н.* Понятие и значение принципов гражданского права: теоретические и практические аспекты // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 85–89.

245. *Козлова Е.В.* Организационные договоры: понятие и классификация // Законы России: опыт анализ, практика. 2011. № 5. С. 3–9.

246. *Копылова Н.А.* Современный взгляд на педагогику сотрудничества и реализацию ее идей в практической деятельности образовательных учреждений // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 45. С. 367–373

247. *Копяков А.А.* Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 146–196.

248. *Костян И.А.* Принцип недопустимости злоупотребления правом: отдельные вопросы практики его применения // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2 С. 3–6.

249. *Кривенцова Л.А.* Концепция конкурентного сотрудничества фирм в

современной экономике // Вестник УГТУ-УПИ. Серия: экономика и управление. 2006. № 9. С. 5–8.

250. *Кругликова Е.В.* Титульное обеспечение исполнения обязательств // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 414–432.

251. *Кружкова С.В.* Компенсационный фонд саморегулируемых организаций: правовые основы формирования и распоряжения средствами // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 109–116.

252. *Кузнецова Л.В.* Особенности защиты прав участников фидуциарных правоотношений // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сб. ст. / Ю.Н. Алферова, Ю.В. Байгушева, Ю.В. Виниченко и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2017 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

253. *Кузнецова Н.В.* Обязательные основания заключения гражданско-правовых договоров // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов: сб. науч. ст. 2017. С. 241–246.

254. *Лескова Ю.Г.* Некоммерческие корпоративные организации: особенности правового статуса // Власть закона. 2013. № 2 (14). С. 31–41.

255. *Лившиц Р.З., Никитинский В.И.* Принципы советского трудового права // Советское государство и право. 1974. № 8. С. 31–39.

256. *Ломакин Д.В.* Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. 2019. № 4. С. 3–8.

257. *Лопаткина А.С.* Злоупотребление семейными правами как основание ограничения семейных прав // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 9. С. 148–150.

258. *Лугманов Р.Р.* Деликтное право как средство взыскания чисто экономических убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 115–153.

259. *Луценко С.И.* Теневая часть корпоративного права: вопросы и ответы // Современное право. 2020. № 1. С. 66–73.

260. *Любченко В.С., Левченко И.А.* Право как социокультурное явление //

Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6–1. С. 29–33.

261. *Мещерякова Л.Ю.* Феноменологическая социология Альфреда Шюца: теоретические предпосылки и основные идеи // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2002. № 1. С. 116–127.

262. *Мигачева А.Ю.* О принципе сотрудничества участников гражданских правоотношений // Современное право. 2015. № 7. С. 68–71.

263. *Могилевский С.Д., Егорова М.А.* Правовой режим приобретения акционерным обществом собственных акций // Гражданское право. 2013. № 1. С. 2–5.

264. *Нам К.В.* Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 88–103.

265. *Нам К.В.* Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83–114.

266. *Новицкий И.Б.* Принцип доброй совести в проекте обязательственного права (по изданию 1916 г.) // Вестник гражданского права. 2006. № 1. Т. 6. С. 124–181.

267. *Новицкий И.Б.* Реальное исполнение обязательств // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 143–171.

268. *Новоселова Л.А.* Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2007. С. 197–230.

269. *Орешин Е.И., Сустицына И.И.* Принцип содействия сторон в исполнении обязательства: советский анахронизм или эффективный правовой инструмент? // Закон. 2012. № 11. С. 129–136.

270. *Осипова В.Л.* Антиконтурентные согласованные действия: понятие и квалификация // Конкурентное право. 2018. № 3. С. 17–20.

271. *Пашацкая Л.В.* Принцип юридического равенства участников гражданских правоотношений в розничной купле-продаже // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1. С. 88–91.

272. *Пашерстник А.Е.* О сфере действия и принципах советского трудового права // Советское государство и право. 1957. № 10. С. 92–103.

273. *Пирогова Е.С., Жукова Ю.Д.* Содержание обязанностей участника корпорации на современном этапе развития гражданского законодательства: анализ правовых позиций // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 74–88.

274. *Подшивалов Т.П.* § 3. Преддоговорная ответственность как реализация принципа добросовестности // Принципы гражданского права и их реализация. М.: Проспект, 2017. С. 202–211.

275. *Подшивалов Т.П.* К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений // Пермский юридический альманах. 2018 № 1. С. 365–370.

276. *Подшивалов Т.П.* Конвалидация сделки, совершенной добросовестным приобретателем // Современное право. 2013. № 2. С. 58–61.

277. *Помелов В.Б.* Движение педагогов-новаторов 1980-х годов: к 30-летию педагогики сотрудничества // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия Психолого-педагогические науки. 2016. № 4 (32). С. 74–89.

278. *Райхер В.К.* Абсолютные и относительные права. (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2, т. 7. С. 144–204.

279. *Ровный В.В.* Заметки о фидуциарном договоре. Fiducia в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2. С. 39–51.

280. *Ронжин В.Н.* О понятии и системе принципов социалистического права // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1977. № 2. С. 32 – 36.

281. Рузанова В.Д. § 3. Значение принципа добросовестности для формирования гражданско-правовой законодательной системы // Принципы гражданского права и их реализация. М.: Проспект, 2017. С. 96–102.

282. Рыбалов А. *Dominium utile*. URL: https://zakon.ru/blog/2014/10/14/dominium_utile (дата обращения: 22.03.2021).

283. Рыбалов А. Бремя содержания имущества (ст. 210 ГК). Проект комментария.

URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/13/bremya_soderzhaniya_imuschestva_st_210_gk_p_roekt_kommentariya (дата обращения: 02.02.2021).

284. Сарбаи С.В. Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 7–93.

285. Свердлов Г.А. Гражданское право. Учебник. Т. I. 2-е изд. / отв. ред. Е.А. Суханов: [рецензия на учебник] // Государство и право. 1999. № 8. С. 120–122.

286. Серова О.А. Проблемы правовой оценки деятельности руководителей организации при злоупотреблении полномочиями и «выводе» активов компании // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 5-2. С. 13–19.

287. Синицин С.А. Место корпоративного права в системе частного права // Законодательство. 2015. № 3. С. 31–43.

288. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2002. № 9. С. 79–94.

289. Ткаченко А.А. Понятие и система принципов гражданского права // Научный журнал КубГАУ–Scientific Journal of KubSAU. 2012. № 84.

290. Толстой Ю.К. О теоретических основах кодификации гражданского законодательства // Правоведение. 1957. С. 42–55.

291. Тордия И.В., Савченко С.А. Принципы обязательственного права (международный и национальный аспекты) // Lex russica. 2016. № 10. С. 131–141.

292. Третьяков С.В. Субъективное право как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории //

Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 18–59.

293. *Тужилова-Орданская Е.М.* Соотношение категорий «интерес» и «добросовестность» в процессе осуществления вторичных прав // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 52–68.

294. *Уржинский К.П.* К вопросу о принципах правового регулирования общественных отношений // Правоведение. 1968. № 3. С. 123–126.

295. *Ушницкий Р.Р.* О гражданско-правовой форме корпоративного отношения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 64–91.

296. *Фаткудинов З.М., Губин Е.П.* Г.А. Свердлов. Принципы советского гражданского права. Красноярск: изд-во Красноярского ун-та, 1935. 200 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 6. С. 93–94.

297. *Филиппова С.Ю.* Охрана и защита прав участников коммерческой корпорации // Хозяйство и право. 2016. № 5 (Приложение).

298. *Халилова К.С.* Учебное сотрудничество и эффективность профессионального обучения: вопрос взаимосвязи // Гаудеамус. 2016. № 3. С. 35–40.

299. *Хмелькова Н.В.* От конкуренции к со-конкуренции: новая логика конкурентного сотрудничества // Журнал экономической теории. 2010. № 1. С. 145–155.

300. *Шершень Т.В.* К проблеме определения принципов российского семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4 (9). С. 167–173.

301. *Яковлев В.Ф.* О концепции развития гражданского законодательства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11. С. 6–99.

302. *Яковлев В.Ф.* Принуждение в гражданском праве // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. М.: Городец, 2000. С. 210–222.

303. *Adar Y., Gelbard M.* The Role of Remedies in The Relational Theory of Contract – A Preliminary Inquiry // European Review of Contract Law. 2011. № 7.

P. 399–424.

304. *Giles N.J.* Rethinking the cooperation clause in standard liability insurance contract // *University of Pennsylvania Law Review*. 2013. Vol. 161. P. 585–621.

305. *Huageng Xu.* The trust mechanism in private law: fiduciary duty and good faith as examples. *Renmin Chinese Law Review: Selected Papers of The Jurist*. 2019. Vol. 7. P. 1–19.

306. *Parikshit G., Debraj R.* Cooperation in Community Interaction without Information Flows // *The Review of Economic Studies*. 1996. Vol. 63, Issue 3. P. 491–519.

307. *Pedamon C., Vassileva R.* The “Duty to Cooperate” in English and French Contract Law. One Channel, Two Distinct Views // Forthcoming in the *Journal of Comparative Law*. 2019. Vol. XIV, № 1. P. 1–25.

308. *Schwartz A., Scott R.E.* Precontractual liability and preliminary agreements // *Harvard Law Review*. Vol. 120. 2007. No. 3. P. 668–673.

309. *Vaheesan S.* Privileging Consolidation and Proscribing Cooperation: The Perversity of Contemporary Antitrust Law // *Journal of Law and Political Economy*. 2020. Vol. 1, Issue 1. P. 28–45.

310. *Yildirim A.E.* The concept of pre-contractual duties and a comparison between The Draft Common Frame of Reference, English and Turkish legal systems // *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*. 2017. No. 16(2). P. 171–198.